

Иоганн Вольфганг Гёте

ФАУСТ

1808 г.

Перевод Холодковского Н.А. (1858 – 1921)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чувствует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Весёлых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Всё вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя — увы! — уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по Вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала её страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив ещё, — рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа эоловой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Всё, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Всё, что прошло, — восстало, оживилось!..

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ

Директор, поэт и комик

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мненье: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Тружусь для публики я неизменно:
Она живёт и жить другим даёт.
Подмостки есть, готова сцена,
Ждёт праздника взволнованный народ.

У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе, хоть и не новый труд,
Но всё ж меня берёт невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней — для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь и бежит волной неудержимой,
И в двери тесные и рвётся и спешит.
Нет четырёх часов, до вечера далёко,
А уж толпа кишит, пустого места нет —
Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопёка,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорее сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —
Она в нас мысли лучшие гнетёт;
Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищу я, многодумный, —
Лишь там поэту радость расцветёт;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас приводит к счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста —
Удачно ль, нет ли, — выйти чуть посмеет
На свет — его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенней стала красота!
Мишурный блеск родится на мгновенье,
Прекрасному — потомства поклоненье!

Комик

Потомство! Вот о чём мне речи надоели!
Что, если б для него — потомства — в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечёт
Весёлой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почёт
И что забавник — не лишён значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь её — ему пустое дело,
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперёд! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Директор

А главное, мой друг, введите приключенья!
Глазеть на них — толпе нет выше наслажденья;
Ну, и пускай толпа, разинув рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею —
И Вы упрочили за пьесою свою
Успех, и к Вам толпа уже благоволит.
Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает —
И вот толпа идёт, довольная, домой.
Смелее всё в куски мельчайшие крошите —
И этот винегрет успех доставит Вам.
Легко Вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если Вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дряных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрёк подобный оскорбить;
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берёт оружие, какое бьёт вернее.
С волками жить — по-волчьи выть!
Кто наша публика, позвольте мне спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Идёт сюда переварить обед,
А третий — что для нас всего, пожалуй, хуже —
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно — театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы — те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чём Вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвёздной вышины!
Нет, Вы взгляните-ка поближе!
Те — грубы, эти — холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идёт...
Смешно, когда поэт зовёт
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу Вас об одном: побольше сочинить,
Как можно более — вот в чём моё стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.
Что с Вами? Или Вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нём стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которую, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечёт веретеном послушным,
Когда всё сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, —
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и твёрд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В течение строгих дум — зари вечерней свет?
Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придаёт незначащим листам,
В прославленный веночек вплетая листья эти?
Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг Ваш — эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся — взаимное сближенье,
Затем — свидания, надежды, опасенья;
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь — готов роман. И так-то всё на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться Вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните — тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья
Да искра истины среди мрака заблужденья,
И смотришь — славное сварили Вы питьё,
По вкусу каждому: в нём всяк найдёт своё.
Цвет юности идёт сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдёт,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждёт.
В одном — одну мечту, в другом — другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
ручаюсь, вашей пьесой восхищён:

Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они ещё не прочь и плакать, и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые
Не уставая вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсю я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был — и всё, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность Вам нужнее,
Когда идёте Вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро Вы добиться,
Когда всю ночь придётся Вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почёта, старики!
Что старость в детство нас приводит — пустяки:
До самой старости мы — дети, вот в чём дело!

Директор

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт — властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам — мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем

За лучший — дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны мы сразу уловлять
Всё то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены всё пригодно;
На ней — Вы полный господин;
Берите сколько Вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утёсов, скал, огня, воды:
Ни в чём не будет Вам нужды.
Весь Мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

Далее см. *ПРИМЕЧАНИЯ* (стр. 253)

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

Господь (Бог), архангелы, потом Мефистофель

Рафаил

Звуча в гармонии вселенской
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое Солнце неизменно
Идёт предписанным путём.
Непостижимость Мирозданья
Даёт нам веру и оплот,
И, словно в первый день созданья,
Торжественен Вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несётся Шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твёрдых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь Мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребленья,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создання,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о Господи, явился Ты меж нас
За справкой о Земле, — что делается с нею!
Ты благосклонностью встречал меня не раз —
И вот являюсь я меж челядью твою.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б Ты — ручаться я готов, —
Когда б от смеха Ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок Земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовёт он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне — хоть этикет здесь строгий —
Сравненьем речь украсить: он на вид —
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть ещё в траве сидел бы оно уютно, —
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на Земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой слуга.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружён,
То с неба лучших звёзд желает он,
То на Земле — всех высших наслаждений,
И в нём ничто — ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока ещё умом во мраке он блуждает,
Но Истины лучём он будет озарён;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, —
Пойдёт немедля он за мной.

Господь

Пока живёт он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нём есть стремленье.

Мефистофель

Благодарю: не надо мёртвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путём превратным за собою, —
И посрамлён да будет сатана!
Знай: чистая душа в своём исканье смутном
Сознанья Истины полна!

Мефистофель

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:
Триумф победы — вот моя награда!
Пусть вьётся он в пыли, как тётушка моя,
Достопочтенная змея!

Господь

Тогда явись ко мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицанья
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, — потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть побуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, —
Пусть вечно радуется вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная Любовь,
И всё, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

(Небо закрывается. Архангелы расходятся.)

Мефистофель

(один)

Охотно Старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чёртом обходиться!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1

НОЧЬ

Старинная комната с высокими готическими сводами.

Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердием и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — и вот
Тому пошёл десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу всё ж, что не дано нам знанья.
Изнюла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!

Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пёс не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю Мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась —
Не слов пустых набор случайный!

О Месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..
О, если б мог бродить я там
В твоём сиянье по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..
Ещё ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь Солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
Реторот и банок целый ряд
В пыли с приборами стоят
На ветхих полках много лет,
И вот твой мир! И вот твой свет!
Ещё ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти — на скелет!..
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил.
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу Дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумлённою душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Всё вокруг меня! Здесь с дивной глубиной
Всё творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
 «В мир духов нам доступен путь,
 Но ум твой спит, изнемогая,
 О ученик! восстань, купая
 В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы вышние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над Землёй и в высоте небесной —
И стройно всё звучит в гармонии чудесной!
О, этот вид! Но только вид — увы!
Мне не объять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, — вы,
Дарующие жизнь струёю благодатной,
Которыми живёт и небо и Земля,
К которым рвётся так больная грудь моя?
Вы всех питаете — что ж тщетно жажду я?

(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак духа Земли.)

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильней —
Снесу и горе я и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?
 Повсюду мрак и тишина.
 Меж туч скрывается Луна,
 И лампа тихо угасает.
 Над головою в вышине
 Кровавый луч во мгле сверкает,
 И в кровь, стесняя сердце мне,
 Холодный ужас проникает.
 О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!
 Как сердце бьётся у меня в груди!
 Всем существом, души всей мощным зовом

Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне — я всем сердцем твой!
Пусть я умру — явись передо мной!

(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание. Вспыхивает красноватое пламя, в котором является дух.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Дух

Я вызван мощным голосом твоим:
К моей ты сфере льнул, её ты порожденье, —
И вот...

Фауст

Увы, твой вид невыносим!

Дух

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто Мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, желал?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всею силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжён,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Фауст

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всём!

Дух

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье —
Вечное море;
Жизнь и движенье
И вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый Мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь —
Не мне.

(Исчезает.)

Фауст
(падая)

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ божества,
Не близок и тебе!

(Стучатся в дверь.)

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло всё! О смерть, о муки!
Да, он пришёл смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

(Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.)

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали Вы сейчас —
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
Актёр священнику помочь своим советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актёр и сам,
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать! Мы живём всегда в уединенье;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.
Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в Вас чувства нет, всё это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А Вы? Сидите да кропаете,
С чужих пиров объедки подбираете —
И будет пёстрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус — пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечёт,
Коль не из сердца ваша речь течёт.

Вагнер

Нет, в красноречье — истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мёртвых и сухих?

Вагнер

Ах, боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
Моё стремленье к знанью неустанно,
И всё-таки порой грызёт меня тоска.
Как много надо сил душевных; чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут, того гляди, ещё на полпути
Придётся бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдём источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?
О нет, в душе своей одной
Найдём мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим
За духом времени? За много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как в сравненье с ним
Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звёзд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени — увы! — не что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Всё пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад ещё, когда придётся прочитать
О важной пьесе с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А Мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счёт.

Фауст

Да; но что значит — знать? Вот в чём все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречёт?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я — хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой учёный спор!
Ну что ж: хоть завтра, в Пасху, в воскресенье,
Позвольте Вам ещё вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвеньё:
Хоть много знаю я, но всё хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Он всё надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной —
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуя!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов Земли,
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в иступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу Истины, сияющей и вечной,
Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось, я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь Мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как бог, хотел вкусить святого наслажденья —
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался, — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек, — безвестен мой удел!
Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?
Научит кто? Куда идти?

Увы, себе своими же делами
Преграды ставим на пути!
К высокому, прекрасному стремиться
Житейские дела мешают нам,
И если благ земных нам удалось добиться,
То блага высшие относим мы к мечтам.
Увы, теряем мы среди жизненных волнений
И чувства лучшие и цвет своих стремлений.
Едва фантазия отважно свой полёт
К высокому и вечному направит, —
Она себе простора не найдёт:
Её умолкнуть суета заставит.
Забота тайная тяжёлою тоской
Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,
И сокрушает нам и счастье, и покой,
Являясь каждый день под новою личиной.
Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;
Пожара, яда мы боимся в высшей мере;
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,
Ещё не потеряв, мы плачем о потере.
Да, отрезвился я — не равен я богам!
Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.
Да, во прахе я! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Всё пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире всё страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеёшься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колёса.
Пред дверью я стоял, за ключ надёжный свой
Считал вас... Ключ хитёр, но всё же двери той
Не отопрёт замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами,
Увы, чего не мог постигнуть ты душой
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне торчит!
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот свёрток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно здесь потеть под гнётом мелочей!
Что дал тебе отец в наследное владенье,
Прибрати, чтоб им владеть вполне;
В чём пользы нет, то тягостно вдвойне,

А польза только в том, что даст тебе мгновенье.
Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечёт меня к себе, блестящий, милый взору!
Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу Луна в ночную пору.
Привет тебе, единственный бокал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных,
Служи владельцу своему вполне!
Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;
Возьму ли я тебя — смиряется желанье.
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Престо мной эфир
И новый путь в пространствах Мирозданья.
Туда готов лететь я — в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь Земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному Солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело нам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнём своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!
Приди ж ко мне, кристальный мой бокал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседе,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах её значенье
И залпом осушать всю чашу в заключение —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмельён напиток мой, и тёмен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою.
В последний раз я пью и с чашей роковою
Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал. Раздаётся звон колоколов и хоровое пение.)

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окружённые,
Злом заражённые,
Мир вам, прощённые
Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не даёт испить напиток истребления.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть святого воскресенья.
В ту ночь, когда с Землёй сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облачён Христос, —
Кто ж из гробницы
Тело унёс?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения, —
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовёте мощно вы
Меня из праха вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я — я слышу Весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо — веры есть любимое дитя!
Стремиться в мир небес, откуда Весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И всё же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная Любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.

Всё, всё мне вспомнилось — и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные, плывите надо мною!
Я слёзы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжкой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый исления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок учитель вам:
С вами он сам!

СЦЕНА 2

У ГОРОДСКИХ ВОРОТ
Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу!

Один из подмастерьев

Пойдём к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!

Туда дорога чересчур худа.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвёртый

В Бургдорф наведаться советую я вам.

Какие девушки, какое пиво там!

А драка — первый сорт! Пойдёмте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: всё драки подавай,

Вот погоди, намнут тебе бока-то!

Ступай-ка сам — меня не зазывай.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нём?

Он вечно ходит за тобою,

Болтает, пляшет не со мною:

Что мне в веселии твоём?

Вторая

Да мы пойдём не с ним одним:

Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, чёрт возьми! Смотри, бегут как живо!

А что, коллега, надо их догнать!

Забористый табак, да пенистое пиво,

Да девушка-краса — чего ещё желать!

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!

Ведь это просто стыд и срам!

Могли бы в обществе отличном прогуляться —

Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент

(первому)

Постой: вон две идут другие;

Из них соседка мне одна.

Мне очень нравится она.

Смотри, нарядные какие!

Не торопись, идут они шажком

И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!
Чья ручка пол метёт, когда придёт суббота,
Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к чёрту не годится.
Что день, то больше он гордится.
А много ль город видит пользы в нём?
Что день, то хуже, без сомненья:
Всё только больше подчиненья
Да платим мы всё больше с каждым днём.

Нищий

(поёт)

Весёлой, пёстрою толпою
Вы здесь идёте, господа;
Взгляните, сжальтесь надо мною,
Да тронет вас моя нужда!
Услышьте голос мой молящий!
Лишь тот блажен, кто может дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днём сытым буду я считать!

Другой горожанин

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далёкой стороне,
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после, к вечеру, иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душою.

Третий горожанин

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живём,
А там, кто хочет, пусть себе дерётся!
Перевернишь весь свет вверх дном —
Лишь здесь по-старому пускай всё остаётся!

Старуха

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены, — что розан молодой!
Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влюбиться?
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:
Старушка может пригодиться.

Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи прочь!
Нам с ведьмой говорить при людях не пристало.
Хотя, поверь, в Андреевскую ночь
Сужёного мне ловко показала.

Другая

У ней я тоже видела его:
Мне в зеркале колдунья показала.
Военный — как хорош! Уж я его искала,
Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг — и солдата
Нет уже там.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Умчались в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;
Весенней красою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны, —
Но Солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремленье родится,
Всё вырасти хочет, спешит расцветиться,
И если поляна ещё не цветёт,
То вместо цветов нарядился народ.
Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;
Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлён, разодет;
Погреться от Солнца — для всех наслажденье,
Они торжествуют Христа воскресенье
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни,
Из комнаты душевной, с работы тяжёлой,

Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою весёлой,
И после молитвы во мраке церквей
Так сладостен воздух зелёных полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты весёлой и пёстрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.
И вот уж последний челнок нагруженный
С усилием отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдалённой,
Виднеются пёстрые платья везде.
Чу! Слышится говор толпы на поляне;
Тут истинный рай им! Ликуют селяне,
И старый и малый, в весёлом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с Вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого — и не решился б я
Один здесь оставаться с мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Я наблюдаю с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ, —
И это он зовёт весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне

(танцуют под липой; пляска и пение)

Пустился в пляску пастушок;
На нём и ленты, и венки,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.
В толпу немедля он влетел
И локтем девушку задел
Для первого начала.
Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо, — говорит, —
Потише б не мешало!»
Но он, обвив её рукой,
Пустился с нею в пляс лихой —
Лишь юбки развевались.
Её он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.
«Пусти, меня не проведёшь!
Я знаю: ласки ваши — ложь,
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв её, влечёт,
А там, вдали, шумит народ
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин

Прекрасно с вашей стороны,
Что Вы пришли в весёлый час!
Вы так учёны и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит,
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она Вам освежит,
И сколько капель чистых в ней —
Дай Бог Вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет — благодарю.

(Народ собирается вокруг.)

Старик

Да, мысль благая — посетить
Народ теперь, в весёлый час;
Но Вам случилось приходить
И в дни беды, трудясь для нас.
Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим
Меж трупов, гноем залитых, —
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Народ

Учёный муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Фауст

Склонитесь лучше перед Тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идёт с Вагнером дальше.)

Вагнер

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья!
О, счастлив, кто дары свои и знанья
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты — они стоят рядами,
И шапки вверх летят все тут!

Ещё момент — и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Фауст

Пойдём туда: на камне том
Присядем мы и отдохнём немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,
Молясь и призывая Бога.
С надеждой, с верою в Творца,
В слезах, стенья, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, тёмный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В её круги святые он стремился
Проникнуть всеми силами души —
По-своему, но честно. Меж адептов
Сидел он в чёрной кухне взаперти
И силился бальзам целительный найти,
Мешая разных множество рецептов.
Являлся красный лев — и был он женихом,
И в тёплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнём,
И из сосуда их в сосуд перемещали.
И вслед — блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключения,
А выздоравливал ли кто,
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!
Средь этих гор губили мы
Страшной губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет — а я живу... И вот —
В моём лице воздал народ
Своим убийцам честь и славу!

Вагнер

Ну стоит ли об этом Вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели Вы всё к делу приложить,
Что от других Вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почёт
Воздали Вы, — он был доволен Вами;
Потом науку двинули Вы сами,
А сын Ваш снова далее пойдёт!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада —
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!

Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.

Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами,
Взгляни: уж Солнце стало озарять
Сады и хижины прощальными лучами.
Оно заходит там, скрываясь вдали,
И пробуждает жизнь иного края...

О, дайте крылья мне, чтоб улететь с Земли
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!

И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь Мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.

Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумлёнными очами.

Вот Солнце скрылось, но в душе больной
Растёт опять могучее желанье

Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.

Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!

Но подавить нельзя подчас
В душе врождённое стремленье —

Стремленье ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,

Орёл парит свободно над горами
Иль высоко под облаками

К далёкой родине своей
Несётся стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...

Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!

Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!

И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьётся!

А если редкий мне пергамент попадётся,
Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремленье,
Другое знать — несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!

Из них одной мила Земля —
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой — небесные поля,
Где тени предков там, в эфире.

О духи, если вы живёте в вышине
И властно реете меж небом и Землёю,
Из сферы золотой спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизньнюю иною!
О, как бы я плащу волшебному был рад,
Чтоб улететь на нём к неведомому миру!
Я б отдал за него роскошнейший наряд,
Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывайте Вы знакомый этот рой,
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;
От века он душе людской
Грозит со всех концов и горем и бедами.
То мчатся с севера, и острый зуб их лют,
И языком они язвят нас, как стрелою;
То от востока к нам они бездожде шлют
И сушат нашу грудь чахоткой злою;
То, если из пустынь пошлёт их жаркий юг,
Они палящий зной над головой нам копят;
То с запада они примчат прохладу вдруг,
А после нас самих, луга и нивы топят.
Они спешат на зов, готовя гибель нам:
Они покорствуют, в обман увлечь желая,
Уподобляются небес святым Послам,
И пенью ангелов подобна ложь их злая...
Однако нам домой пора давно:
Туман ложится, холодно, темно...
Да, только вечером мы ценим дом укромный!
Но что ж Вы стали? И чем в долине тёмной
Вниманье ваше так привлечено?
Чего ваш взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь — чёрный пёс по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нём?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несётся он всё ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Вы впали ненароком в зрительный обман;
Там просто чёрный пёс — и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он завлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина — и видит двух чужих!
Взгляните, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пёс как пёс — не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнёт: собачьи все хватки

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом конца забавам нет;
Стоишь спокойно — ждёт он терпеливо;
Окликнешь — он к тебе идёт;
Обронишь вещь — он мигом принесёт;
Брось палку в воду — он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Всё дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке приручённой
Привяжется порой и муж учёный.

(далее произносит с пафосом)

Воспитанник студентов удалых,
Пёс этот стоит милостей твоих!

(Они входят в городские ворота.)

СЦЕНА 3

КАБИНЕТ ФАУСТА
Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера Богу,
Воскресла к ближнему Любовь.

Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся;
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно,
Гостем приветливым будь.

Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветёт —
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струёю бьёт.

Пудель, молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным
Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.
Злобно ворчат лишь, собой не владея.
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?
Но горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.
Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но чтоб утрату счастья заменить,
Мы неземное учимся ценить
И в Откровенье ждём себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам новый говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной,
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «В начале было Слово» —

И вот уже одно препятствие готово:
Я Слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От Истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу смело,
Могу писать: «В начале было Дело»!

Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принуждён я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдёшь тут легко ты.

Но что я вижу? Явь или сон?
Растёт мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!
В длину и в ширину растёт.
Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как Бафомет,
Он на меня оскалил пасть.
О, ты мою узнаешь власть!
«Ключ Соломона» весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Духи
(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним,
Как лиса среди тенёт,
Старый бес сидит и ждёт.
Так слетайся же скорей,
Осторожных духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Фауст

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!

Стихии четыре
Царят в этом Мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник, —
Чужда тому власть,
Чтоб духов заковать.
Исчезни в огне,
 Саламандра!
Разлейся в волне
 Ты, Ундина!
Звездой просверкай
 Ты, Сильфида!
Помощь домашнюю дай,
Incubus, Incubus,
Выходи, чтоб закончить союз!
Нет, ни одной из четырёх
В ужасном звере не таится:
Ему не больно; он прилёт
И скалит зубы и глумится.
Чтоб духа вызвать и узнать,
Сильней я буду заклинать.
Но знай же: если ты, наглец,
Из ада мрачного беглец, —
То вот — взгляни — победный знак!
Его страшатся ад и мрак,
Ему покорны духи праха.
Пёс ошестинился от страха!
Проклятое созданье!
Прочтёшь ли ты названье
Его, несотворённого,
Его, неизречённого,
И смерть и ад поправшего
И на кресте страдавшего!

Страшен, грозен, громаден, как слон,
Вырастает за печкою он,
И в тумане он хочет разлиться!
Он весь свод наполняет собой.
Мрачный дух, повелитель я твой:
Предо мною ты должен склониться.
Не напрасно грозил я крестом:
Я сожгу тебя божьим огнём!
 Не жди же теперь от меня
 Трикраты святого огня!
 Не жди, говорю, от меня
 Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи появляется Мефистофель в одежде бродячего схоласта.

Мефистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел:
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мефистофель

Привет мой Вам, науки жрец почтенный!
По Вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной
В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтоб узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозвание вам даётся:
Дух злобы, демон лжи, коварства — как придётся.
Так кто же ты?

Мефистофель

Часть вечной силы я,
Всегда желавший зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще — что такое?

Мефистофель

Я отрицаю всё — и в этом суть моя.
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на Земле живёт.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, всё, что злом ваш брат зовёт, —
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это всё — моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.
Ведь это только вы мирок нелепый свой
Считаете за всё, за центр всего творенья!
А я — лишь части часть, которая была
В начале всей той тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья
С могучей ночью, матерью творенья.
Но всё ж ему не дорасти до нас!
Что б он ни породил, всё это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,
В границах тел должно всегда остаться,
И — право, кажется, недолго дожидаться —
Он сам развалится с телами в тлен и прах.

Фауст

Так вот твоё высокое значенье!
Великое разрушить ты не мог,
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.
Дрянное Нечто, мир ничтожный,
Соперник вечного Ничто́,
Стоит, не глядя ни на что,
И вред выносит всевозможный:
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град —
И море и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил —
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течёт своей широкою рекою.
Да, хоть с ума сойти, — всё в Мире так ведётся,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьётся,
Один огонь ещё, спасибо, остаётся.
А то б убежища, ей-Богу, не найти!

Фауст

И этой силе животворной,
Всегда борящейся со злом,
Гротишь напрасно, дьявол вздорный,
Своим холодным кулаком.
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим...
Но после мы с тобой ещё поговорим.
Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твоё знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно — открытая дорога!
Не то — в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь.
Тут кое-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма этому виной?
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путём впросак попался?

Мефистофель

Изволили её Вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, — и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?
Вот удалось негаданно-нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил — и вмиг переменился вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы! таков закон чертей и привидений:
Каким путём вошёл, таким и выходить.
Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошёл.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть
С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь получить
Сполна, — ни в чём тебя мы не надуем.
Да, но об этом долго рассуждать.
Другой раз мы подробней потолкуем.
Теперь же я прошу нижайше позволенья
Уйти. Нельзя ль Вам пентаграмму снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Остаюсь на мгновенье.
Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперь пусти! Ведь я приду опять;
Тогда расспрашивай — на всё я дам решенье.

Фауст

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;
Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?
Кто чёрта держит, тот его держи:
Не скоро ведь опять его поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;

Но попрошу мне волю предоставить
Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;
Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье —
Всё, всё тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Духи

Вы, тёмные арки,
О, пусть вас не станет!
Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчезая,
Рассеется рой!
Пусть звёзды, мерцая,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блещут!
Как лёгкая стая,
В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, всё ближе
К Земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют
Над кущами мирной,
Блаженной страны,
Где, в неге беседки,
Дум сладких полны,
Влюблённые млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,

Сок гроздь струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино;
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая
Сияющих гор,
Течёт, ниспадая,
В равнины озёр.
Холмов вереницы
Меж ними цветут,
И райские птицы
Блаженство там пьют,
И к Солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликования
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,
И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной Вселенной,
Где звёзды, сверкая,
Дарят им, лаская,
Блаженство Любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,
Спасибо вам моё за ваши песнопенья:
В долгу у вас я за концерт такой.
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,
Весь погружён в обманчивый покой.
Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызёт.
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье
Моё исполнить только ждёт.
Владыка крыс, мышей, лягушек,
Клопов, и блох, и вшей, и мушек
Тебе изволит приказать
К тому порогу подбежать —
И там, где масло он положит,
Пускай твой зуб усердно гложет.
Живей, зверёк! Вперёд! Мешает выйти мне
Там, с краю, уголок на левой стороне.

Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!
Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст
(просытаясь)

Ужели я обманут снова?
Мир духов вновь исчез: во сне
Коварный бес явился мне,
А пудель скрылся из алькова!

СЦЕНА 4

КАБИНЕТ ФАУСТА
Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают!

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите же!

Мефистофель

Трижды приглашают
Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу,
Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:
В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой, —
Чем я не бравый молодец?
И не пора ли наконец
Тебе одеться в том же роде?
Тогда, на воле, на свободе,
И бросив вздорные мечты, —
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень, всё мучусь я хандрою,
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.

Свет ничего не даст мне, я уверен.
«Умерен будь! Лишь будь умерен!» —
Вот песня вечная у нас.
Она терзает наши души,
Её поют нам хрипло в уши
И каждый день и каждый час!
Встаю ли утром — ждут меня страдания:
Я убеждён, что долгий день пройдёт
И мне не даст, я знаю наперёд,
Ни одного достичь, ни одного желанья!
Мгновенье радости почую ли душой —
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы, лелеянные мной,
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается и мне
С тоской в постель приходится ложиться,
Не знаю я покоя и во сне:
Мне сон жестокий будет сниться.
Тот бог, который жив в груди моей,
Всю глубину её волнует:
Он правит силами, таящимися в ней,
Но силам выхода наружу не дарует.
Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила —
И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный,
Того, кто, лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной
Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мёртвым в миг тот роковой,
Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А всё-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва
Отвлёк меня знакомый звон,
И чувства детские так живо
Восстали, — был я обольщён.
Всеми, что душу обольщает,

Я шлю проклятие, — всему,
Что наше сердце увлекает,
Что льстит несчастному уму!
Проклятье — выпретенное мненье
О духе, разуме людском!
Проклятье — наше ослепленье
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грёзам лицемерным,
Мечтам о славе — тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искромётному вину,
Надежд и веры всей святыне, —
Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, клянущ!

Хор духов
(невидимо)

Увы, увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражён полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки создання
В ничтожества тьму
Сквозь плач и рыдания
О дивной погибшей красе...
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своём;
С душой обновлённой
Ты новую жизнь начинай, просветлённый,
И новую песнь мы тебе воспоем!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишён рассудка;
Он даёт совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где, во мгле сырой,
Стынет кровь и ум смолкает:
Выйди в мир, где жизнь сверкает!
Довольно же играть своей тоскою,
Что рвёт, как коршун, грудь твою! Взгляни:

Ты окружён беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Всё-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить,
Буду усердно тебе я служить,
Я тебе преданным спутником стану
И ни на шаг от тебя не отстану;
Знай, что повсюду помощник я твой;
Стану твоим я покорным слугой.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой ещё не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Чёрт — эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.
Ясней условимся, мой друг:
Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинён вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,
Ты отплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там, о том мне нет заботы;
Когда разрушишь этот свет легко ты,
Пусть себе иной возникнет свет!
Здесь, на Земле, живут мои стремленья,
Под Солнцем, здесь, мои мученья;
Когда ж придёт последнее мгновенье —
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в эфире, —
Бывает ли любовь и ненависть у них,
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж, если так — условься же смелей,
И я тебя немедля позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю
Чего ещё никто не ведал из людей!

Фауст

Что дашь ты, жалкий бес, какие наслажденья?
Дух человеческий и гордые стремленья
Таким, как ты, возможно ли понять?

Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;
Дашь золото, которое опять,
Как ртуть, из рук проворно убегает;
Игру, где выигрыш вовеки не бывает;
Дашь женщину, чтоб на груди моей
Она к другому взоры обращала;
Дашь славу, чтоб чрез десять дней,
Как метеор, она пропала, —
Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,
И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня пустое!
Легко б я надавать таких сокровищ мог;
Но, может быть, захочешь ты, дружок,
Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна, в довольстве и покое,
Я упаду, тогда настал мой срок!
Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,
Восторгом чувственным когда меня обманешь,
Тогда — конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!

Мефистофель

Идёт!

Фауст

Ну, по рукам!
Когда воскликну я: «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» —
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я —
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня.

Мефистофель

Я буду помнить всё; рискуешь ты, не скрою.
Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всём.
Поверь, я не кичусь собою;
Тебе ль, другому ли — рабом
Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,
А я сегодня же исполню роль прислуги!
Ещё одно: неверен жизни срок;
Могу ль у Вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,
Что значит человек и данное им слово?
То, что сказал я, власть тебе даёт
Над всей земною жизнью моею;
Весь мир меняется, несётся всё вперёд,
А я — нарушить клятву не посмею?
Что делать: рождены мы с глупостью такой!
Кто от неё избавиться сумеет?
Блажен, кто верен, чист душой:
Он жертвовать ничем не пожалеет.
Но лист пергамента с печатями на нём —
Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.
Мы слову смолкнуть на пере даём,
А воск и кожу одаряем властью!
Итак, чего ж ты хочешь, бес? Ответь!
Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь —
Решай же, выбирай свободно!
Перо ли взять, резец иль грифель? Что ещё?

Мефистофель

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решишь
И каплей крови подпишишь.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь — сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только чтоб ни тени беспокойства
За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился:
Моё достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;
К науке я давно исполнен отвращенья,
Тушить страстей своих пожар
В восторгах чувственных я буду,
И под густой завесой чар
Готов ко всякому я чуду!
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страданье и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой;
Кто хочет действовать — тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет Вам ни в чём ни меры, ни преграды;
Чем ни захочется полакомиться Вам —
Всё смело на лету хватайте здесь и там,
Что послужить вам может для отрады!
Не надо лишь робеть и выбор свой стеснять.

Фауст

Не радостей я жду, прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,
Влюблённой злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знания исцелён,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Всё испытать, изведать должен он!
Я обниму в своём духовном взоре
Всю высоту его, всю глубину;
Всё счастье человечества, всё горе —
Всё соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой милый,
Никто ещё, с пелёнок до могилы,
Не переваривал закваски вековой.
Весь этот свет, всё Мирозданье —
Для Бога лишь сотворены;
Себе Он выбрал вечное сиянье,
Мы — в вечный мрак погружены;
А вы — то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;
Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:
Ars longa, vita brevis est [Искусство вечно, жизнь коротка (*лат.*)].
Позвольте Вам сказать словцо совета:
Коль уж на то пошло, сыщите Вы поэта, —
Пусть мыслью в небе он парит
И всё возвышенное света
В особе вашей пусть осуществит:
Отвагу пламенную львов,
Оленя быстроту,
Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.
Пускай найдёт он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное чувство,
По плану Вам составит идеал,
По плану Вас влюбить не затруднится;

Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,
Ему б я имя Микрокосма дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,
Венца, к которому стремится род людской,
К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.
Надень парик с миллионами кудрей,
Стань на ходули, но в душе своей
Ты будешь всё таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал
Сокровища познания людского;
Не нахожу в себе я силы снова,
Когда свести я счёты пожелал;
Ни на волос я не выше и не ниже,
И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,
Как все на них вы смотрите; а надо
Умней, толковой тратить свой досуг,
Пока доступна жизни вся отрада.
Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад — твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак, смелей! Раздумье всё долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спешу, надеждой окрылённый!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойдённый,
А вкруг цветёт роскошный луг зелёный!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.

Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Оставь соседу эту честь.
Толочь ли воду ты желаешь?
Все лучшие слова, какие только знаешь,

Мальчишкам ты не можешь преподнести.
Да вот, один идёт, уж в коридоре.

Фауст

Я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:
Бедняжка долго ждал, он будет в страшном горе.
Твой плащ да шапочку на время я возьму;
Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему —
Всего лишь четверть часика мне нужно, —
А сам иди да в путь сготовься дружно.

(Фауст уходит.)

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Лишь презирай свой ум да знания светлый луч —
Всё высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый, —
Тогда ты мой, без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своём стремленье пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться;
Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И даже не успеет он душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к Вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает Вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к Вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;

И деньги есть, и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у Вас.

Мефистофель

О, если так — на месте Вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас
Назад: все эти стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;
Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!
А в залах, на скамьях — в одно мгновение
Теряешь сразу ум, и слух, и зренье.

Мефистофель

На всё привычка есть, мой юный друг:
Дитя — и то у матери не вдруг
Берёт сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть.
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей Вам факультет?

Ученик

Хочу я быть учёным чрезвычайным,
Приблизиться ко всем Земли и Неба тайнам —
обнять желаю, словом, полный круг
Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,
Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом и душой, от сердца глубины
Отдамся я ученью; но нельзя ли
И отдохнуть — гулять по временам,
Хотя бы летом, по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят безвозвратно!
Но наш порядок даст привычку Вам
Распределять занятия аккуратно.
А потому, мой друг, на первый раз,

По мне, полезно было бы для Вас
Курс логики пройти: в её границах
Начнут дрессировать Ваш ум,
Держа его в ежовых рукавицах,
Чтоб тихо он, без лишних дум
И без пустого нетерпенья,
Вползал по лестнице мышленья,
Чтоб вкривь и вкось, по всем путям,
Он не метался там и сям.
Затем внушат Вам ради той же цели,
Что в нашей жизни всюду, даже в том,
Для всех понятном и простом,
Что прежде сразу делать Вы умели —
Как, например, питьё, еда, —
Нужна команда «раз, два, три» всегда.
Так фабрикуют мысли. С этим можно
Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
В нём управленье нитью сложно:
То вниз, то вверх снуёт челнок,
Незримо нити в ткань сольются;
Один толчок — сто петель выются.
Подобно этому, дружок,
И Вас философ поучает:
«Вот это — так, и это — так,
А потому и это так,
А если первая причина исчезает,
То и второму не бывать никак».
Ученики пред ним благоговеют,
Но ткань соткать из нитей не сумеют.
Иль вот: живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нём познание получить,
Учёный прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
Encheiresin naturae именуется
Всё это химия; сама того не чувствует,
Что над собой смеётся.

Ученик

Виноват:

Неясно это мне.

Мефистофель

О, всё пойдёт на лад:

В редукцию лишь надо вникнуть,
К классификации привыкнуть.

Ученик

Всё дико мне! В мозгу моём
Всё завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первой всего, займитесь неизбежно
Вы метафизикой: учитесь ей прилежно;

Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь
В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли — не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья Вас выводит!
Но в первые полгода, милый друг,
Порядок Вам нужнее всех наук;
Вам в день занятий пять часов нормально:
С утра к звонку являйтесь пунктуально!
Старайтесь раньше дома протвердить
Параграф, чтобы в классе проследить,
Что Вам твердит учитель, слово в слово,
Лишь то, что в книге, — ничего другого,
И так старательно пишите всё в журнал,
Как будто б дух святой вам диктовал.

Ученик

Об этом мне напоминать не надо!
Сам знаю я, какая в том отрада.
Спокойно мы домой тетрадь несём:
Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влеченья.

Мефистофель

Что ж, не во вред Вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.
Законы и права, наследное именье,
Как старую болезнь, с собой
Несёт одно другому поколенью,
Одна страна — стране другой.
Безумством мудрость станет, злом — благое:
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное —
О нём — увы! — и речи нет!

Ученик

К ней утвердили Вы моё презренье.
Блажен, кому Вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану Вас вводить я в заблужденье,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: всё в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли можно.
И здесь учителя Вы слушать одного
Должны и клясться за слова его.

И вообще: держитесь слова
Во всём покрепче, каждый раз!
Тогда дорога верная для Вас
В храм несомненности готова.

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:
Коль скоро недочёт в понятиях случится,
Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять:
В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, Вам наскучил я; но снова
Решусь я Вас вопросом утруждать:
Нельзя ли будет мне узнать
О медицине ваше слово?
Три года— много ли? А время ведь не ждёт,
И — бог мой! — мудрости так необъятно поле!
Когда указан путь, тогда гораздо боле
Почувствуешь себя продвинутым вперёд.

Мефистофель

(в сторону)

Ну, речь педантская порядком мне приелась:
Мне сатаной опять явиться захотелось.

(вслух)

Дух медицины всяк легко поймёт!
Большой и малый свет Вам изучать придётся.
А там — пускай всё остаётся,
Как Бог пошлёт.
В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил,
Тот мигом делает карьеру.
Притом же Вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны:
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот — ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться: их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите всё одним, всё тем же самым;
Тут стоит такта чуточку иметь —
И, смотришь, все попались в вашу сеть.
Ваш титул им внушит тот вывод ясный,
Что Вы — искусник редкостный, прекрасный,

Каких на свете мало есть; а там —
Вы сразу приметесь за всяческие штучки,
Которых ждут иные по годам;
Пожмёте нежно пульс прелестной ручки
И, пламя хитрое придав своим глазам,
Изящный стан Вы обовьёте ловко:
Уж не тесна ли, мол, у Вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше, видно — как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я как во сне!
Ещё разок прийти нельзя ли мне?
Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от Вас! Позвольте
Попросить Вас написать в альбом мне пару слов
В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик

(читает)

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum [И будете, как Бог, различать добро и зло] *(лат.)*.

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

Следуй лишь этим словам да змее, моей тётке, покорно:
Божье подобье своё растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

Фауст

(входя)

Куда ж теперь?

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.
Сначала в малый свет, потом в большой.
С каким весельем, друг ты мой любезный,
Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет; я — с этой длинной бородой —
Далёк от жизни лёгкой, молодой.

Не верю я в попытку эту;
Притом всегда я чужд был свету.
Я ниже всех себе кажусь,
Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Уменье жить придёт само собою.
Лишь верь в себя, так жизнь возьмёшь ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?
Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть —
И мы взовьёмся легче вьюги.
Но на полёт отважный свой
Ты не бери узлов с собой;
Вот я дыханьем огненным повею —
И мы поднимемся с поверхности земной:
Чем легче, — тем скорей помчишься ты со мной.
Ну-с, с новой жизнью Вас поздравить честь имею!

СЦЕНА 5

ПОГРЕБ (КАБАК) АУЭРБАХА В ЛАЙПЦИГЕ

Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьёт! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы — что мокрые рогожи.
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват — кого ж винить другого?
Ни глупостей, ни свинства никакого!

Фрош

(выливая ему на голову стакан вина)

Так получи сполна!

Брандер

Свиньёй свинья!

Фрош

Ты сам просил — исполнил я.

Зибель

Кто ссорится, тех — вон! Их нам не нужно.
Знай пойте, пейте да ревите дружно:
«Гоп, голла, го!»

Альтмайер

Пропали мы, беда!
Где вата? Уши мне он раздерёт! Ужасно!

Зибель

Когда трясутся своды, лишь тогда
Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош

Идёт! А кто перечит, тех — за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер

Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош

Ну, глотки все настроены теперь!

(Поёт.)

Святой, высокий римский трон,
Как до сих пор не рухнет он?

Брандер

Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!
Создателя благодарите смело,
Что римский трон блюсти — не ваше дело!
Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не велит.
Но старшину иметь не худо и меж нами:
Так изберём мы папу сами.
Известно вам, какой чертой
Решается избранье в сан святой?

Фрош

(поёт)

Взвейся, подымися к небу, соловей,
Сто раз поклонися милой ты моей!

Зибель

Поклона милой нет — и чтоб о том ни слова!

Фрош

Поклон и поцелуй — стою на этом снова!

(Поёт.)

Прочь замók! — в тиши ночной —
Прочь замók! — ждёт милый твой;
Щёлк замók! — горит восток.

Зибель

Ну, ладно, величай да песни в честь ей пой!
Тебя же осмеют, а никого другого:
Как провела меня, так проведёт любого.
Пускай с ней встретится влюблённый домовой,
На перекрёстке пусть ей отведёт он очи!
Пусть в полночь с Блоксберга несущийся домой
Проблеет ей козёл: «Спокойной ночи»!
Чтоб парень спину гнул пред ней, —

Нет, много чести будет ей!
Повыбить окна ей — вот это
Я одобряю для привета!

Брандер

(ударяя кулаком по столу)

Молчать! Молчать! Послушайте меня!
Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюблённых целая семья —
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.
На новый песенка покрой:
Вы петь припев должны за мной!

(Поёт.)

Раз крыса в погребе жила,
Всё ела жир да сало;
Как доктор Лютер, завела
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил —
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Хор

(весело)

Ужель она влюбилась?

Брандер

Бежит назад, бежит вперёд,
Везде грызёт и гложет;
Во всякой грязной луже пьёт,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут,
Но скоро ей пришёл капут:
Ужель она влюбилась?

Хор

Ужель она влюбилась?

Брандер

Средь бела дня она в пылу
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
«Ага! со всех концов свистит —
Ужель она влюбилась?»

Хор

Ужель она влюбилась?

Зибель

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастье тих и кроток он:
Сравнил себя с распухшей крысой —
И полным сходством поражён.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

(Фаусту)

Тебя ввожу я с первого же шага
В весёлый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них — что день, то праздник настанёт.
С плохим умом, с большим весельем в мире
Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.

Им только б был кредит в трактире

Да не трещала б голова, —

Так всё на свете — трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:
В них по манерам я чужих узнал сейчас;
Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лайпциг не спасует:
Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь, из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их
Всю подноготную поведать нам заставлю.

Они, должно быть, не простые, брат:

Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, чёрт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель

(Фаусту)

Народец! Чёрт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он?

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволения.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдём в беседе наслаждение.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппахе вчера, должно быть, ночевали?
И ужинали вы у Ганса-дурачка?

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,
Но прошлый раз мы долго с ним болтали,
Нам говорил он много о родне:
Ей снести поклон приказывал он мне.

(Кланяется Фрошу.)

Альтмайер

(тихо)

Что, съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

Фрош

Ещё его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним: что новую дадите.

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она —
Известно — родина и песни и вина!

(Поёт.)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-друга...

Фрош

Вы слышите — блоху! Понятно ли для вас?
Блоха — вот славный гость у нас!

Мефистофель

(поёт)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-друга;
Берёт блоху, как злато,
Лелеял, как сына.
Вот шлёт король к портному, —
Портной пришёл сейчас.
«Сшей плащ дружку родному
Да брюки в самый раз».

Брандер

Да Вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней
И чтоб, коль дорожит он головой своей,
Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель

(поёт)

И в шёлк и в бархат чудный
Блоха наряжена
И носит крест нагрудный,
На ленте — ордена.
Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!
Родня её попала
В большие господа.
Блоха, дав волю гневу,
Всех жалит с этих пор:
Вельмож, и королеву,
И фрейлин, и весь двор.
Никто не смей чесаться,
Хоть жалит всех наглец!
А мы — посмей кусаться, —
Прищёлкнем — и конец!

Хор

(весело)

А мы — посмей кусаться, —
Прищёлкнем — и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На ноготь лишь её — и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,
Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,
А то бы мы гостям почтенным удружили:
Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру всё на себя!

Фрош

Что ж, выпить мы не прочь. Смотрите только,
чтобы

Не слишком мелки были ваши пробы:
Мне, чтоб о винах правильно судить,
Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер

(тихо)

А! Гости с Райна перед нами!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?

У вас не бочка за дверями?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдётся там.

Мефистофель

(взяв бурав, Фрошу)

Какого же вина отведать Вам угодно?

Фрош

Что за вопрос! Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер

(Фрошу)

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, райнвайну наливайте:

Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель

(буравя край стола перед Фрошем)

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель

(Брандеру)

А Вам?

Брандер

Шампанское вино!

Чтоб било в потолок оно!

(Мефистофель буравит; один из гостей сделал тем временем восковые пробки и затыкает отверстия.)

Я не боюсь чужого дара,
И вдалеке добро бывает рождено;
Хоть и германцу кровному француз совсем не пара,
Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель

(видя, что Мефистофель приближается к нему)

Я кислых вин, признаться, не любитель.
Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель

(буравит)

Токайского предложим Вам тогда.

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:

Я вижу, вы смеётесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай-ай, как смеем мы! С такими господами
Опасно было бы шутить.
Ну, поскорей решайте сами,
Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любым, чтоб слов не тратить с вами.

(Все отверстия провёрнуты и заткнуты восковыми пробками.)

Мефистофель

(делая странные жесты)

Нам виноград лоза дала;
На лбу рога есть у козла;
Вино на древе рождено;
Стол деревянный даст вино.
В природу вникните верней:
Поверьте, чудо скрыто в ней!
Ну, пробки прочь — и пейте живо!

Все

(вынимают пробки; требуемое вино льётся в стаканы)

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

(Они пьют ещё раз.)

Все

(поют)

По-каннибальски любо нам,
Как в луже свиньям пятистам!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него.

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться.

Мефистофель

Постой, должно ещё их скотство
Во всей красе пред нами проявиться.

(Зибель пьёт неосторожно, вино льётся на землю и вспыхивает.)

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель

(заговаривая огонь)

Смирись, мне верная стихия!

(Все.)

Огонь чистилища был тих на этот раз.

Зибель

Что это? Берегись! За шуточки такие
Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Фрош

Посмей-ка повторить дурачество такое!

Альтмайер

Пусть убираются, оставив нас в покое.

Зибель

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело
Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

Мефистофель

Цыц, бочка!

Зибель

Сам ты помело!
Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Брандер

Смотри! Дождёмся колотушек!

(Альтмайер вынимает пробку из стола; ему в лицо бьёт огонь.)

Альтмайер

Пожар! Горю!

Зибель

Да это колдовство!
За голову его — награда! Режь его!
(Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.)

Мефистофель

(с важным видом)

Ум, смутися по словам!
Ложный вид предстань очам!
Будьте здесь и будьте там!

(Все останавливаются, в изумлении глядя друг на друга.)

Альтмайер

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!
И что за гроздь! Боже мой!

(Брандер хватается Зибеля за нос. Другие делают то же и поднимают ножи.)

Мефистофель

(по-прежнему)

Спади с очей, повязка заблужденья!
И помните, как дьявол пошутил!

Исчезает с Фаустом.

(Прятели выпускают друг друга.)

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер
(Зибелю)

А я за твой схватился? Наваждение!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!
Подайте стул — я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встретиться в одиночку
Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку
И вмиг на ней верхом умчался вон.
В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б ещё политься?

Зибель

Всё было тут обман, предательство и ложь.

Фрош

А тем не менее мне кажется, что всё ж
Я пил вино.

Брандер

А как же гроздь эти?

Альтмайер

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

СЦЕНА 6

КУХНЯ ВЕДЬМЫ

На низком очаге, на огне, стоит большой котёл. В пару, поднимающемся кверху, виднеются различные образы. Мартышка-самка сидит у котла, снимает пену и смотрит, чтобы варево не выкипало. Мартышка-самец с детёнышами сидит подле и греется. Стены и потолок увешены причудливой утварью ведьмы.

Фауст и Мефистофель.

Фауст

К бессмысленным их чарам отвращенье
Питаю я: найдётся ль исцеленье

Здесь, в этой тьме безумства, для меня?
Я не хочу советов старой бабы!
Но, может быть, дряная пачкотня
Лет тридцать с плеч моих долой сняла бы?
Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдёшь другого мне леченья.
Ужель природа и могучий дух
Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;
Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь; вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалеи;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жил ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, жалкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба — непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провёл приятно!
Уж лучше выстрою я тысячу мостов.
Здесь мало знанья и уменья —
Здесь нужно, друг, немало и терпенья.
Корпеть пришлось бы тут немало лет:
Ведь раньше времени броженью ходу нет.
Чего-чего тут нет в бродилах,
И надо знать уловок тьму!
Хоть чёрт и учит их всему,
А сам всё сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?
Вот вам слуга, служанка — вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

Звери

Она поела,
В трубу взвилась
И унеслась.

Мефистофель

А долго ли она там реет?

Звери

Пока огонь нам лапы греет.

Мефистофель

(Фаусту)

Как ты находишь — хороши?

Фауст

Нет слов сказать, насколько гадки.

Мефистофель

А мне так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чёртовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

Звери

Для нищих жидкий суп кипит!

Мефистофель

На этот раз
Немало будет публики у вас.

Самец

(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)

Разочек сыграй
Со мною и дай
Набиться карману!
Без денег — шабаш;
А денег мне дашь —
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,
Когда б она в лото играть умела.

Детёныши, играя большим шаром, катят его.

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутясь, в пустыне.
Стекланный звон,
Как хрупок он!
Пустой в середине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив доньше!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук,
Не то умрёшь ты.
Здесь глина: стук —
И разобьёшь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец

(доставая решето)

Случись тут вор у нас,
Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и даёт ей взглянуть в решето.)

Взгляни-ка в решето:
Вор виден нам, но кто,
Посмеет ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймёт он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

Фауст

(который тем временем глядел в зеркало, то приближаясь, то удаляясь)

Что вижу я! Чудесное виденье
В волшебном зеркале мелькает всё ясней!
О дай, любовь, мне крылья и в мгновенье
Снеси меня туда, поближе к ней!
О, если б был не в комнате я тесной,

О, если б мог лететь к богине той!
Но нет, она полужакрыта мглой...
О, дивный образ красоты телесной!
Возможна ли подобная краса?
Возможно ли, чтоб в прелести чудесной.
Вмещались все неба чудеса?
Найдётся ль чудо на Земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш Творец
И «браво» Сам себе промолвил наконец, —
Так, верно, что-нибудь да вышло же благое:
Теперь любуйся тем, что видишь пред собой;
А там найду тебе подобное созданье,
И счастлив тот, кому дано судьбой
Сокровищем подобным обладанье.

(Фауст всё смотрит в зеркало. Мефистофель, потягиваясь и играя венником, продолжает говорить.)

Сижу, как царь, на возвышенье трона,
Со скипетром в руках; нужна ещё корона.

Звери

(делающие разные странные движения, с громкими криками приносят Мефистофелю корону)

Корону ты склей:
Пот нужен для ней
И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают её пополам и прыгают кругом с её кусками.)

Свершилось! Мы зрим,
Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фауст

(перед зеркалом)

Ах, я с ума сойду!

Мефистофель

(указывая на зверей)

Увы! на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

Звери

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет.

Фауст

(как выше)

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Мефистофель

(в том же положении)

По крайней мере надо согласиться,
Что задушевная поэзия у них.

Котёл, оставленный самкой без присмотра, начинает выкипать; возникает большая пламя, бьющее в трубу. Ведьма прилетает в этом огне со страшным воплем.

Ведьма

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньёй свинья!
Проспал котёл! Обжёт меня!
Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнём сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызжет на всех огнём. Звери визжат.)

Мефистофель

(перевернув веник, бьёт посуду)

Раз — бью, два — бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

(Ведьма отступает в ярости и ужасе.)

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой — и все твои скоты
И ты сама — всё прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Петушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришёл?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

Ведьма

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!
Но конского при вас копыта нет,
И вороны куда, скажите мне, девались?

Мефистофель

На этот раз уж пусть тебе сошло!
С тех пор воды немало утекло,
Как мы с тобой в последний раз видались.
Цивилизация велит идти вперёд;
Теперь прогресс с собой и чёрта двинул.
Про духа северный забыл везде народ,
И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.
Хоть ногу конскую иметь я должен всё ж,
Но с нею в публике являться не желаю
И вот в фальшивых играх щеголяю,
Как франтовская молодёжь.

Ведьма
(пляшет)

Ах, голова пошла от радости кругом!
Голубчик сатана, Вы снова здесь со мною!

Мефистофель

Тсс! Не зови меня, старуха, сатаную!

Ведьма

Как? Почему же? Что дурного в том?

Мефистофель

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул — «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной —
Так вот мой герб! Хорош ли он?
(Делает неприличный жест.)

Ведьма

(смеясь во всё горло)

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы всё шалун такой же продувной!

Мефистофель

(Фаусту)

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

Ведьма

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:
Я лакомлюсь порой сама, когда придётся.
Притом нисколько не воняет он.
Для вас стакан-другой всегда найдётся.

(Тихо Мефистофилю)

Но если чарами ваш друг не защищён,
Ему и часу жить не остаётся.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой
Венец стряпни твоей и знания.
Черти же круг, промолви заклинанья
И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма причудливыми жестами выводит круг и ставит в него разные предметы. Стаканы и горшки начинают звенеть, и звуки переходят в музыку. Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек в круг. Одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами. Затем ведьма кивает Фаусту, чтоб он подошёл.

Фауст

(Мефистофелю)

К чему, скажи мне, эти представленья?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом.
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдет не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма

(напыщенно декламируя по книге)

Пойми: причти
Раз к десяти,
Два опусти,
А три ставь в ряд —
И ты богат.
Четыре сгладь,
А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз —
Закон у нас.
Пусть девять в счёт
За раз пойдёт,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!

Фауст

Старуха в лихорадке бредить стала.

Мефистофель

О, это, друг, пока ещё начало,
А далее вся книга так гласит!
Понять её стараться — труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит
Противоречий массою ужасной.
Всё это и старо и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три
Считая, люди вздор за правду выдавали?
Так учат зря болтать с начала всех веков —
С глупцами заводить никто не хочет спора.
Да людям редко что и нужно, кроме слов:
Что в них есть мысли, верят без разбора!

Ведьма
(продолжая)

Познания свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!
Порою он,
Как дар, суждён
И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов:
Пожалуй, лопнет голова от вздора.
Я точно слышу песню хора
Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла!
Ты лучше бы стаканчик предложила,
Налив его полнее, до краёв.
Приятелю он не придётся солон:
Недаром ведь все степени прошёл он
И много разных делывал глотков.

(Ведьма с разными церемониями наливает питьё в бокал; когда Фауст подносит его к губам, вылетает лёгкое пламя.)

Живее пей до дна бокал —
И ты мгновенно ободришься.
На «ты» давно ты с чёртом стал,
А всё ещё огня боишься.

(Ведьма открывает круг; Фауст выходит.)

Теперь стоять не надо, живо в путь!

Ведьма

Пусть Вам глоточек принесёт отраду!

Мефистофель
(ведьме)

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь намекнуть.

Ведьма

Вот песенка: чтоб дать всю силу соку,
По временам её должны вы петь.

Мефистофель
(Фаусту)

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зельем.
Ты прогуляешься спокойно, без забот —
И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,
Как сладко Купидон играть в тебе начнёт.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.
Любую бабу примешь за Елену!

СЦЕНА 7

УЛИЦА

Фауст. Маргарита (Гретхен) проходит.

Фауст

Прекрасной барышне привет!
Я провожу Вас... если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Увернувшись, уходит.)

Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизни лучших не видал!
Так добродетельна, скромна —
И не без колкости она.
А взор потупленных очей
Запечатлён в душе моей.
Румяных губ и щёчек цвет...
Ах, позабыть его нет сил!
А как суров и краток был
Её находчивый ответ!
Восторг — и слов тут больше нет!
Входит Мефистофель

Фауст

Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла.

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно:
К исповедальне подойдя,

Отлично всё подслушал я.
Она на исповедь напрасно
Пришла: невинна, хоть прекрасна, —
И у меня над нею власти нет.

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцати лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как сердцеед порочный.
Поддай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок.

Фауст

Почтеннейший магистр-педант, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов, скажу тебе одно:
Знай: если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не всё же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель:
Сыскать предлог, найти заручку...

Фауст

Будь семь часов спокоен я —
Не надо чёрта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.
К чему так сразу — взять и насладиться?
Утеха, право, тут не велика.
Не лучше ли пойти путём интрижки;
Увлечь её, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток, лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести — тут сила не возьмёт:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой её священный,
Достань платочек мне с её груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девицу, —
Смотри, как верно я тебе служу
И каждую минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!

Не сразу же! Она уйдёт
К соседке; ты ж в уединенье скромном
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!
Успехи делать может он вполне!
Известно много старых кладов мне.
Теперь пора проведать их настала.

СЦЕНА 8

ВЕЧЕР

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,
Кто этот видный господин.
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

За мной, потише — вот сюда!

Фауст

(после некоторого молчания)

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель

(оглядывая комнату)

Да!

У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)

Фауст

(осматриваясь кругом)

О милый сумрак, о приют святой,
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай своё стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,
Порядком всё проникнуто кругом!
Средь бедности довольство здесь какое!
Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!
Отцов и дедов нежил ты покоем
В дни радости и горя, окружён
Детей беспечным шумным роем!
Быть может, милая моя в кругу детей,
Горя румянцем щёчек, ликовала
И, благодарная за ёлку, всех нежней
Сухую руку деда целовала.
Твой дух, о дева, надо мной парит,
Дух тихого довольства и порядка;
Устами матери тебе он говорит,
Чтоб чистой скатертью твой стол был устлан гладко,
И учит посыпать, узоры выводя,
Песком весь чистый пол каморки тесной.
О милая рука! Божественность твоя
Из хижины создать способна рай небесный!
А здесь!..

(Отдёргивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушёл бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в лёгких снах
Здесь ангела, и вот — явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвёл, божественный и милый!..
А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,
Здесь в воздухе? Я шёл, чтоб насладиться, —

Пришёл — и сердце грёзами томится!
Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда её сейчас бы увидал!
Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель
(входя)

Скорей беги! Она сюда идёт!

Фауст

Прочь! Навсегда! Её мне видеть больно!

Мефистофель

А я принёс и ларчик; вот —
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдёт, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для Вас сманить я обещаюсь:
Игра — всегда игра; дитя — всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя?
Хотите ларчик вы себе оставить?
Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,
Чтоб нам не тратить времени на вздор
И от пустых меня хлопот избавить!
Не скряга ж Вы, надеюсь, милый мой!
Для Вас затылок трёшь, мозолишь руки...

(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!
Пусть соблазняется: ей надо быть одной!
А Вы стойте с видом скуки,
Как будто Вам приходится идти
На лекцию и вот уж на пути
И метафизика и физика пред Вами
Как бы стоят с постылыми словами!

(Уходят.)

Маргарита входит с лампой.

Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая!

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то всё боюсь одна я,
И страх и дрожь меня берут:
Ещё трусихой назовут!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле король; до могилы
Одной он был верен душой;
Ему, умирая, вручила
Любимая кубок золотой.
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил — и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;
Но кубок — лишь кубок единый —
Оставил себе навсегда.
Морские валы грохотали
Под башней, бушуя у скал;
Меж рыцарей, в дедовском зале,
Прощаясь, король пировал.
Наполнивши влагою пенной
Свой кубок он выпил до дна
И бросил тот кубок священный
Туда, где шумела волна.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылися тьмою —
И пить он и жить перестал.

(Оттирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут — не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:
Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?
А! ключик здесь, привязанный тесьмою.
Что, если я его возьму да и открою?

(Оттирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!
Мне видеть не пришлось такого до сих пор!
Его б и дама знатная надела
И на гулянье в нём отправилась бы смело.
Цепочку бы надеть: какой приму я вид?
Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!
Наденешь их — и вот совсем уже не то!
К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!
Не худо это — я, конечно, в том согласна;
Да люди красоту нам ставят ни во что
И хвалят только нас из жалости. Вот слава:
Все денег ждут,
Все к деньгам льнут;
Ах, бедные мы, право!

СЦЕНА 9

ГУЛЯНЬЕ

Фауст прогуливается в раздумье. Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Проклятье вам, негодные исчадья ада!
Ругался б хуже я, да нечем, вот досада!

Фауст

Ну что с тобой? Вот мотда-то из морд!
Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к чёрту провалиться,
Когда бы сам я не был чёрт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?
К лицу ль тебе беситься, кстати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Стащил у Маргариты поп, как вор.
Мамаше Маргарита показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли вещь или грешна, —
А тут разгадка, видимо, простая:
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя моё, — старуха шепчет ей, —
Неправое именье — лютый змей!
Снесём его царице мы небесной —
И манны нам пошлёт она чудесной».
Бедняжка Маргарита от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дарёному коню не смотрят, дескать, в зубы;
И чем же, мол, уж так безбожен был,
Кто мне серёжки подарил?
Мать между тем попа призвать успела.
Тот сразу видит, в чём тут дело.
«Поступку вашему я рад, —
Им говорит он с постной рожей, —
Кто воздержался, тот богат».
Желудок, мол, хорош у церкви божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем всё же не больна.
Одна лишь церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, всё берёт она сегодня, как вчера!
Король и ростовщик — такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загрёб он, как грибы в лукошке,
Прибрал — спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,
И посулил за то награды
В раю, а те стоят — и рады!

Фауст

А Маргарита?

Мефистофель

Мучится, жалеет:
Подарок спать ей не даёт,
И день и ночь с ума нейдёт,
А с ним — кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как её мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для Вас, конечно, всё игрушки!

Фауст

Я так хочу — хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!
(*Фауст уходит.*)
Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И Солнце, и Луну, и звёзды он отдаст
На фейерверк — красотке на забаву!

СЦЕНА 10

ДОМ СОСЕДКИ

Марта

(*одна*)

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
И жить теперь мне суждено одной!
А чем его я в жизни оскорбила?
Свидетель Бог, как я его любила!
(*Плачет.*)
Давно уж он и умер, может быть!
О смерти б хоть свидетельство добыть.

Входит Маргарита.

Маргарита

Ах Марта!

Марта

Маргарита, что с тобою?

Маргарита

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла, с чудесною резьбой;
А вещи — просто загляденье
И лучше прежних без сравненья.

Марта

Ты матери о том не говори,
А то опять снесёт на покаянье!

Маргарита

Ах, погляди! Ах, посмотри!

Марта

(наряжая её)

Ах ты, счастливое создание!

Маргарита

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться...

Марта

А ты бывай почаще у меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертись часок:
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае — ну, в праздник, что ли, — станем
Мы вещь за вещью в люди надевать:
Цепочку, серьги там... Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но ларчик как ко мне поставлен в шкаф и кем?
Тут, Марта, что-то есть, тут чисто не совсем.

(Стучатся.)

Ах, боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта

(смотрит в дверное окошечко, отдёрнув занавеску)

Какой-то господин; сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

Мефистофель
(входя)

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.
(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

Я к Марте Швердтлайн.

Марта

Марта — это я.
Что, сударь, будет Вам угодно?

Мефистофель
(тихо Марте)

Благодарю: теперь я знаю Вас;
Но барышня в гостях у Вас сейчас...
Итак, прошу прощения за помеху.
Я к Вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню её?
Подумай, что за честь тебе, дитя моё!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая...
Вы чересчур добры... Цепочка золотая
И эта брошка — не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осанка, взгляд Ваш — как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую Вы приносите мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я Вам лучшую принести!
Да, тяжело слова мне выговорить эти:
Ваш добрый муж велел Вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой дружок, супруг мой дорогой!
Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:
Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуе, там, далеко отсюда,
Его святой Антоний приютил.
Он спит теперь сном вечным и отрадным
В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он Вам?

Мефистофель

Мне долг велит
Большую передать Вам просьбу: непременно
Просил он отслужить три сотни панихид.
Карманы ж у меня пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной
Вещицы? Да любой мастеровой
В своей котомке что-нибудь приносит
На память в дом и делится с женой;
Скорей не ест, не пьёт и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг
Не расточитель был. Он вынес много мук,
Когда в грехах своих он каялся душевно
И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него
Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:
Такое Вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,
И поручусь Вам чем угодно я,
Что лучший кавалер обрадовался б счастьем
Такою прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет — бывает это всё ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе
Супруга вашего: под ним всегда была
Солома лишь одна навозная, но всё же
Он умер во Христе, кляня свои дела.
«Увы! — он восклицал, — достоин я проклятья
За то, что бросил так жену и все занятия!
Воспоминание об этом — казнь моя!
Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

Марта

(плача)

Мой добрый муж, давно я всё тебе простила!

Мефистофель

«Но, видит Бог, она ещё грешней, чем я!»

Марта

Он лгал! Бездельник! Лгал он без конца и края!..

Мефистофель

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,
Что это бредил зря в предсмертных муках он.
Он говорил: «Я жил не праздно, не зевая,
Плодил детей и, хлеб работой добывая,
Ел только чёрствый хлеб, измучен, истощён,
Но и того не мог ни разу съесть в покое».

Марта

А всю мою любовь, дневное и ночное
Страданье он забыл? Вся верность — нипочём?

Мефистофель

О нет, он свято помнил обо всём!
Он говорил: «Из Мальты уезжая,
Молился я о детях, о жене —
И милость небо ниспослало мне:
Нам в море барка встретила большая
Турецкая, которая везла
Несметные сокровища султана.
Напали мы, и храбрость верх взяла,
И мне уделена частичка тут была
При дележе богатства басурмана».

Марта

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

Мефистофель

Ну, денег тех искать — что ветра в поле!
Когда потом в Неаполе он был
И здесь, как гость, покучивал на воле,
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участие приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он её любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

Марта

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!
Ни горе, ни нужда, ни смертный час — ничто
Не сокрушило в нём бесстыдства и злодейства!

Мефистофель

Ну, вот и умер он за то!
На вашем месте я, даю Вам слово,
Всего лишь год бы траур поносил,
А там бы мужа стал искать другого.

Марта

Увы, каков мой первый был,
Навряд ли я найду второго!
Такой он был милейший дурачок!
Любил он только жён чужих, к несчастью,
Вино чужое пил где только мог,
Да был бродягою, да был ещё порок:
Игре проклятой предан был со страстью.

Мефистофель

И только? Что ж, когда и Вам
Он позволял, что делал сам,
Так жить с ним было превосходно!
С таким условием с Вами нам
Ударить можно по рукам.

Марта

Насмешник! Вам шутить угодно.

Мефистофель

(про себя)

Удрать теперь: у ней такая прыть,
Что даже чёрта рада подцепить.

(Маргарите.)

А ваше сердце всё ещё свободно?

Маргарита

Что Вы сказать хотите?

Мефистофель
(про себя)

О, дитя
Невинное!

(Громко.)

Я ухожу. Простите!

Маргарита
Прощайте!

Марта

Ах, минутку подождите:
Свидетельство иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался,
Когда, и где, и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла
Известие о смерти и в газете.

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,
Есть у меня приятель, славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих.
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придёт?

Прошу Вас, приходите!

Он молодец собой, умён —

Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придётся мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? — Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечерком у нас в саду

Я с нею Вас сегодня жду.

СЦЕНА 11

УЛИЦА

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идёт на лад?

Мефистофель

Ого! В огне Вы! Вот так диво!
Не бойтесь: птичку схватим живо!
Пойдём сегодня к Марте в сад.
Вот баба, доложу Вам! Точно
Быть сводней создана нарочно.

Фауст

Прекрасно!

Мефистофель

Но и ей должны мы удружить.

Фауст

Что ж, за услугу я готов служить.

Мефистофель

Она добыть от нас свидетельство б хотела
О том, что брэнное её супруга тело
В могиле, в Падуе, почило вечным сном.

Фауст

Умно! Так съездить мы туда должны сначала?

Мефистофель

Sancta simplicitas! Ещё недоставало!
Свидетельство и так, без справок, подмахнём.

Фауст

Когда нет лучшего, то, значит, всё пропало.

Мефистофель

О муж святой, ужель Вы всех других честней
Хотите быть? Ужель ни разу не давали
Свидетельств ложных в жизни Вы своей?
О Боге, о Земле, о том, что скрыто в ней,
О том, что в голове и в сердце у людей
Таится, Вы давно ль преважно толковали
С душою дерзкою, с бессовестным челом?
А если мы вникать поглубже начинаем,
Сейчас же видим мы, что знали Вы о том
Не более, чем мы о муже Марты знаем.

Фауст

Софист и лжец ты был и будешь!

Мефистофель

Обмануть

Меня не пробуйте: я знаю, в чём тут суть.
Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Маргариту надувая,
В любви ей клясться станешь ты?

Фауст

И от души!

Мефистофель

Ну да, конечно,
И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.
И всё от сердца полноты?

Фауст

Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным
Напрасно имени ищу,
И мыслью Мир весь облетаю,
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу,
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной, —
Ужель тогда, как бес, я лгу?

Мефистофель

А всё-таки я прав!

Фауст

Послушай: всяк имеет
Свой взгляд, но чем надсаживать нам грудь,
Скажу тебе одно, а ты не забудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

СЦЕНА 12

САД

Маргарита под руку с Фаустом, а Марта с Мефистофелем прогуливаются по саду.

Маргарита

Я чувствую, что Вы жалеете меня,
Ко мне снисходите; мне перед Вами стыдно.
Вы путешественник: привыкли Вы, как видно,
Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что Вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости земной.

(Целует её руку.)

Маргарита

Ах, как решились Вы! Ну что Вам за охота
Взгляните, как жестка, груба моя рука;
На мне лежит и чёрная работа:
У маменьки любовь к порядку велика.

(Проходят.)

Марта

И что же? Так должны Вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят!
В иных местах остаться был бы рад,
А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока что молод, почему
По свету вольной птицей не кружиться!
А вот как в старости придётся одному
К могиле, сирому, холостяком тащиться —
Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это!

Марта

Ну что же, вовремя послушайте совета!

(Проходят.)

Маргарита

Да, с глаз долой — из сердца вон!
Лишь по привычке Вы учтивы.
Других друзей всегда б найти могли Вы,
Кто вправду сведущ и умён.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская —
Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота
Не знает, как она бесценна и свята!
Смиренье, скромность чувств невинная, святая —
Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б Вы обо мне подумали хоть раз,
О Вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да; хоть невелико
У нас хозяйство, всё же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...

А маменька во всём престогадая такая
И аккуратна так, что просто страх!
И не от бедности: мы вовсе не такие,
Чтоб хуже жить, чем все живут другие.
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.
Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:
Ушёл служить в солдаты брат,
Сестрички нет уже на свете...
Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь всё перенести я с радостью б могла —
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила,
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я её вскормила, воспитала...
И как меня любить малютка стала!
Отца уж не было в живых, когда на свет
Она явилась; матушка ж, бедняжка,
Слегла в постель и захворала тяжко;
Мы думали, что уж надежды нет,
И времени прошло у нас немало,
Пока она поправилась и встала.
Где ж было ей самой кормить дитя?
И вот его взялась лелеять я,
Кормила крошку молоком с водою, —
Она совсем, совсем моя была
И на руках моих, по целым дням со мною,
Барахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.
Со мною по ночам стояла колыбель
Рядком; дитя чуть двинется — я встану.
Беру из люльки и к себе в постель
Кладу иль молоком кормить, бывало, стану;
А не молчит — должна опять вставать,
Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.
А по утрам — бельё чуть свет встаю и мою;
Там время на базар, на кухню там пора —
И так-то целый день, сегодня, как вчера!
Да, сударь: иногда измучишься заботой!
Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

(Проходят.)

Марта

Холостяки — всегда вы таковы:
Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,
Найдя такую женщину, как Вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?
Привязанность есть где-нибудь на свете?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у Вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьёзен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну, с дамами шутить — чрезмерно было б смело!

Марта

Ах, Вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!
Но очень понял я, как вы добры со мной.

(Проходят.)

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангелок, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошёл дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.
Насчёт меня нигде не говорят дурного.
Уж не нашёл ли он — я думала о Вас —
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но всё ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.

И как же на себя сердита я была,
Что я на Вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и оципывает лепестки.)

Фауст

Что рвёшь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки — игра.

Фауст

Что?

Маргарита

Полно Вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита

(вполголоса)

Он любит — нет; он любит — нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита

(продолжает)

Он любит — нет; он любит — нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ

Судьбы решеньем будет нам, родная!

Да, любит он! Поймёшь ли, дорогая?

(Берёт её за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!

Пусть взор мой, пусть пожатые рук

Тебе расскажут просто и не ложно,

Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец — отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

(Маргарита жмёт ему руку, вырывается и убегает. Фауст стоит несколько минут в задумчивости, потом следует за нею.)

Марта
(подходя)

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,
Но, знаете, уж город наш такой:
Как будто здесь у всех другого нет и дела,
Заботы будто нет у них другой,
Как только за соседями день целый
Подсматривать; и что ты тут ни делай —
Глядишь, пошла уж сплетня меж людей.
А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,
Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в неё. Таков уж ход вещей!

СЦЕНА 13

БЕСЕДКА

Маргарита вбегает, становится за дверью, прикладывает пальцы к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идёт!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймаю ловко.

(Целует её.)

Маргарита

(обнимая его и возвращая поцелуй)

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится

Фауст
(топая ногой)

Кто там?

Мефистофель

Пряатель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позволите ль из сада
Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня
Так проберёт она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я
Уйти так скоро, против ожидания.
Прощайте же!

Марта

Адъё!

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

Ах, боже мой, как он учён!
Чего не передумал он!

А я — краснею от стыда,
Молчу иль отвечаю: да...
Ребёнок я — он так умён!
И что во мне находит он?

(Уходит.)

СЦЕНА 14

ЛЕС И ПЕЩЕРА

Фауст
(один)

Могучий дух, ты всё мне, всё доставил,
О чём просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать её, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся её великолепию, —
Нет, мне дано в её святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган
И повергает ближние деревья,
Ломаясь с треском, богатырь-сосна,
И холм её паденью глухо вторит, —
В уединенье ты меня ведёшь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают лёгкою толпою
С седой вершины влажного утёса
Серебряные тени старины,
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне
Необходим; и дерзкий и холодный,
Меня он унижает, и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу
И наслажденьем снова страсть питаю.

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для Вас?
Не надоест Вам всё в глуши слоняться?
Я понимаю — сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
Чем в добрый час смущать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну, ну! Не злись: ведь я могу уйти.
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобою, грубым и безумным, жить —
Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить —
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упрёки мне пошли!
Ты надоел, а я — хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын Земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на Земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?
Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, всё ещё педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймёшь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?
Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как чёрт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Ещё бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простираться блаженно
Объятья, раздуть себя надменно
До божества и в самый мозг Земли
Впиваться мыслью, — полною стремленья;
Всё ощущать, что в Мир внесли
Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю, чем-то пылко упиваться
И, всю Вселенную объяв,
В любви блаженной расплываться,
О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить... а чем — сказать мне стыдно!
(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?
Как тут стыдливо не плевать Вам!
Ведь нравственным ушам внимать обидно
Про то, что мило нравственным сердцам!
Глупец! Ему позволил я порою
Полгать себе, потешиться игрою,
Да вижу, что не выдержать ему.
Ты и теперь худеешь и томишься;
Не нынче-завтра возвратишься
К мечтам и страху своему.
Довольно же! Возлюбленная страждет,
Сидит она печальна и мрачна;
Тебя, тебя увидеть жаждет,
В тебя она безумно влюблена!
Любовь твоя недавно бушевала,
Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Маргариту страстью заливала,
И вдруг — иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло —
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День для неё едва идёт:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь божьей птичкой я!» — всё только и поёт,
И в полдень ждёт, и в полночь ждёт,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнёт, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О, змея, змея!

Мефистофель

(про себя)

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объятый!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от неё уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остаётся
Она близка; везде она моя!
Завидую христову телу я,
Когда она к нему устами прикоснётся.

Мефистофель

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью.
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.
Да полно же, оставь свой вид унылый!
Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красотке милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В её объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Её страданья чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,
Пристанище мне чуждо и покой.
Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;
А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины жила она,
Со всеми детскими мечтами
В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Её и всю души её отраду
Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой.
Бес, помоги и сократи дни страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь её, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.
Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чёртом столько дней проведший, —
Ты что? Нет хуже ничего,
Как чёрт, в отчаянье пришедший!

СЦЕНА 15

КОМНАТА МАРГАРИТЫ

Маргарита
(одна за пряхкой)

Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там всё мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущён, молчит;
Мой бедный дух
Сражён, разбит.
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,
Лишь для него
Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатье рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К чему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

СЦЕНА 16

САД МАРТЫ
Маргарита и Фауст.

Маргарита

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно.

Всё, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямой:
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь;
За близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твёрдо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров
Не чтишь.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты
Принять их. В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно.
Ты Богу веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю Богу?
Священников ты спросишь, мудрецов —
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:
Назвать Его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую Ему?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую Ему?
Он, Вседержитель
И Всехранитель,
Не обнимает ли весь Мир —
Тебя, меня, а также и Себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твёрдая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звёзды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это всё
Тебе и в ум и в сердце
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо вокруг тебя?
Наполни же всё сердце этим чувством
И, если в нём ты счастье ощутишь,
Зови Его, как хочешь:
Любовь, Блаженство, Сердце, Бог!
Нет имени Ему! Всё — в чувстве!
А имя — только дым и звук,
Туман, который застигает небосвод.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Священник так же это объясняет,
Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках, —
И мой не хуже их нимало.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Всё будто так, но горе в том,
Что не проникнут ты Христом.

Фауст

Дитя моё!

Маргарита

Я ужас ощущаю,
Давно уже скорблю всем существом,
Когда тебя всегда я с ним встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем всюду ходишь ты.
Он ненавистен мне от сердца полноты!
Изо всего, что в жизни я видала,
Я не пугалась столько ничего,
Как гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нимало.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.
Ко всем и ко всему питаю я любовь;
Но как тебя я жду и видеть жажду,
Так перед ним я тайным страхом стражду;
Притом мне кажется, что плут он и хитрец,
И если клевету — прости меня, Творец!

Фауст

И чудачкам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!
Он всякий раз, как явится сюда,
Глядит вокруг насмешливо всегда,
В глазах его таится что-то злое,
Как будто в Мире всё ему чужое; :
Лежит печать на злом его челе,
Что никого-то он не любит на Земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нём же сердцем унываю я.

Фауст

Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита

И столько он мне ужаса внушил, !
Что если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нём никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И, верно, Генрих, то же и с тобой.

Фауст

Враждебна ты к нему!

Маргарита

Прощай — идти мне надо.

Фауст

Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита

Ах, я дверей бы запирать не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька... так чутко спит она.
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст

Мы всё устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита

Я для тебя на всё согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст

Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита

Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на всё готова я;
И больше сделать, кажется, нельзя,
Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель
(входя)

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису учили:
Надеюсь, Вы урок на пользу получили.
Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию. Кто верит непритворно,
Тот и за нами, мол, пойдёт покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей, — она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх, ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, порожденье грязи и огня!

Мефистофель

А в рожках ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:
Ум замечая в рожнице моей,
Она томится и скорбит безмерно,
Что если я не чёрт, то гений уж наверно.
Так в ночь?..

Фауст

Тебе что за тревога?

Мефистофель

И я повеселюсь немного!

СЦЕНА 17

У КОЛОДЦА

Маргарита (Гретхен) и Лизвета (Лизхен) с кувшинами.

Лизхен

Ты о Варваре не слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома всё сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала.
Попалась наконец она!
Вперёд не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьёт — двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!
На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,

Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка —
Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты ещё жалеешь!

А мы? Как мать велит, бывало, прясть, —
Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь,
Она же мигом к миленькому — шасть!
Там, на скамье иль в переулке тёмном,
Не скучно было в уголке укромном!
Теперь вот пусть свою убавит спесь
Да перед нами в церкви грех свой весь
В рубашке покаянной пусть расскажет!

Гретхен

Её он замуж взять, наверно, не откажет.

Лизхен

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись — не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венок,
А мы насыплем сечки на порог!

(Уходит.)

Гретхен

(идя домой)

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;
Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне чёрным ни казался грех,
Я всё его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!
Но, Боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

СЦЕНА 18

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

В нише стены статуя Mater dolorosa; перед нею вазы с цветами. Маргарита ставит свежие цветы.

Маргарита

Скорбя, страдая,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!
С мечом в груди ты
На лик убитый
Христа глядишь, полна скорбей.
Отца зовёшь ты,
И вздохи шлёшь ты
Из глубины души своей.
Увы, кто знает,
Как изнывает
Вся грудь моя, тоски полна!
Как душа моя томится,
Как дрожит, куда стремится, —
Знаешь ты лишь, ты одна!
С людьми ли я — невольно
Мне больно, больно, больно,
Везде тоскую я!..
Одна ли горе прячу —
Я плачу, плачу, плачу,
И рвётся грудь моя.
Цветы омыла эти
Слезами я, скорбя,
Когда я на рассвете
Рвала их для тебя.
Когда мне заблестели
Лучи зари в окно,
Сидела я в постели,
Рыдая уж давно.
Меня позором не убей!
Молю тебя я,
О мать святая,
Склонись, склонись к беде моей!

СЦЕНА 19

НОЧЬ, УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ МАРГАРИТЫ

Валентин (солдат, брат Маргариты).

Валентин

Сидишь, бывало, за столом
С друзьями; шум идёт кругом;
Лишь о красотках и речей —
И каждый хвалится своей
Да пьёт, красой её кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сижусь да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус

И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,
Чтоб Маргариты стоила моей,
В подмётки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдёт, и звон, и гром.
«Он прав, он прав! — толпа кричит. —
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.
Теперь — рви волосы да злись,
Лезь на стену, хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад;
А я, как будто виноват,
Сижу, молчу. Чуть кто сболтнёт,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесёшь их всех, а всё ж
Не скажешь им, что это ложь!
Кто там? Какой там чёрт ползёт?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,
Когда он с места жив уйдёт!

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампы: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрёт — и мрак густой кругом,
В душе ж моей давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщён.
И мысли всё хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Всё существо моё с восторгом ждёт
Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придёт;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдали:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров порядочная груда.

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мефистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти
И ничего с собой в подарок не нести.

Мефистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как яркие звёзды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:
Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поёт, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей!
Не жди, не верь:
Войдёшь теперь
Девницей в дверь,
А выйдешь не девницей!
Не верь словам!
Насытись сам,
Бедняжке там
«Прости, прощай!» — он скажет,
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

Валентин

(выходя)

Чёрт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов проклятый?
Гитара к чёрту! К чёрту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель

Гитара сломана: её не нужно нам!

Валентин

Теперь и череп пополам!

Мефистофель
(Фаусту)

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперёд, смелее! Не робей,
Валяй шпажонкою своей,
Коли смелей — я отражаю.

Валентин

Так отражай же!

Мефистофель
Я к услугам весь!

Валентин

Ещё!

Мефистофель
Могу!

Валентин

Сам чёрт дерётся здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела.

Мефистофель
(Фаусту)

Коли же!

Валентин
(падая)

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!
Теперь пора убраться нам приспела:
Тут будет шум и крик наверняка.
Хоть мне возня с полицией легка,
Но уголовный суд — иное дело!

Уходят.

Марта
(у окна)

Сюда скорей!

Маргарита
(у окна)

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, гляди!

Марта
(выходя)

А где убийца, где злодей?

Маргарита
(выходя)

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Маргарита

Всевышний, пощади!

Валентин

Я умираю. Так легко сказать,
А умереть легко вдвойне.
Эй, бабы! Больше не к чему кричать —
Приблизьтесь и внимайте мне!

(Все обступают его.)

Ты, Маргарита, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла ты шлюхой стать,
Так уж открыто будь!

Маргарита

О Боже! Брат мой, что такое?

Валентин

Оставь хоть Бога ты в покое!
Что было, нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придёт за ним.
А как до дюжины дойдёт,
К тебе весь город побредёт.
Когда впервые грех родится,
Себя таит он в первый миг:
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.
Но скоро, скоро грех растёт,
Средь бела дня, открыт, идёт;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.
Я знаю, срок настанет твой —
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою

Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить не станешь
И убежишь от алтаря!
Не будешь в танце красоваться
Ты в кружевном воротничке:
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в тёмном уголке!
И если Бог простит твой грех,
Ты на Земле презренной всех!

Марта

Предаться лучше покаянью,
Чем удручать себя Вам бранью!

Валентин

Когда б сломать я рёбра мог
Тебе, бесстыжей сводне скверной,
Я знаю, что простил бы Бог
Тогда грехи мои наверно!

Маргарита

О, муки ада! Брат мой, брат!

Валентин

Напрасны слёзы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила, —
На божий суд идёт твой брат
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

СЦЕНА 20

СОБОР

Служба, пение, орган. Маргарита в толпе народа; позади неё злой дух.

Злой дух

Не так ты, Маргарита, прежде,
С душой невинной,
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину Богу
Душою предана!
О Маргарита!
Где голова твоя?
И на душе твоей
Какой тяжёлый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!
Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?

Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Маргарита

Увы, увы!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду
Ко мне и в душу проникают?

Хор

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla [День гнева, этот день разрушит мир, превратит его в пепел (*лат.*)].

(Звуки органа.)

Злой дух

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;
Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встаёт!

Маргарита

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit
Nil inultum remanebit [Когда воссядет Судья, то откроется всё сокровенное, и ничто не останется без возмездия (*лат.*)].

Маргарита

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды
Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

Злой дух

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus,
Quum vix Justus sit securus? [Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду искать, когда и праведник едва оправдается? (*лат.*)].

Злой дух

Свой лик пресветлый отвращают
Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?

Маргарита

Соседка, Ваш флакон!..
(*Падает в обморок.*)

СЦЕНА 21

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Местность в горах Гарц, в окрестностях деревень Ширке и Эленд.
Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Погарцевать, уставши от дороги.

Фауст

Меня ещё покамест носят ноги:
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утёса на утёс к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол, —
Мне весело, и путь мой не тяжёл.
Везде весна: берёза зеленеет,
Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весною не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моём.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнёшься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блудящий огонь, мелькающий кругом!
Эй, ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе свет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперёд среди этой тьмы.

Блуждающий огонёк

Мне изменить придётся, вам в угоду,
Мой лёгкий нрав и всю мою природу.
И вкривь и вкось блуждать привыкли мы.

Мефистофель

Эге! ты — человека подражатель?
Во имя чёрта, марш вперёд, приятель,
Не то тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонёк

Я вижу, Вы хозяин здесь; для Вас
Всё сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.
Но помните: гора от чар с ума сойдёт,
И если Вас огонь блуждающий ведёт,
То Вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонёк поют попеременно.

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.
О, веди нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Блуждающий огонёк

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик — нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлёт, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко
Сыч и чибис, с ними сойка:
Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки —
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,
И, ожив, деревьев капы,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны,
Мыши носятся, шныряя;

И вокруг пред нами реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперёд мы шли ли
Иль на месте всё мы были?
Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые
Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон.

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарёй!
В глубокой бездне он сверкает
И льётся слабою струёй;
Здесь встал туман, там — пар безбрежный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,
Он в сотнях жил струится там,
То, заключён среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь — смотри — горит седая
Утёса старого стена!

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьёт могучими толчками.

Мефистофель

За рёбра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погружённый,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробуждённый,
И ломятся колонны

Зелёного лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти, на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики — дальше, ближе?
Слышишь вопли — выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан вверху сидит:
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом, —
И вонь и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо в стороне
Летит на матушке-свинье!

Хор

Хвала, кому хвала идёт!
Вперёд же, Баубо! Пусть ведёт!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштайн я шла:
Там я сову в гнезде нашла.
А та глаза себе тарацит!

Голос

О, чтоб тебя нелёгкая взяла!
Кой чёрт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Глядите-ка, рана какая

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела, —
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьёт метла:
Дитя убила — лопнет мать.

(В давке одна из ведьм ранит другую и убивает младенца в её утробе.)

Первая половина хора колдунов

Улиткой наши все ползут,
А бабы всё вперёд бегут.
Где зло, там женщина идёт
Шагов на тысячу вперёд.

Вторая половина хора колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает — и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

Голос
(сверху)

Вперёд, вперёд, вы, из озёр!

Голос
(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись — чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется Луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Голос
(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Голос
(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Голос
(снизу)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

Оба хора

На вилах мчись, свезёт метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот — поверь, —
Кто не поднимется теперь.

Полуведьма
(внизу)

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А всё угнаться не могла.

Хор ведьм

Мазь ведьме бодрость придаёт,
Тряпьё — за парус нам сойдёт.
Корыто — лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст
(издали)

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечён?

В хозяйские права вступить я принуждён.
Дорогу! — чёрт идёт! Дорогу, чернь, живее!
Я здесь, брат-доктор! Ухватись скорее!
Пойдём в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.
Вон там какой-то странный свет мелькает
И в те кусты невольно привлекает.
Нырнём туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался
Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умён!
В Вальпургиеву ночь пришёл на Брокен он,
И что же? — под кусты запрятаться собрался.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;
Смотри: огни, пестрея, загорелись!
Весёлым клубом гости там расселись.

Фауст

Всё ж наверху бы лучше было нам.
На злое дело вся толпа стремится;
Взгляни: уж дым столбом пошёл у них.
Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.
Пусть свет большой шумит, бушуя,
Тебя подальше утащу я.
Везде бывает так — сомненья в этом нет, —
Что свет большой рождает малый свет.
Взгляни: разделась ведьма молодая,
А старая накидочку взяла.
Будь вежлив к ним: услуга мне большая
Труд не велик, забава не мала.
Чу, музыка играет! Вот досада!
Проклятый скрип! Но покориться надо.
Вперёд, вперёд! С тобою я пойду,
Вступлю в их круг, тебя в него введу
И познакомлю с новыми гостями.
Что скажешь, друг? Равнина здесь тесна ль?
Взгляни: конца не видно в эту даль!
Здесь тысячи огней горят рядами;
Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, —
Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдём? Намерен притвориться
Ты колдуном иль чёртом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.
Меня «подвязка» хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.
Смотри: ползёт улитка; протянула
Она рога свои навстречу нам.
Пронюхала, кто я такой, смекнула!
Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.
Мы от огня к огню пойдём повсюду;
Ты будешь женихом, я — сватом буду.
(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодёжи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Генерал

Кто может верить нациям беспечно?
Я делал им добро — и что ж?
Толпа — как женщина, и вечно
У ней в почёте только молодёжь.

Министр

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами всё склонялось, —
Век золотой, поверьте, был.

Parvenu

И мы неглупы были ведь небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло всё вкривь и вкось,
Когда свой труд упрочить мы хотели.

Автор

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодёжь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

Мефистофель

(на миг являясь дряхлым стариком)

Народ созрел, и близок страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь...
Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идёт, ручаюсь!

Ведьма-ветошница

Не проходите, господа!
Удобный случай уловите,
Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;
Мой магазин — пребогачейший,
Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тётенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берёт.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь,
Глядишь — тебя ж толкают все вперёд.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Всмотришь: Лилит.

Фауст

Кто?
Мефистофель

Первая жена
Адама. Берегись косы её касаться:
Коса — её единственный убор.
Кого она коснётся, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись — им пляска надоела.

Мефистофель

Ну нет, сегодня отдых здесь плохой.
Вот пляшут вновь: пойдём и мы с тобой!

Фауст

(танцует с молодой)

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моём саду
Я тоже яблочки найду!

Мефистофель

(танцует со старухой)

Встревожен был я диким сном:
Я видел дерево с дуплом,
В дупле и сыро и темно,
Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта рыцарь, я для Вас
Готова всем служить сейчас:
Дупло охотно я отдам,
Когда оно не страшно Вам.

Проктофантасмист

Народ проклятый! Как вы это смели?
Не ясно ль вам доказано давно,
Что духам ног телесных не дано?
А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица
(танцую)

А он зачем пришёл на бал?

Фауст
(танцую)

Э, где он только не бывал!
Другие пляшут — он их осуждает;
Когда ж на каждый шаг рацей он не найдёт,
То этот шаг он просто отрицает.
Всего больней ему, что мы идём вперёд;
Вот если б вы на месте все кружились,
Как он на старой мельнице своей,
Возликовал бы он душою всей,
Особенно, когда б ему вы поклонились.

Проктофантасмист

Вы здесь ещё? Нет, вынести нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.
Но эти черти к поученьям глухи.
Мы так умны, — а в Тегеле есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,
А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасмист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю!
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит,
(Пляска продолжается.)

Сегодня мне ничто не удаётся,
Но продолжать я путь готов,
И, может быть, в конце концов
Поэтов и чертей мне победить придётся.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,
Где успокоиться от всех трудов он может;
А как пиявка там крестец ему погложет,
Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который прекращает танец.)

А где ж, скажи, красавица твоя?
Она, танцую, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,
Как с губ у ней мышь красная слетела.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на всё глядишь!
Благодари судьбу — не серая хоть мышь.
Ведь в час любви до этого нет дела.

Фауст

Ещё я вижу...

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной
Встал образ девы бледной и прелестной.
Она ступает медленной стопой,
Как будто цепью скованная тесной.
Признаться, в ней, когда гляжу,
Я сходство с милой Маргаритой нахожу.

Мефистофель

Оставь её: бездушна дева эта,
Всего лишь тень, бегущая рассвета.
С ней встреча — смерть, не счастье, не любовь,
При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь
И человек, как камень, замирает.
Миф о Медузе, — кто его не знает?

Фауст

Глаза её недвижно вдаль глядят,
Как у усопшего, когда их не закрыла
Рука родная. Это Маргариты взгляд.
Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечёт:
Красавицу свою в ней каждый узнаёт.

Фауст

Какою негою, мучением каким
Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!
Как странно под её головкою прекрасной
На шее полоса змеится нитью красной,
Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно всё это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берёт она порою,
С тех пор как ей срубил её Персей.
Ты всё, как прежде, носишься с мечтою.
Вперёд, на холм, за мною поскорей!
Он весь покрыт весёлою толпою:
Как в Пратере кипит веселье тут!
Уж не театр ли? Мне сдаётся,
Что скоро здесь спектакль начнётся.
Что здесь у вас?

Servibilis

Сейчас начнут
Последнее, седьмое, представление —
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,
Любители здесь будут и играть.
Я ухожу — прошу в том извиненья:
Я сам любитель — занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представления
Как раз у места, без сомненья.

СЦЕНА 22

СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ, или ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА ОБЕРОНА И ТИТАНИИ Интермедия.

Директор театра

Дам я, Мидинга сыны,
Отдых вам и смену,
Холм и поле здесь должны
Заменить вам сцену.

Герольд

Ах, для свадьбы золотой —
Пятьдесят лет дата,
Но и мир междучетой
Драгоценней злат!

Оберон

Пусть сегодня духов рой
Верность мне покажет:
В этот час меня с женой
Дружба снова свяжет.

Пук

Пук идёт, вертась, крутась,
В такт ногой ступая;
Духов рой за ним, смеясь,
Мчится припевая.

Ариэль

Много знает Ариэль
Песенок чудесных;
Много рож пленяет трель,
Много лиц прелестных.

Оберон

Чтобы в мире муж с женой
Жили, мы — наука;
Чтобы дружной быть четой,
Нам нужна разлука.

Титания

Зла жена, ворчун супруг, —
Надо разлучиться!
Пусть жена спешит на юг,
Муж на север мчится.

Оркестр

(очень громко)

Мухи, мошки и жучки,
Разные таланты,
И лягушки, и сверчки —
Вот и музыканты!

Solo

Вон волынка там гудит,
А пузырь-то мыльный;
Толстый нос жужжит, сопит,
Мелет вздор обильный.

Дух, только что образующийся

Жаба, ноги паука
И, как прибавленье,
Крылья: нет ещё зверька,
Есть стихотворенье.

Парочка

Краток шаг, высок прыжок
По траве росистой...
Ходишь ты, но ты б не мог
Взвиться в воздух чистый.

Любопытный путешественник

Маска ль это? Кто бы мог
Верить? Что за чудо!
Оберон, прекрасный бог,
Ты пришёл откуда?

Ортодокс

Нет рогов и нет когтей,
Но причислен нами
Всё ж и он к числу чертей
С древними богами.

Северный художник

Схвачу один я здесь кругом
Эскизы, я уверен;
Зато в италию потом
Уехать я намерен.

Пурист

О я несчастный! Для чего
Пришёл я? Что за мерзость!
Я вижу: ведьмы две всего
Напудрены. О дерзость!

Голая ведьма

Я пудры с платьем не взяла —
старухам уступаю.
Нагая села на козла
И тела не скрываю.

Капельмайстер

Мухи, мошки и жучки,
Что пристали к голой!
Вы, лягушки и сверчки,
Дайте такт весёлый!

Флюгер

(в одну сторону)

В прекрасном обществе я тут:
Невесты взор прельщают,
И кавалеров круг не худ —
Премного обещают!

(в другую сторону)

Коль не раскроется сейчас
Земля, их поглащая,
Готов уйти от них как раз
Хоть в самый ад тогда я.

Ксении

Как мухи, в этой стороне
Примчались мы с клещами:
Хотим папаше сатане
Мы поклониться сами.

Геннингс

Они слетелись в тесный рой —
Хотят острить над нами —
И скажут: «С доброй мы душой,
И с добрыми сердцами».

Мусагет

Недурно здесь: как раз мой вкус!
Мне ведьмы очень милы:
Скорей меж них, чем между муз,
Гожусь я в заправины.

Si-devant гений своего времени

Ты ладь с людьми, так в люди сам
Пройдёшь и ты бесспорно.
Как на Парнасе нашем, нам
На Брокене просторно.

Любопытный путешественник

Скажите, как его зовут?
Надменный, сановитый,
Котов везде он нюхать: тут
Не скрыты ль иезуиты?

Журавль

Чиста ль вода, мутна ль вода —
Ловлю я рыбу всё же.
Так и всятоша иногда
К чертям заходит тоже.

Сын мира

Святоши, верьте мне, возьмут
Все средства без разбора:
Пожалуй, Брокен изберут
Как место для собора.

Танцор

Как? Новый хор примчался к нам?
Вдали трезвонят что-то.
Нет, это выпи стонут там,
Крича на вс болото.

Танцмайстер

Пошли плясать и так и сяк, —
Стараться все решили;
Бежит хромой, бежит толстяк,
О грации забыли.

Скрипач

Весь этот сброд всего сильней
Друг друга съесть желает;
Но, как Орфей смирял зверей,
Волянка их смиряет.

Догматик

Не может критика спугнуть,
Ввести меня в сомненье:
Чёрт должен быть хоть чем-нибудь,
А то — он измышление.

Идеалист

Клянусь, фантазия моя
На этот раз чрезмерна;
И если это всё есть я,
То глуп я стал наверно.

Реалист

Меня всё это здесь сейчас
Как будто злит нарочно:
Стою сегодня в первый раз
Я на ногах непрочно.

Супернатуралист

Мне в этой весело стране!
Возможно, без сомненья,
По духам зла составить мне
О добрых духах мненье.

Скептик

За огоньком бегут опять
И ищут клад до смерти.
Я — на посту, чтоб рифмовать,
Где «черти», там «не верьте».

Капельмайстер

Вы, лягушки и сверчки, —
Просто дилетанты!
Мухи, мошки и жучки,
Вы же музыканты!

Ловкие

Sans souci нас все зовут;
Не сравнятся с нами:
Ноги больше не идут —
Ходим вверх ногами.

Неловкие

Ловили прежде мы куски,
А нынче — ну их к Богу!
Идём, стоптавши башмаки,
Мы на босую ногу.

Блуждающие огоньки

Мы явились из болот,
Из далёкой чащи,
Но средь сброда мы — народ
Всё-таки блестящий!

Падающая звезда

Я с высоты упала, свет
Повсюду разливая, —
И вот подняться силы нет,
Лежу в траве одна я.

Массивные

Нам места, места, тесно тут!
Ложись трава под нами:
То духи, духи к вам идут
С тяжёлыми ногами.

Пук

Что за грубый шум и стук!
Вы, слоны, смиреннее!
Хочет сам сегодня Пук
Быть всех тяжелее!

Ариэль

Если дал вам дух живой
Иль природа крылья,
В край цветущих роз за мной
Мчитесь без усилья!

Оркестр

Мгла тумана на полях
Проясниться стала;
Ветер шепчет в камышах —
Мигом всё пропало.

СЦЕНА 23

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ
Фауст и Мефистофель.

Фауст

В одиночестве! В отчаянье! В страданиях долго блуждала она по Земле — и вот теперь заключена, заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, — она, это несчастное, милое создание! Вот до чего дошло! И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать всё это от меня! Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами! Стой и терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену! В невыразимом мучении! Предана власти духов и бесчувственно осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня её растущее горе, оставляешь её гибнуть без помощи!

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Пёс! Отвратительное чудовище! — О дух бесконечный! Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его, отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые для души человека! И не одно такое создание погибло в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно искупила пред очами Всепрощающего все грехи прочих в своём ужасном, смертном горе! Мозг мой и моё сердце терзаются, когда я смотрю на одну эту страдальицу, а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысяч существ!

Мефистофель

Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия, — туда, где человек теряет управление своим рассудком. К чему же ты вступаешь в общение с нами, когда не в силах поддержать его? Хочешь летать — и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст

О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы: это отвратительно! О великий, чудесный дух, удостоивший меня видеть лицо своё! Ты знаешь сердце моё, душу мою: к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику, который во зле видит свою жизнь, а в убийстве — наслаждение!

Мефистофель

Скоро ты кончишь?

Фауст

Спаси её или — горе тебе! Тягчайшее проклятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель

Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать его затворы. Спаси её! Но кто, скажи, ввергнул её в бездну погибели: я или ты?

(Фауст дико озирается кругом.)

За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам даны они, жалким смертным! Сокрушить непокорного — вот известный приём тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик.

Фауст

Веди меня туда! Она должна быть свободна.

Мефистофель

А опасность, которой ты сам подвергаешься? Знай, что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха. На месте убийства парят мстительные духи и ждут возвращения убийцы.

Фауст

Что ещё предстоит мне от тебя? Смерть и проклятие всей Вселенной на тебя, чудовище! Веди меня, говорят тебе, и освободи её!

Мефистофель

Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать, — ведь не все же силы Земли и неба в моей власти. Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и выведи её человеческою рукою. Я буду на страже: волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы. Вот всё, что я могу.

Фауст

Туда — и сейчас же!

СЦЕНА 24

НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель мчатся на вороных конях.

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они?

Мефистофель

Не знаю, но вижу, там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

То ведьмы.

Фауст

Свершают какой-то обряд.

Мефистофель

Пуškai их колдуют! За мною, вперёд!

СЦЕНА 25

ТЮРЬМА

Фауст со связкой ключей и лампой перед железной дверью.

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:

Давно мне чуждым страхом я объят;

Вот здесь её, за влажною стеною,

Невинную, оковы тяготят.

Что ж медлишь ты, войти не смея?

Боишься встретить милый взгляд?

Твой страх — ей смерть! Вперёд скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри

Мать, распутница мать,

Погубила меня;

Мой отец, негодяй,

Изглодал всю меня;
А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

Фауст
(отворяя дверь)

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита
(прячась на кровати)

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст
(тихо)

Молчи, молчи: свободна будешь!

Маргарита
(бросаясь перед ним на колени)

Кто б ни был, сжался надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита
(на коленях)

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал...
О, сжался и оставь живую
Хоть до утра, — казни тогда!
Я молода, так молода —
И вот завтра умираю!

(Встаёт.)

Я хороша была — за то и погибаю!
Был близок друг, теперь далёк,
Цветы увяли, сорван мой венок...
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:
Мы в первый раз встречаемся теперь.
Палач, палач, услышь мои моленья!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:

Всю ночь её в слезах ласкала я...
Её украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я её убила.
Я никогда не буду весела:
Ведь про меня и песня ходит злая...
Такая в сказке, правда, мать была,
Но разве я такая?

Фауст

(становясь на колени)

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепей тебя освободит.

Маргарита

(падая рядом с ним на колени)

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет
Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст

(громко)

Маргарита! Маргарита!

Маргарита

(прислушиваясь)

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовёт меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!
Он звал меня: «Маргарита!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко зывал он;
Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(Обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль,
Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!
Ты здесь: пришёл и из тюрьмы спасаешь!
Я спасена! А вот и улица опять,
Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.
А вот и сад я увидала,
Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст
(увлекая её)

Идём, идём!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так любо мне с тобой!

Фауст

Выходи!

Спешу — не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда ещё вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах,
И ты душил меня в объятиях, целуя?
Целуй, целуй скорей меня!
Не хочешь — поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла

Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны! Твоих объятий сила
Исчезла... То ли прежде было?
О, горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди — молю лишь об одном тебя я!

Маргарита

(оборачиваясь к нему)

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идём!

Маргарита

И ты освобождаешь
Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Своё дитя убила я!
Ребёнок, дочь моя, твоя...
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Её скорее: посмотри —
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч, :
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было — вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы...
С зарёй придётся умирать...
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать,
А я — поодаль, но немного,
Немного, милый, ради Бога!
Ребёнка ж положи ты на груди моей:
Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?
А помнишь, милый друг, как много мы с тобою
Когда-то провели блаженно-чудных дней!
Теперь мне обнимать уж больше не придётся
Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдаётся,
Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнёшь.
А всё же это ты, всё так же добр, хорош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдёшь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть, — пойдём дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше — ни на шаг... Идёшь ты, милый мой?
О, если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждёт...
Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить всё невольню!
Так горько мне идти в чужой народ...
Да и поймают скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай всё вниз, всё вниз,
К ручью спустись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьём.
Она жива. Хватай,
Хватай её, спасая!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг — и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, —
По жилам мороз пробегает...
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела...
Не встать ей: увы! она долго спала, —
Уснула, чтоб мы без неё наслаждались...
Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я —
Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!
Не жми так крепко руку ты мою —
И без того покорною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,
А мог бы стать днём свадьбы нам с тобой!
Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, —
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, ещё мы встретимся с тобой, —
Не в хороводе только, нет, едва ли!
Безмолвно дыханье своё затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь полна, вся дорога...
Чу, колокол слышится... Вот уж судья
Сломал свою палочку... Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесён...
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

О, если б не был я рождён!

Мефистофель

(в дверях)

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, восток уж озарён!
Оставьте ваши вздохи, ахи!
Дрожат уж кони, жмутся в страхе.

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нём!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд божий, предаюсь тебе я!

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, Господь! О Боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите,
Меня крылами осените!
Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она

Навек погибла!

Голос Свыше

Спасена!

Мефистофель

(Фаусту)

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты

(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЖИВОПИСНАЯ МЕСТНОСТЬ.

Фауст лежит, утомлённый, на цветущем лугу, в беспокойном сне. Сумерки. Над Фаустом парит хор прелестных малюток-духов.

Ариэль

(Пение, сопровождаемое звуками золотых арф.)

В дни, когда весна сияет,
Дождь цветов повсюду льёт,
Поле в зелень одевает,
Смертным радости несёт, —
Крошек-эльфов дух великий
Всем спешит смягчить печаль:
Свят ли он иль грешник дикий,
Несчастливца эльфам жаль.

Вы, что сюда слетелись в рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный:
Смирите в нём свирепый пыл борьбы,
Смягчите боль жестокою упрёка,
Изгладьте память ужасов судьбы.
В безмолвии ночном четыре срока —
Не медлите ж! Слетясь со всех сторон,
Его склоните нежно к изголовью, —
Росою Леты брызните с любовью, —
Усталые расправит члены сон,
И день он встретит бодр и укреплён.
Итак, скорее подвиг свой начните:
К святому свету вновь его верните!

Хор эльфов

(поодиночке, по два и по несколько,
чередуюсь и соединяюсь)

(Serenade)

Тёплый воздух безмятежен,
Тихо в зелени полян,
Сладок запах, и безбрежен
Лёгкий вечера туман;
Нашепчите ж мир ночлега,
Детским отдыхом маня,

И очам усталым нега
Пусть закроет двери дня!

(Notturmo)

Ночь восходит, рассыпая
Сотни звёзд по небесам;
Рой светил горит, мерцая,
Блещет здесь, сияет там;
Спят озёр зеркальных воды;
Чисто небо; ночь ясна, —
И над тихим сном природы
Пышно царствует Луна.

(Mattutino)

Пусть текут часы забвенья,
Грусть и радость устраняя;
Близко время исцеленья, —
Верь же вновь сиянью дня!
По долине меж холмами
Тихо в зелени дерев,
И серебристыми волнами
Нива зыблет свой посев.

(Re veil)

Достижимы все стремленья;
Посмотри: заря ясна!
Слабы цепи усыпленья, —
Сбрось же, сбрось оковы сна!
Меж медлительной толпою
Будь творцом отважных дел!
Всемогущ, кто чист душою,
Восприимчив, быстр и смел.

(Сильный шум возвещает восход Солнца.)

Ариэль

Чу! Шумят, бушуют Оры!
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры.
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колёса Феба!
Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,
Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!
Поскорей к цветам спешите,
Глубже, глубже в них нырните;
Скройтесь в листьях, в щели скал,
Чтоб вас шум не оглушал!

Фауст

Опять ты, жизнь, живой струёю льёшься,
Приветствуешь вновь утро золотое!
Земля, ты вечно дивной остаёшься:
И в эту ночь ты в сладостном покое
Дышала, мне готова наслажденье,

Внушая мне желанье неземное
И к жизни высшей бодрое стремленье.
Проснулся мир — и в роще воспеваает
Хор стоголосый жизни пробужденье.
Туман долины флёрном одеваает,
Но озаряет небо предо мною
И глубь долин. Вот ветка выступает,
Не скрытая таинственной мглою;
За цветом цвет является, ликуя,
И блещет лист трепещущей росой.
О чудный вид! Здесь, как в раю, сижу я!
А там, вверху, зажглися гор вершины,
Зарделись, час весёлый торжествуя.
Вы прежде всех узрели, исполины,
Тот свет, который нам теперь сияет!
Но вот холмы и тихие долины
Весёлый луч повсюду озаряет,
И ниже все светлеют очертанья.
Вот Солнца диск! Увы, он ослепляет!
Я отвернусь: не вынести сиянья.
Не так ли в нас высокие стремленья
Лелеют часто гордые желанья
И раскрывают двери исполненья, —
Но сразу мы в испуге отступаем,
Огнём объаты и полны смущенья:
Мы светоч жизни лишь зажечь желаем,
А нас объемлет огненное море.
Любовь тут? Гнев ли? Душно; мы страдаем;
Нам любо, больно в огненном просторе;
Но ищем мы земли — и пред собою
Завесу снова опускаем в горе.
К тебе я, Солнце, обращусь спиною:
На водопад сверкающий, могучий
Теперь смотрю я с радостью живою;
Стремится он, дробящийся, гремучий,
На тысячи потоков разливаясь,
Бросая к небу брызги светлой тучей.
И между брызг как дивно, изгибаясь,
Блестает пышной радуга дугою,
То вся видна, то вновь во мгле теряясь,
И всюду брызжет свежеею росой!
Всю нашу жизнь она воспроизводит:
Всмотрись в неё — и ты поймёшь душою,
Что жизнь на отблеск радужный походит.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Тронный зал. Государственный совет. Трубы. Входит император с блестящей свитой и садится на трон. Справа от него становится астролог.

Император

Привет вам, други! Весь вполне
Вокруг меня мой двор собрался.
Мудрец со мной; куда ж девался
Дурак, мой шут, скажите мне?

Юнкер

За вашим шлейфом он влачился,
Упал при входе и разбился.
Толстяк был поднят, унесён:
Не знаю — пьян иль умер он.

Другой юнкер

За ним другой — откуда взялся,
Не знаю — быстро протолкался.
Одет был очень пышно он,
Но безобразен и смешон.
Уж он пробрался до чертога,
Но алебарды у порога
Пред ним скрестила стража тут.
Да вот и он, наш смелый шут!

Мефистофель

(входя и склоняясь перед троном)

Что ненавистно — и отрадно?
Что всяк и звать и гнать готов?
Что все ругают беспощадно,
Чтоб защищать в конце концов?
Кого ты звать не должен смело?
Чьё имя всех к себе влекло?
Что к трону путь найти сумело?
Что гнать само себя могло?

Император

Довольно, шут, слова плести лукаво;
Твои загадки здесь некстати, право;
Загадки любви этим господам:
Им разгадай их; это будет нам
Приятней. Старый шут покинул сцену;
Пожалуй, стань сюда, ему на смену.

(Мефистофель становится по левую сторону трона.)

Говор толпы

Вот шут другой — к другой беде!
Откуда он? Как он вошёл?
Приелся прежний. Прежний где?
Тот бочка был, а этот — кол.

Император

Итак, о други дорогие,
Привет! Сошлись передо мной.
Вы под счастливою звездой:
Сулит нам небо радости большие.
Хотели мы взглянуть на божий свет
Повеселей, от дел освободиться
И маскарадом пышным насладиться.
Помех, казалось, для веселья нет, —
К чему ж сошлись на скучный мы совет?
Сказали вы: «Так надо!» Покоряюсь —
И вот пред вами я теперь являюсь.

Канцлер

Как лик святых сияньем окружён,
Так добродетель высшая венчает
Чело владыки: ею обладает
Лишь он один, и всем он одарён;
Всё, что народу нужно, любо, мило,
Нам божество в лице его явило.
Увы! К чему рассудка полнота,
Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругом всё стонет и страдает,
Одна беда другую порождает?
Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду превратилось.
Наглец присваивает жён,
Стада, светильник, крест церковный;
Хвалясь добычею греховной,
Живёт без наказания он.
Истцы стоят в судебном зале,
Судья в высоком кресле ждёт;
Но вот преступники восстали —
И наглый заговор растёт.
За тех, кто истинно греховен,
Стоит сообщников семья —
И вот невинному «виновен»
Гласит обманутый судья.
И так готово всё разбиться:
Всё государство гибель ждёт.
Где ж чувству чистому развиться,
Что к справедливости ведёт?
Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть:
Судья, свою утратив власть,
Примкнёт в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен, но, поверь,
Ещё мрачнее жизнь теперь.

Пауза.

И нам нельзя откладывать решения!
Средь этой бездны зла и разрушенья
И даже сан небезопасен твой.

Военачальник

Все нынче буйны, удержу не знают,
Теснят друг друга, грабят, убивают,
Не слушают команды никакой.
Упрямый бюргер за стенами
И рыцарь в каменном гнезде
Сидят себе, смеясь над нами,
И нас не слушают нигде.
Наёмные роптать солдаты стали:
Упорно платы требуют у нас,

И если б мы им так не задолжали,
Они бы нас покинули сейчас.
Чего б себе они ни запросили —
Не дать попробуй: будешь сам не рад.
Мы защищать им царство поручили —
Они ж страну разграбить норовят.
Полцарства гибнет; если их оставят
Так буйствовать — пропала вся страна!
Хоть короли кой-где ещё и правят,
Но никому опасность не ясна.

Казначей

Взывать к союзникам — не много прока;
Обещанных субсидий нет притока:
Казна у нас — пустой водопровод!
В твоих обширных, государь, владеньях,
Какие нынче господа в именьях?
Куда ни глянь, везде живёт не тот,
Кто прежде жил; всяк нынче независим;
Мы смотрим, чтоб по вкусу мы пришлись им,
А подчинить ни в чём не можем их.
Мы столько прав гражданских надавали,
Что не осталось прав для нас самих;
От разных партий, как бы их ни звали,
Поддержки тоже нет на этот раз.
Хвала и брань их безразличны стали,
Бесплодна их любовь и злость для нас.
Ни гибеллинов нет, ни гвельфов нет и следу:
Все спрятались — потребен отдых им.
Кто нынче станет помогать соседу?
Все делом заняты своим;
У золота все двери на запоре, —
Всяк для себя лишь копит: вот в чём горе!
А наш сундук — увы, нет денег в нём!

Кастелян

Беда и у меня: огромны
Идержки наши; как ни экономны,
А тратим мы всё больше с каждым днём.
Для поваров, как прежде, нет стеснений:
Бараны, зайцы, кабаны, олени
У них ещё в порядке, как всегда;
Индеек, гуся, утки и цыплята —
Доход наш верный: шлют их торогато.
Всё это есть; в вине одном нужда:
Где прежде горы полных бочек были
И лучших сборов лучший цвет хранили —
Всё до последней капли истребили
Попойки вечные сиятельных господ.
Для них открыл и магистрат подвалы:
И вот звенят их чаши и бокалы;
Все под столом лежат, и пьянство всё растёт.
Я счёт веду: платить за всё ведь надо;
И ростовщик нам не даёт пощады.

По вексям он вечно заберёт
Изрядный куш на много лет вперёд.
Давно у нас уж свиньи не жирели,
Заложен каждый пуховик с постели,
И в долг мы каждый подаём обед.

Император

(после некоторого размышления, Мефистофелю)

Ты тоже, шут, немало знаешь бед?

Мефистофель

Я? Никогда! Я вижу блеск чудесный,
Тебя и пышный двор. Сомненья неуместны,
Где нерушимо сам монарх царит,
Врагов своих могуществом разит,
Где светлый ум, и доброй воли сила,
И мощный труд царят на благо нам, —
Как может зло и мрак явиться там,
Где блещут эти чудные светила?

Говор толпы

Мошенник, плут! Умён, хитёр!
Он лжёт бесстыдно! С этих пор
Я знаю, что нам предстоит.
А что? Проект он сочинит.

Мефистофель

Везде своя нужда: таков уж белый свет!
Здесь — то, другое — там. У нас вот денег нет;
И деньги на полу искать напрасно,
Но золото есть под землёю, ясно.
Войдите в тьму пещер глубоких: там
В кусках, в монетах золото сверкает;
А кто его из бездны извлекает?
Дух выпранный, природой данный нам,

Канцлер

Природа, дух — таких речей не знают
У христиан; за это ведь сжигают
Безбожников: такая речь вредна!
Природа — грех, а дух есть сатана:
Они лелеют в нас сомненье,
Любимое сил адских порожденье.
Нет, здесь не то! Два рода лишь людей
Имеет государь в империи своей:
То божьих алтарей служители святые
И рыцари. Они хранят нас в бури злые;
Лишь в них себе опору трон найдёт.
За то им земли государь даёт.
Пустой толпы безумные затеи
Противостать пытаются порой,
Еретики и злые чародеи
Мутят страну и потрясают строй.
Шуту они любезны свыше меры:

Душе преступной всех они милей.
И смеешь дерзкой шуткою своей
Ты омрачать возвышенные сферы!

Мефистофель

О, как учёный муж заметен в Вас сейчас!
Что осязать нельзя — то далеко для Вас;
Что в руки взять нельзя — того для Вас и нет,
С чем не согласны Вы — то ложь одна и бред,
Что Вы не взвесили — за вздор считать должны,
Что не чеканили — в том будто нет цены.

Император

К чему ты эту проповедь читаешь?
Мне надоело это: перестань!
Вот денег нет, — скорей же их достань;
Словами ж ты беды не уменьшаешь.

Мефистофель

Достану больше я, чем кажется вам всем;
Всё это хоть легко, но трудно вместе с тем.
Клад не далёк, но чтобы докопаться,
Искусство нужно и уменье взяться.
В тот давний век, как массы дикарей
Губили жадно царства и людей,
Напора орд их человек пугался
И укрывать сокровища старался.
То было в мощный Рима век, давно;
Но и теперь немало так зарыто,
И всё, что там лежит, в земле сокрыто,
Правительству принадлежать должно.

Казначей

Да, хоть дурак, а рассудил он здраво!
Конечно, это государя право!

Канцлер

Вам ставит дьявол золотой капкан:
В преступный вас желает ввести обман.

Кастелян

Чтоб провиант был у меня в запасе,
Я на обман даю своё согласие.

Военачальник

Дурак умён: всем благ наобещал!
Солдат не спросит, где он деньги взял.

Мефистофель

Я вижу, что у вас сомнений много?
Вот вам мудрец: спросите астролога;
Как дважды два, он знает день и час.
Скажи, что видно в небесах для нас?

Говор толпы

Плуты! Союз уж заключён:
Шут и авгур взошли на трон.
Вся песня та ж — сюжет избит.
Глупец велит — мудрец гласит.

Астролог

(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)

Как золото, нам Солнце свет свой льёт;
Меркурий, вестник радостный, несёт
Любовь и милость; благосклонный нам
Бросает взор Венера по утрам
И вечерам; Луны капризен вид;
Марс хоть бессилён, гибелью грозит;
Юпитер всех ясней всегда сиял;
Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть, как металл, он низко оценён,
Но если взвесить — полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца лик с Луной,
Сребро со золотом, — это знак благой!
Всё явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щёк;
Учёный муж доставит это вам,
Исполнив то, что невозможно нам.

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я,
Однако трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врёт звездочёт!
Алхимик врёт!
Сто раз слышал!
Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Мефистофель

Находке верить ли, не знает
Никто из них; дивятся все:
Один альравнов вспоминает,
Другой о чёрном бредит псе.
Тот трусит, тот смеяться хочет;
Но образумьтесь, верьте мне:
Когда в подошве защекочет
У вас иль зазнобит в спине,
То знайте, что на вас влияет
Природа силою своей:
Струя живая возникает
Из глубочайших областей.
Когда мороз знобит вам тело

И не сидится что-то вам,
Вы в землю вкапывайтесь смело
И тотчас клад найдёте там.

Говор толпы

Ух, тяжко! Что-то беспокоит
Меня. Рука, озябнув, ноет.
Мне что-то палец заломило.
А у меня в спине заныло.
По этим признакам — под нами
Лежат сокровища пудами.

Император

Ну, к делу ж! Так ты не уйдёшь отсюда!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи.
Свой меч и скипетр я сложу покуда
И к делу сам немедля приступлю.
Когда не лжёшь, осуществлю я чудо,
А если лжёшь, тебя я в ад сошлю.

Мефистофель

Туда-то я дорогу твёрдо знаю.
Конечно, я всего не сосчитаю,
Что там лежит, на свет не выходя.
Пример: крестьянин, землю бороздя,
Златой сосуд порой зацепит плугом;
Порой селитры ищет он простой —
И видит слитки золота. С испугом
И радостью он бедною рукой
Старинные нам открывает своды.
Туда-то, в эти галереи, ходы,
В подземный мир, с киркой проникнуть рад
Искусный муж, преследуя свой клад.
В тех погребках сокровищ чудных гряда:
Тарелки, чаши, золотые блюда
Везде рядами пышными стоят;
Что ни бокал — рубинами сверкает;
А из него испить кто пожелает,
Найдёт в бочонке старое вино;
А обручи на бочке той старинной —
Поверите ль? — скрепляет камень винный,
А дерево истлело уж давно.
И чем та область мрака не богата!
Да, не одних камней там и злата
Довольно — есть и вин большой запас.
Но лишь мудрец их вынесет оттуда;
При свете видеть это всё — не чудо,
А мрак всё тайной делает для нас.

Император

К чему нам мрак, к чему нам тайны эти?
Что драгоценно — покажи при свете:
Кто плутовство во мраке уличит?

«Все кошки ночью серы», — говорит
Пословица. Даю приказ тебе я
Доставить те сокровища скорее!

Мефистофель

Так сам возьми лопату, бур и лом,
И возвеличен будешь ты трудом,
Причём душою снова ты воспрянешь.
Златой телец предстанет вновь тогда,
И всех — себя и свиту — без труда
Вновь украшать алмазами ты станешь,
А камни те, играя и горя,
И красоту возвысят, и царя.

Император

Смелей за труд! Скорей за исполнение!

Астролог

(как выше)

Умерь, монарх, могучее стремленье:
Сперва окончить праздник свой решишь!
За много дел ты сразу не берись:
Ведь заслужить сперва должны мы сами
Дары земли достойными делами.
Добра кто хочет, должен добрым быть;
Кто жаждет благ, тот должен дух смирить;
Кто алчет вин, тот у тисков трудися;
Кто ждёт чудес, тот верой утвердися.

Император

Прекрасно! Пустим празднества мы в ход,
А там — пускай суровый пост придёт.
Итак, повеселей, во что бы то ни стало,
Отпразднуем теперь мы время карнавала!

(Трубы. Все уходят.)

Мефистофель

Глупцы! Судьба своих даров,
Заслуг не видя, не истратит!
Имей вы камень мудрецов —
Для камня мудреца не хватит.

МАСКАРАД

Обширный зал с примыкающими к нему покоями, декорированный и украшенный для маскарада.

Герольд

Не думайте, что здесь, в стране германской,
Шутов иль бесов танец басурманский
Предстанет вам иль пляска мертвецов:
Для вас весёлый праздник здесь готов.
В Рим государь свершил поход далёкий;
Перешагнул он Альп хребет высокий
И дивный край во власть стяжал он там

Себе на пользу и на радость вам.
Права на трон себе приобретая,
Облабызал священный он башмак —
И вот на нём корона золотая,
А нам принёс он шутовской колпак.
Весь наш народ переродился:
Весь светский люд, потехе рад,
В костюме дурацкий нарядился,
Все сумасшедшими глядят,
И всяк умён на свой обычный лад.
Но вот уж гости: к нам они несутся,
То врозь, то парами сойдутся,
Толпой сюда они бегут. —
Скорей войдите же сюда вы!
Что было прежде, то и тут:
Весь мир, любя лишь игры и забавы,
В конце концов — один огромный шут.

Садовницы

(пение, сопровождаемое звуками мандолин)

Разодевшись, как картинки,
Чтоб блеснуть нам при дворе,
Молодые флорентинки,
Мы вперёд бежим к игре.
В кудри чёрные вплетали
Мы цветочек за цветком;
Бархат, шёлк, атлас играли
Роль немалую при том.
Мы подделки все находим
Здесь достойными похвал:
Так цветок мы производим,
Чтоб весь год он не увял.

Герольд

Снять с голов и рук спешите
Вы в корзинках груз красивый
И на выбор предложите
Всем гостям, что принесли вы.
Зацветёт здесь сад чудесный, —
Лишь раскройте нам кошницы;
Одинаково прелестны
И товар и продавщицы.

Садовницы

Подойдите к нам, готовым,
Не торгуясь, продавать,
И разумно — кратким словом —
Всяк, кто взял, умей назвать.

Оливковая ветвь с плодами

Всех цветов милей я взору,
Не склонна к вражде и спору:
Злоба в тягость для меня;

Между стран кладу между я,
Мира символом служу я,
Тишину в полях храня,
И, надеюсь, здесь, как всюду,
Украшать красавиц буду.

Золотой венок из колосьев

Всем к лицу и всем любезен
Дар Цереры золотой;
И прекрасен и полезен,
Вас украсит он собой.

Фантастический венок

Мох попал сюда нежданно,
Вроде мальвы пёстрый цвет!
Для природы это странно,
Но для моды — вовсе нет.

Фантастический букет

Без сомненья, как зовусь я —
Феофраст не скажет сам,
Но пленить надеюсь вкус я
Хоть одной из милых дам,
И, быть может, выбран ею,
Я в причёске запестрею,
Иль приколет кто-нибудь,
Может быть, меня на грудь.

Вызов

Пусть причуда расцветает
По последней пёстрой моде
И кокетливо блистает,
Непокорная природе!
Стебельки цветов младые,
Колокольчики златые
Хороши, —

Почки роз

Но счастлив тот,
Кто, сокрытых, нас найдёт!
Как наступит радость лета
И раскроется бутон,
Кто не будет восхищён
Исполнением обета?
Розы, царствуя, пленят
Сердце, чувство, ум и взгляд.

Под зелёным навесом садовницы красиво раскладывают свои товары.

Садовники

(пение под звуки теорб)

Пусть цветы — глазам отрада,
Вам их свойственно любить;
Но плодов отведать надо:

В них нельзя обману быть.
Вишни, персики и сливы
Блещут смуглою семьёй;
Но откусать их должны вы:
Глаз — судья о них плохой.
Подходите ж, покупайте,
Выбирайте, что вкусней!
О цветах стихи слагайте;
Плод вкушайте поскорей!

(Обращаясь к садовницам)

К вам, прелестнейшему хору,
Мы поближе подойдём
И товаров наших гору
Рядом с вами разберём.
Под весёлою листвою,
Что в беседках здесь растёт,
Всяк найдёт перед собою
Почки, листья, цвет и плод.

Оба хора с пением, под звуки теорб и гитар, проходят в глубину сцены, раскладывают свои товары и предлагают их гостям.

Мать и дочь.

Мать

(обращаясь к дочери)

Дочка, чуть ты в жизнь вошла,
Чепчик получила;
Тельцем ты нежна была,
Личиком манила.
О дочурке хлопоча,
Я в мечтах ей богача
В женихи сулила.
Ах, промчался ряд годов —
Толку что-то мало!
Было много женихов —
Даром всё пропало!
Тщетно в танцах ты одним
Жала руки, а другим
Томный взор бросала.
Сколько праздников прошло —
Счастье не даётся;
В танцах, фантах, как назло,
Нам судьба смеётся.
Хоть теперь, в весёлый день,
Ты кого-нибудь поддень;
Может быть, нарвётся!

Молодые, красивые подруги присоединяются к ним. Раздаётся шумная, непринуждённая болтовня. Затем входят рыбаки с сетями, удочками и птицеловы с клейкими прутьями и другими принадлежностями своего ремесла и смешиваются с толпой. Они бегают по сцене и ловят друг друга. Завязываются весёлые разговоры.

Дровосеки

(входят шумно и неуклюже)

Посторонитесь!
Простор мы любим,

Деревья рубим,
Их с треском косим;
Когда ж их носим —
Толчков страшитесь!
Наш труд прилежный
В расчёт примите:
Ведьесли грубый
Не рубит дубы,
Как может нежный
Прожить, скажите?
Когда б мы дружно
Потеть не стали,
Сознаться нужно,
Что все б дрожали.

Полишинели
(с ужимками)

Глупцы! Вы сроду,
Забыв свободу,
Свой горб сгибали;
Вот мы — так хваты,
Умней трикраты:
Мы нош не знали!
Плащи, штанишки,
Брыжи, манишки
Легки, конечно!
Мы праздны вечно:
К себе не строги,
Лишь в туфли ноги
Мы обуваем;
По рынкам бродим,
Толпою ходим,
Стоим, зеваем;
Пусть, петухами
Крича, над нами
Толпа смеётся:
Нам всё неймётся;
Мы то в разброде,
Скользя в народе,
Угрями вьёмся,
То вдруг сойдёмся
И скачем шумно,
Крича безумно,
Дурачась смело.
До порицаний,
Похвал и брани
Нам мало дела!

Паразиты
(льстиво)

Вы все, рубаки
И те служаки,
Что уголь жгут нам, —
Полезный люд нам!

Ведь всё сгибанье
И всё киванье,
Все фразы лести
И все услуги
Кому угодно —
Всё это вместе
Без вас, о други,
Для нас бесплодно.
На кухне варят,
Пекут и жарят;
Для лизоблюда
Смотреть отрадно:
Он рыбу чует,
Жаркое, жадно
Схватив, смакует;
У мецената
Кутит богато!

Пьяница
(в полусознание)

Нет преград сегодня нраву:
Нараспашку здесь я весь.
Всё, что создано в забаву,
Я вкусить намерен здесь.
Чок стаканы! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Ты там сзади: чок дружней!
Чок стаканы! Пить — так пей!
Там жена моя озлилась,
Мой наряд худым нашла;
Я — франтить; она взбесилась,
Жердью в маске назвала.
В чём веселье нахожу я,
В том стыда нет для меня:
Пусть лежу я, где лежу я,
А стоять не в силах я.

Хор пьяниц

Дружно, братья! Пейте, пейте!
Знай, вино в стаканы лейте!
Кто сидит ещё — держись,
Кто упал — под стол вались!

Герольд объявляет приход разных поэтов — певцов природы, двора и рыцарства, певцов любви и одописцев. Все они толпятся и мешают друг другу сказать хоть что-нибудь. Только один успеваешь выбраться вперёд и сказать несколько слов.

Сатирик

Поверьте, мне, поэту,
Одно свершить отрадно:
О том поведать свету,
Что слышать всем досадно.

Певцы ночи и могил не могут ничего сообщить, ибо они ведут с новоявленным вампиром интересную беседу, из которой может развиваться новый род поэзии. Герольд отпускает их и вызы-

вает персонажи греческой мифологии. Они являются в современных костюмах, не теряя от того своей самобытности и прелести.

Входят три грации.

Аглая

В жизнь людей мы прелесть вносим:
Грациозно дар давайте!

Гегемона

Грациозно принимайте:
Любо брать нам то, что просим.

Евфросина

В тихой грации своей
Благодарность, мир лелей!

Входят три парки

Атропос

Прясть живую нить созданья,
Как старейшая, должна я:
Нужно ум иметь и знанья,
Нитку тонкую свивая.

Чтобы нить была нежнее,
Тонкий лён всегда прилажу;
Чтобы нить была ровнее,
Ловким пальцем нить я глажу.

Кто танцует здесь беспечно,
Кто веселью предаётся, —
Берегись! Ничто не вечно!
Час ударит — нить порвётся!

Клото

Выбрать ножницы велела
Мне судьба на этот раз:
Править вовсе не умела
Ими старшая из нас.

Пряжу старую, гнилую,
Понапрасну берегла:
Нить надежды золотую
В цвете юности рвала.

Но нередко, без сомненья,
Заблуждалася и я.
Лучше прямо для спасенья
Спрячу ножницы, друзья!

Пусть хоть раз весёлым оком
Погляжу я на людей;
Вы ж на празднике широком
веселитесь здесь дружной.

Лахезис

Мне, разумнейшей, пристало,
Чтоб вела порядок я:
Заблуждений не знавала
Мудрость вечная моя.

Нитка ходит, нитка вьётся —
Всем назначены пути:
Никому не удаётся
Круг заветный перейти.
В мире всё перевернётся,
Стоит мне о нём забыть;
Дни проходят, время льётся:
Вечный Ткач мотает нить.

Герольд

(указывая на входящих фурий)

Вот этих трёх узнать вы не могли бы,
Хотя б знакомы с древностью вы были;
И тех, что бездну бедствий причинили,
Приятными вы гостями сочли бы.
То фурии, — но верить мне не станет
Никто. Они красивы, моложавы;
Но троньте их, — увидите тогда вы,
Что хуже змей голубки вас поранят.

Фурии.

Алекто

Что пользы в том? Мы всё же вас обманем:
Мы молоды, красивы, склонны к лести.
Задумай кто жениться — о невесте
Ему жужжать мы вечно в уши станем,
Пока ему не станет очевидно,
Что здесь и там другим она мигает,
Тупа, крива, уродлива, хромает,
Что партия такая незавидна.
Невесте же твердим мы в то же время,
Что друг её беседовал с другою
И говорил о ней с насмешкой злою.
Миришь потом: осталось злое семя!

Мегера

Всё это вздор: сойдись они друзьями,
Коль захочу, я зло вокруг посею
И счастье в горе обратить сумею:
Неровен час, неровны люди сами!
И каждый, кто желанным обладает,
Всегда, глупец, к желаньям новым рвётся,
Презрев то счастье, что само даётся:
Чтоб лёд согреть, он Солнце покидает.
Да, зло творить умеем мы и любим!
Когда в союзе с верным Асмодеем
Мы в добрый час по свету зло рассеем,
Тогда легко Вселенную мы сгубим.

Тизифона

Меч и яд — не злое слово,
Пусть изменника погубит!
Если он другую любит.
Рано ль, поздно ль — месть готова!

Горечь, желчь воздать сумею
Я за сладкий миг отрады;
Не торгуйся: нет пощады!
По грехам и месть злодею!
На мольбы пусть слов не тратит!
Вопль мой горы оглашает;
«Мечь!» — мне эхо отвечает;
Пусть изменник жизнью платит!

Герольд

Подайтесь: гости новые пред нами
Являются! Они не сходны с нами.
Покрытый тканью пышного ковра,
Вот слон сюда подходит, как гора,
С бивнями, меж которых хобот вьётся.
Загадочно! Но ключ у нас найдётся.
На нём сидит прекрасная жена.
Колоссом правит палочкой она;
Над ней, вверху, стоит другая твёрдо
И, ослепляя блеском, смотрит гордо;
А по бокам слона идут в цепях
Две женщины: одну терзает страх,
Другая — весела. Пускай пред вами
Они своё значенье скажут сами.

Боязнь

Сотни свеч среди тумана
Блещут искрами огня!
Меж личин, в сетях обмана
Крепко держит цепь меня.
Прочь, смеющиеся тени!
В вас врагов я вижу — прочь!
Для враждебных нападений
Вы сошлись в эту ночь.
Прочь бежать, искать спасенья
Я б хотела, но — увы!
Мне грозит уничтоженьё
Сверху, с этой головы!

Надежда

Сёстры, здравствуйте! Я с лаской
Вас приветствую! Под маской
Скрылись вы: но что же в этом?
Вы откроетесь пред светом.
По полям гулять мы станем;
Отдохнём и вновь воспрянем,
Чтоб, нужды не зная, вечно
Новых благ искать беспечно.
Всюду примут нас с приветом,
Всюду нам открытый путь
К благу. Нет сомнений в этом:
Есть же счастье где-нибудь!

Мудрость

Двух врагов людского рода,
Страх с Надеждой, я сковала,
Удалив их от народа,
Всем вам мир я даровала.
Вот я еду, правя мирно,
На живом колоссе с башней;
В путь крутой идёт он смиренно
Мерной поступью всегдашней.
А над башней перед вами
Та богиня, что проворно
Реет мощными крылами
И которой всё покорно.
Блеск и чудное сиянье
Ту богиню окружает:
Славный труд она венчает,
И — победа ей названье.

Зоило-Терсит

У! У! Я кстати здесь среди вас,
Чтоб к чёрту всех послать сейчас.
Но больше всех противна мне
Мадам Победа в вышине,
С крылами белыми. Она
С орлицей хищною сходна:
Куда Победа ни придёт,
Всё перед нею шею гнёт.
Но где я славу нахожу,
Там я от ярости дрожу.
Позор пусть в честь и в честь позор, —
Ложь в правду, правда в злую лжь
Преобразятся всем в укор!

Герольд

Наглец бесстыдный! Не уйдёшь,
Я поражу тебя железом!
Скорей свивайся же клубком!
И вот клубок противный вмиг
На месте карлика возник.
О чудо! Стал клубок яйцом,
Яйцо раздулось — что же в нём?
Два страшных вышли близнеца —
Вампир с ехидной — из яйца.
Ехидна вьётся здесь ползком,
Вампир парит под потолком;
К дверям спешат они вдвоём:
Соединиться вновь — их цель;
Скорей бы я ушёл отсель,
Чем третьим быть в союзе том.

Говор толпы

Прочь! Смотри: танцуют там...
Нет, совсем уйти бы нам...

Над моею головой
Привидений вьётся рой...
В волосах они жужжат...
И у ног какой-то гад...
Хоть не ранен здесь никто,
Все напуганы зато...
Скверно: тут не до потех,
Это — дело тварей тех.

Герольд

С той поры как в маскараде
Я служу порядка ради
Как герольд — всегда у входа
Я смотрю, чтоб среди народа
Не прокрался к нам губитель:
Твёрдый, верный я хранитель.
Но теперь я сам в смушенье:
В окнах призрачные тени
Замелькали; не сумею
Вас я силою своею
Защитить от чар нежданных
И видений этих странных.
Нам и карлик был ужасен;
Вот и новое явление:
Я б хотел его значенье
Объяснить, но труд напрасен —
Сам я недоумеваю.
К вашей помощи взываю,
Чтоб, давая объясненье,
Поддержать моё уменье.
Вот червёвкой колесница
Сквозь толпу сюда стремится,
Приближаясь плавно, стройно;
Давки нет, и всё спокойно.
Вкруг цветные искры реют,
Звёзды яркие пестреют:
Как в волшебной понораме
Мчатся образы пред нами
С бурной силой меж толпой.
Сторонитесь! Сташно!

Мальчик-возница

Стой!

Кони, вы свой бег воздушный,
Как всегда, узде послушны,
Усмирите! Силе слова
Повинуйтесь: по приказу
Неподвижно станьте сразу
И по слову взвейтесь снова.
Это место нам священо!
Вот вокруг толпа густая
Почитателей бессменно
К нам теснится, возрастая.
Выходи ж, герольд, и смело

Исполняй своё ты дело:
Назови им нас, покуда
Не умчались мы отсюда.
Аллегории пред вами.
Объясни же нас словами.

Герольд

Взять на себя я этого не смею:
Лишь описать, пожалуй, вас сумею.

Мальчик-возница

Попробуй же!

Герольд

Во-первых, милый мой,
Ты молод, свеж и недурён собой.
Ещё подросток ты, но, без сомненья,
Уж женщинам внушаешь вожделья,
Как взрослый; виден уж в тебе жених
И соблазнитель будущий для них.

Мальчик-возница

Приятно слышать! Продолжай толково,
Найди разгадки радостное слово.

Герольд

Блеск чёрных глаз и мрак кудрей твоих,
Украшенных повязкой драгоценной,
Так хороши! В одежде несравненной,
С каймой пурпурной, в блёстках золотых,
Ты взор пленяешь нам. В таком уборе
На девушек похож ты молодых;
Но девушек, на радость или горе,
Сам увлечёшь ты: так красив твой вид.
Пройдёшь любви ты с ними алфавит!

Мальчик-возница

А этот, что сверкает золотом,
На колеснице здесь сидит?

Герольд

Он кажется царём и кротким и богатым.
Блажен, кого Владыка наградит
Своею милостью! Он все свои желанья
Уже осуществил; его высокий взгляд
Лишь ищет, на кого б излить благодеянья,
И счастье расточать даянья
Ему милей, чем богатейший клад.

Мальчик-возница

И только? Кратким быть здесь неудобно:
Его ты должен описать подробно.

Герольд

Кто описать его достойно б мог!
Достойное лицо, румянец щёк
Из-под тюрбана смотрят так приветно;
Одежда блещет роскошью несметной;
Прекрасен он от головы до ног,
И всё в его осанке благородно;
Все подтвердят нам это всенародно.

Мальчик-возница

Знай: Плутус он, богатства славный бог!
С ним видеться давно уже желает
Ваш государь — и он себя являет.

Герольд

Но кто же сам ты? Скажешь или нет?

Мальчик-возница

Я — расточительность, поэзия, поэт,
Который совершенство довершает,
Когда свои богатства расточет.
Богат я также: наделён я всем
И не беднее Плутуса ничем.
Ему я пир и танцы оживляю —
Чем беден Плутус, тем я наделяю.

Герольд

Тебе к лицу, конечно, хвастовство.
Но где ж богатство? Покажи его!

Мальчик-возница

Смотрите: щёлкну пальцами — и сразу
Сокровища предстанут глазу.

(Щёлкает пальцами)

Вот ожерелье — жемчуга шнурок,
Вот вам зстёжки, серьги и венки;
Вот гребешки, вот брошки перед вами
И кольца с драгоценными камнями.
И огоньки бросаю я везде,
Не знаю — загорятся ли и где.

Герольд

Как всполошилась вокруг толпа густая,
Теснясь, толкаясь и дары хватая!
Сокровища он сыплет как сквозь сон —
И нет их: всё расхватано. Но он,
Как вижу, новый нам обман готовит.
Тот, кто дары его прележно ловит,
В награду не имеет ничего;
Дар улетает быстро от него;
Лишь по-пустому он хлопочет!
Жемчужной нитки вдруг порвалась связь,
Глядишь — в руках лишь горсть жуков щекочет;

Обманутый глупец их бросить хочет,
Они ж жужжат, вокруг головы кружась.
Другие ждут богатств несметных,
А ловят резвых мотыльков.
Вот плут! Он всем наобещал даров,
А надавал лишь блёсток златоцветных!

Мальчик-возница

Ты возвещать умеешь масок ряд,
Однако суть вещей постичь умело,
Конечно, не герольда дело:
Тут более глубокий нужен взгляд.
Но распрей я и споров не любитель,
К тебе я прямо обращусь, властитель!

(Обращаясь к Плутусу)

Не ты ли сам бразды доверил мне,
Чтоб мог я мчать на этой четверне
Тебя, как ветер? Я ль не правлю ими
Всегда согласно с мыслями твоими?
Не я ли часто взмахом смелых крыл
Тебя победы пальмою дарил?
И, за тебя вступая в бой суровый,
Не побеждал ли я наверняка?
Тебе сплели венок лавровый
Не мой ли ум и не моя ль рука?

Плутус

Что ж, если ты желаешь подтвержденья,
Чтоб убедить свидетельством людей,
Я рад сказать: ты дух души моей!
В твоих делах — мои все помышленья.
И ты меня богаче без сравненья.
Зелёный лавр, доставленный тобой,
Дороже мне короны золотой.
Я всем скажу с душою откровенной,
Что ты — мой милый сын благословенный.

Мальчик-возница

(к толпе)

Смотрите ж: я рассеял вокруг
Мой лучший дар из щедрых рук.
То здесь, то там над головой
Сверкнёт огонь, что брошен мной:
От одного к другому — прыг,
То медлит, то умчится вмиг
И только изредка столбом
Взойдёт над чьим-нибудь челом, —
У большинства ж, едва зажжён,
Сейчас же грустно гаснет он.

Женский голос

Не верьте: это всё обман!
Возница этот — шарлатан.

А сзади что за шут присел?
Тош, точно отроду не ел!
А ущипнуть решишь его,
Так не захватишь ничего.

Тощий

Прочь, бабье племя, от меня!
Вы гадки мне! В те времена,
Когда хранила дом жена,
Разумной Скупостью был я,
Дом был богат, мошна — полна:
Всё в дом, из дома ж — ни зерна.
Считайте это за порок:
Сундук набит был, всё шло впрок!
Теперь пошла иная речь:
Отвыкли женщины беречь,
Ни в чём у них расчёта нет —
Желаний больше, чем монет!
Куда ни глянь, долги везде;
Мужья страдают в злой нужде:
Удастся ль что жене напирать,
Всё для себя спешит украсть
Да для любовников своих;
Получше ест, получше пьёт
И всё, что может, отдаёт
Толпе любимцев: всё для них!
Тем больше к злату страсть моя:
Я скрягой стал; мужчина я!

Предводительница женщин

Сиди с драконами своими,
Скупись! Вот вздумал сочинять!
Мужчин он хочет взбунтовать,
Когда и так не сладишь с ними!

Женщины (толпой)

Бездельник! Бей его дружней!
Что нам костлявого бояться!
Всё это маски: так смелей!
К чему стесняться нам дракона,
Рази его, он из картона!

Герольд

Клянусь жезлом моим! Смиритесь,
И пусть настанет тишина!
Моим желаньям покоритесь!
Но уж угроза не нужна:
Две пары крыльев раскрывая,
Привстали чудища — и вот,
Дорогу спешно им давая,
Отхлынул в ужасе народ.
Драконы пышут, полны гнева,
Огнём чешуйчатого зева, —
Толпа бежит, свободен ход.

Плутус сходит с колесницы

Герольд

Вот он сошёл — как царственно! Десницы
Движением драконам он своим
Дал знак. Они снимают с колесницы
Сундук с казной и скрягу вместе с ним
И Плутусу к ногам несут. Свершилось!
Не дивно ли, как это всё случилось!

Плутус
(вознице)

Иди, теперь свободен ты во всём!
Покинь свой труд, тяжёлый свыше меры,
Спеши к себе, в возвышенные сферы,
А здесь тебе не место: здесь кругом
Безумных масок бешеный содом!
Там, где ты светлый взор в даль светлую вперяешь,
Себе принадлежишь, себе себя вверяешь,
Лишь там, среди добра и вечной красоты,
В уединении свой мир воздвигнешь ты.

Мальчик-возница

Послом твоим готов себя считать я,
Ты мил мне, дорог, мы с тобой — собратья.
Где ты, там изобилье; там, где я,
Все чувствуют дар высший бытия;
Тот иль другой колеблется, конечно,
Идти ль за мной, тебе ль служить беспечно;
Те, кто с тобой, пусть в праздности живут;
Кто спутник мне, тому всегда есть труд.
Свой подвиг я творю не сокровенно:
Едвадохну — и узнан я мгновенно.
Прощай же! Волю мне на этот раз
Ты дал: шепни — и я вернусь сейчас.

(Уезжает так же, как появился)

Плутус

Теперь пора открыть богатства наши.
Жезлом герольда я коснусь замков.
Открылись! В бездне бронзовых котлов
Кипят короны, кольца, цепи, чаши,
Вкруг плещет крови золотой разлив
И всё грозит расплавить, поглотив.

Крик толпы

Смотрите, сколько там даров!
Сундук наполнен до краёв!
Златые кубки тают там!
Монет столбы сверкают там!
Червонцев вечный там чекан!
О, как я страстью обуян!

Герольд

Глупцы! Чего они хотят!
Ведь это шутка, маскарад!
Чего ж сегодня больше ждать?
Ужели золота вам дать?
Здесь всё игра, забава: тут
Вам и жетонов не дадут.
Хотите ль, чтоб обман златой
Стал правдой грубой и простой?
Что в правде вам? Всяк бреда рад,
Мечту все ловят нарасхват.
Замаскированный герой,
О Плутус, прогони ж их рой.

Плутус

Твой жезл пригоден для того,
Ты дай на время мне его:
Его я в пламя погружу.
Ну, бойтесь, маски, я грожу!

Крики и давка толпы

Беда! Спасайтесь! Мы горим!
Беги, кто может убежать!
Вы, сзади там, скорее вспять!
Лицо мне искра обожгла!
Я тяжесть чувсивую жезла!

Плутус

Теперь наш круг освобождён —
Никто, надеюсь, не сожжён.
Толпа дрожит
И прочь бежит.
Чтоб отвратить вперёд беду,
Я круг незримый проведу.

Герольд

Успех велик! Благодарю
За мощь разумную твою.

Плутус

Терпенье нужно, друг, для нас:
Грозит нам бунт ещё не раз.

Скряга

Теперь удобно, если есть желанье,
Круг обозреть подробно, по частям.
Ведь женщины всегда на первом плане,
Где есть приманка вкусу иль глазам.
Ведь не увял ещё я безвозвратно;
В красивой бабе как-никак есть прок;
И так как здесь даётся всё бесплатно,
То я ещё поволочиться б мог.
Но в давке там и тесноте немалой

Не разберут всех слов моих, пожалуй;
Я ухитриться должен, чтобы им
Всё выразить посредством пантомим.
Рука, нога, ужимки здесь бессильны,
Так я придумал новый фарс умильный:
Мну золото, как глину; из него
Захочешь, так наделаешь всего.

Герольд

Сухой глупец, что он творит?
Так тощ, чуть жив, а всё острит!
Как тесто, золота куски
В его руках размякли вдруг
И что ж? Выходят всё из рук
Лишь безобразные комки.
Их кажет женщинам нахал,
Они кричат, бегут... Скандал!

Плутус

Оставь его — не ведает глупец,
Какой напор грозит нам неминуемый
Извне! Тогда всем глупостям конец.
Закон могуч, нужда ещё могучей!

Шум и пение

Шумя, несётся дикий хор
С холмов, долин, высоких гор
И к нам спешит, неудержим;
Великий Пан идёт за ним.
Все входят в круг. Известно им,
Что неизвестно всем другим.

Плутус

Кто вы, кто Пан великий — мне известно,
Отважный шаг свершили вы совместно;
Я знаю то, что многим тайна здесь,
И в тесный круг впускаю хор ваш весь.
Счастливая судьба да правит вами!
Пусть чудесам свершиться суждено!
Куда идёте вы, того вы сами
Не знаете, предвидеть не дано.

Дикое пение

Народ придворный — мишура!
А наша рать груба, пестра;
Высок прыжок, и бег наш скор,
Суров и крепок смелых хор.

Фавны

Танцуя, резвою толпой
Бежит весёлых фавнов рой;
Венок дубовый меж кудрей
И острых кончики ушей,
Торча, глядят из-под венца.

Хоть фавн курнос, широк с лица,
Но мил для женщин без конца:
Он лапу даст — и с ним как раз
Пойдёт красивейшая в пляс.

Сатир

Бежит за пёстрою толпой
Сатир с козлиною ногой,
Поджарый, жилистый, сухой.
Как серна, он с высоких гор
На мир бросает бодрый взор;
Свободно, вольно смотрит он
На жалкий род, мужей и жён,
Что там внизу, во мгле густой,
Живут, довольные собой;
А в вышине сатир один
Вселенной светлой властелин.

Гномы

Плетёмся мы, малюток рой,
Без пар, разбросанной толпой,
Во мшистом платье, налегке,
И каждый с лампою в руке.
Как муравьи, мы здесь кишим —
Один стремится за другим.
Металлы грудой копим мы
И кличем ласково из тьмы,
Чтоб бодрость путнику вдохнуть:
Счастливым путь! Счастливым путь!
Добру служить хотим мы тем,
Друзья мы добрым людям всем;
Но служит золото стократ
На воровство и на разврат,
Железо ж нужно гордецам,
Чтоб сеять смерть то здесь, то там.

Великаны

Народом диким мы слывём
В ущельях Харца мы живём;
В природной силе, прост и наг,
Идёт гигант — отважен шаг,
В руке могучей трость-сосна,
Вкруг бёдер перевязь одна,
Передник грубый из ветвей, —
Мы папской стражи здоровей!

Хор нимф

(окружая великого Пана)

Давно ты ждан!
Весь мир земной
В тебе с тобой,
Великий Пан!

Сюда, весёлый хор подруг!

Танцуйте радостно кругом!
Серьёзен он, но добр при том
И видеть рад веселье вокруг.
Под кровлей неба голубой
Живёт он, бодрый и живой;
Когда же в полдень дремлет он,
Хранит прирда тихий сон,
На вежды нимф, в тени листов,
С толпою грёз нисходит сон
И ароматами цветов
Душистый воздух напоён.
Когда же вдруг воскликнет он,
Как рёв грозы, как моря стон,
Объемлет ужас всех тогда,
Бегут все в страхе кто куда,
И войско вмиг теряет строй,
И устрашается герой.
Кто славы стоит, славься тот!
Хвала тому, кто нас ведёт.

Депутаци гномов
(великому Пану)

В горных жилах извиваясь,
Сквозь ущелий мрак и мглу
Злато блещет, открываясь
Лишь волшебному жезлу.
Там во тьме, как троглодиты,
Мы живём, твой клад храня;
Ты же дар, во тьме добытый,
Раздаёшь при блеске дня.
Повелитель, мы открыли
Новый, чудный клад опять:
Он доставит в изобильи
Всё, что можно пожелать.
О, прими в своё владенье
Клад, отысканный в горах!
Всем на благо, без сомненья,
Всякий клад в твоих руках.

Плутус
(герольду)

Теперь должны мы духом укрепиться
И всё принять покорно, что случится.
Ты всем известен доблестью души!
Ужасное теперь пред нас предстанет,
Потомство верить этому не станет,
Так в протокол всё это запиши.

Герольд

Вот Пана карлики ведут
К колодцу, полному огня;
То пламя вверх взовьётся тут,
То вглубь уйдёт, покой храня,
Стоит над ним великий Пан,

Дивясь неожиданным чудесам,
А по обеим сторонам
Жемчужный пенится фонтан.
Кака верить этому? И он
Нагнулся низко, удивлён,
Над тем колодцем. Вдруг туда
Его упала борода!
Чей подбородок гладкий тот?
Его рукой он скрыл... И вот
Грозит ужасная беда:
Воспламенившись, борода
Летит обратно — вот зажгла
Его венец вокруг чела,
Жжёт грудь ему... Веселье вдруг
Сменил мучительный испуг.
Толпа охвачена огнём.
Тот дует, этот воду льёт —
Все гасят, тушат, но кругом
Огонь лишь больше восстаёт.
Бушует пламя; все горят:
Объят пожаром маскарад.
Но что за весть, я слышу, там
Повсюду мчится по устам?
О ужас! Ночь беды и зла,
Что ты за горе принесла!
Увы, узнают завтра то,
Чего не рад узнать никто.
Я слышу крики в толкотне:
«Сам император наш в огне!»
О, если б лгала эта весть!
Он гибнет! Двор с ним гибнет весь!
О, будьте прокляты, кому
Пришла та мысль — внушить ему,
Чтоб он, владыка наш и князь,
В смолистый хворост облачась,
Под этот дикий рёв и вой
Пришёл нас всех сгубить с собой!
Нет меры горю. Чем помочь?
Кто нас спасёт? В одну лишь ночь
Вся роскошь пышного двора
Золою станет до утра!

Плутус

Страх оставьте! Прочь тревогу!
Я иду к вам на подмогу!
Волшебный жезл, ударь, как гром,
Чтоб тряслась земля кругом!
Воздух вольный, благодатный,
Дай прохлады ароматной!
Коль грозить вам духи смеют,
Маги их смирить сумеют.

ДВОРЦОВЫЙ САД

Солнечное утро.

Император, окружённый предворными и фрэйлинами. Фауст и Мефистофель, одетые пристойно, без излишеств, преклоняют пред ним колена.

Фауст

Простишь ли, государь, пожар поддельный мой?

Император

(давая знак, чтобы они встали)

Почаще тешь меня подобною игрой.
Средь огненной я очутился сферы
И верить был готов, что я — Плутон.
Из угольев и тьмы скалистый фон
Весь тлел огнями. Без числа, без меры
Из бездны здесь и там, со всех сторон,
Огни, дрожа, взлетали и взвивались
И наверху в обширный свод сливались,
И огненный то представал очам,
То исчезал из виду дивный храм.
И видел я народов тьмы покорных,
Сквозь даль спиральных пламенных колонн
Теснившихся, чтоб окружить мой трон
И преклониться. Из моих предворных
Тот иль другой, огнями озарён,
Являлся мне, и в роскоши великой
Как будто был я саламандр владыкой.

Мефистофель

Ты точно был им! Все стихии чтут
Твой сан, тебя владыкой признают!
Ты видел, как огонь тебя боится;
Спустись же вглубь, где хлябь морская злится:
Жемчужного едва коснёшься дна —
Вмиг за волной покорная волна,
Зелёные, с пурпурными гребнями,
Смыкаясь, станут дивными стенами
Вокруг тебя. Везде, во все концы
С тобой пойдут роскошные дворцы,
Которых даже стены сами живы,
Стремительны, подвижны, суетливы.
Морские чудеса, новый кроткий свет
Увидя, в стену бросятся — но нет;
Прозрачной им не одолеть препоны!
Вот золотистой чешуёй драконы
Сверкают, вот акуле прямо в пасть
Смеёшься ты: в дворец ей не попасть!
Толпа там будет вокруг тебя такая,
Какой и при дворе не видел ты;
И чудеса подводной красоты
Ты так же встретишь там: примчится стая
Прелестных любопытных нереид,
Чтоб навестить дворец твой пышно-зыбкий
Средь вечной влаги; младшие, как рыбки,

Пугливо-похотливы, старших вид
Разумен. Весть о новом госте в море
И до самой дойдёт Фетиды вскоре;
Её пленишь ты, как второй Пелей,
И на Олимп взойдёшь ты вместе с ней...

Император

Тебе оставлю этот эмпирей!
На этот трон все всходят слишком скоро.

Мефистофель

Земля ж, монарх, уж вся твоя, без спора!

Император

Удачно здесь явился ты! Точь-в-точь
Как «тысяча одна» тебя прислала ночь!
Коль ты здесь — новая Шехерезада,
Так ждёт тебя достойная награда.
Будь под рукой, чтоб веселить меня,
Когда соскучусь я в заботах дня.

Кастелян

(быстро входя)

Не ждал, о государь, твой раб дожить до чести
Такие доложить чудеснейшие вести,
Как те, что он несёт тебе,
Счастливой радуясь судьбе:
Долги уплачены по счётам превосходно;
Всё снова от когтей ростовщиков свободно,
И муку позабыл я адскую свою.
Не веселей теперь, мне кажется, в раю!

Военачальник

(быстро продолжая)

Всё выдано войскам, последний грош уплаты,
И обязались вновь нам в верности солдаты.
Ландскнехты веселы, гуляют то и знай,
А красным девицам с трактирщиками — рай!

Император

Как вы дышать свободно стали!
Морщины прежние пропали!
Как бодро вы сюда вошли!

Казначей

(указывая на Фауста и Мефистофеля)

То их дела — ты им и повели
Всё доложить.

Фауст

Долг канцлера — доклады.

Канцлер

(медленно выступая вперёд)

На старости дождался я отрады!
Вот тот значения испосланный указ,
Что в счастье обратил все бедствия у нас.

(Читает)

«Да знает каждый, кто желает знать об этом:
Бумаги лоскуток отныне ста монетам
Равняется в цене. Для тех бумаг в заклад
В имперских областях сокровища лежат
В земле — и тотчас же по извлеченьи злата
По обязательствам последует уплата».

Император

Что слышу? Наглость! Дерзостная ложь!
Кто смел подделать подпись нашу? Что ж,
Ужель никто ещё не наказал злодея?

Казначей

Твоя здесь подпись. Вспомни лишь точнее:
Одет великим Паном, ты стоял,
А канцлер, с нами подойдя, сказал:
«Ты торжествуешь: очастливь же снова
Весь свой народ, черкнув пером два слова!»
Ты подписал; на сотнях лоскутков
Ту подпись сняли сотни мастеров;
Чтоб счастье поскорей распространить на свете,
Мы отпечатали сейчас билеты эти:
По десять, тридцать есть, затем по пятьдесят...

Император

И эти лоскутки, как деньги, захотят
Взять воинство моё и мой придворный штат?
Дивлюсь! Пусть будет так, коль это всё не ложно.

Кастелян

Да этих беглецов поймать уж невозможно!
Быстрее молнии рассеялся их рой,
И все их разменять торопятся гурьбой.
Меняльных лавочек раскрыты настежь двери,
И каждому, кто там представит свой билет,
Дают серебряных и золотых монет —
Хоть и со скидкой, но без большой потери.
Оттуда к пекарям и к мясникам спешат,
К торговцам винами, как будто бы полмира
Не хочет ни о чём и думать, кроме пира.

Мефистофель

Пусть кто-нибудь из вас один на променаде
Увидит пышную красавицу в наряде;
Павлиньим веером один прикрывши глаз,
С улыбкой на билет глядит она у вас,
И верьте, что любви добьётесь вы при этом

Скорее всяких слов красивеньким билетом.
Прости, монарх, что в речь я мелочи мешаю
И тем великое как будто унижаю.

Фауст

Несметными ты кладами богат:
Без пользы у тебя в земле они лежат.
Как помыслы о том ни широки, ни смелы,
Пред этой роскошью ничтожны их пределы.
И сам фантазии возвышенный полёт,
Как ни напрягся б он, всего не обоймёт.
Лишь духи в глубь вещей достойны, взор вперяя,
Смотреть, безмерному безмерно доверяя.

Мефистофель

Да, вместо золота билетик — сущий клад;
Удобен он для всех, всяк знает, что богат;
Не нужно ни менять, ни продавать: свободно
Любовью и вином всяк тешься как угодно.

Император

(Фаусту)

Благополучием мой край обязан Вам,
И, сколько я могу, я тем же Вам воздам.
Сокровища в своё Вы веденье примите
И их, в земле сырой лежащие, храните.
Их место тайное известно только Вам,
И, где укажете, раскопки будут там.
Два казначея, вы соединитесь
И долг свой исполнять скорей примитесь!
Сойдутся в вас миры подземный и земной —
И осчастливят всех, весь род людской.

Казначей

(Фаусту)

С тобой я буду жить в согласье, мир лелея;
Товарищем иметь мне любо чародея.

(Уходят с Фаустом)

МРАЧНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Фауст и Мефистофель

Мефистофель

Зачем меня ты в катакомбы эти
Зазвал? Иль мало случаев у нас
Там, во дворце, в придворном пёстром свете
Для плутовства, и шуток, и проказ?

Фауст

Не говори! Я знаю: это дело
Тебе давным-давно уж надоело;
Теперь же ты лишь хочешь избежать
Ответ мне дать прямой! И так без меры

Придворные, пажи и камергеры
Меня терзают, не дают дышать.
Знай: государь желает, чтоб на сцену
Мы вызвали Париса и Елену.
В их образах он видеть пожелал
И женщины и мужа идеал.
Поторопись: нельзя нарушить слова.

Мефистофель

Не нужно было обещать пустого.

Фауст

Ты сам таких не ожидал
Плодов своих же ухищрений?
Когда богатство ты им дал,
Теперь давай увеселений!

Мефистофель

Ты думаешь, что так всего сейчас
Достигнешь ты? Крутые здесь ступени,
Здесь ты коснёшься чуждых нам владений,
Преступно в новый долг впадёшь как раз!
Елену вызвать — нужно тут отваги
Поболее, чем вызвать на бумаге
Богатства призрак. Сколько хочешь вам
Я карликов, чертей, видений дам;
Но дьявола красоты — хоть, признаться,
Неплохи — в героини не годятся.

Фауст

Ну вот — опять запел на старый лад!
С тобой — всё неизвестность, всё сомненье,
Во всём ты порождаешь затрудненье,
За всё желаешь новых ты наград!
Когда ж захочешь, так без разговора:
Раз-два, глядишь — и всё готово скоро!

Мефистофель

Идолопоклонникам особый отдан ад,
Его дела не мне принадлежат,
Но средство есть.

Фауст

Скажи: я изнываю
От нетерпенья!

Мефистофель

Неохотно я
Великую ту тайну открываю.
Знай: есть богинь высокая семья,
Вне времени и места. Без смущенья
О них нельзя мне говорить. Пойми же:
То Матери!

Фауст
(вздвoгнув)

Что? Матери?

Мефистофель

Дрожишь?

Фауст

Как странно! Матери, ты говоришь...

Мефистофель

Да, Матери! Они вам незнакомы,
Их называем сами нелегко мы.
Их вечное жилище — глубина.
Нам нужно их — тут не моя вина.

Фауст

Где путь к ним?

Мефистофель

Нет его! Он не испытан,
Да и неиспытует; не открыт он
И не откроется. Готов ли ты?
Не встретишь там запоров пред тобою,
Но весь объят ты будешь пустотою.
Ты знаешь ли значенье пустоты?

Фауст

Нельзя ль без вычурного слова?
Тут кухней ведьмы пахнет снова:
Дела давно минувших дней.
Иль мало я по свету здесь кружился,
Учил пустому, пустякам учился,
Себе противореча тем сильней,
Чем речь хотел я высказать умней?
Мне глупости внушали отвращенье,
Я от людей бежал — и в заключенье,
Чтоб одиноким в мире не блуждать,
Я чёрту душу должен был продать.

Мефистофель

Послушай же: моря переплывая,
Ты видел бы хоть даль перед собой,
Ты б видел, как волна сменяется волной,
Быть может, смерть твою в себе скрывая;
Ты б видел гладь лазоревых равнин,
В струях которых плещется дельфин;
Ты б видел звёзды, неба свод широкий;
Но там в пространстве, в пропасти глубокой,
Нет ничего, там шаг не слышен твой.
Там нет опоры, почвы под тобой.

Фауст

Ты говоришь, как мистагог старинный,
Как будто я лишь неофит невинный.
Не в пустоту меня, наоборот,
Чтоб я окреп, теперь ты посылаешь,
А сам чужими загребать желаешь
Руками жар. Но всё-таки вперёд!
На всё готов я, всё я испытаю:
В твоём «ничто» я всё найти мечтаю.

Мефистофель

Перед разлукой должен я сказать,
Что чёрта ты-таки успел узнать.
Вот ключ.

Фауст

К чему мне эта вещь пустая?

Мефистофель

Возьми, взгляни: не осуждай, не зная.

Фауст

В руке растёт, блестит, сверкает он.

Мефистофель

Теперь ты видишь, чем он одарён.
Он верный путь почует; с ним надёжно
До Матерей тебе спуститься можно.

Фауст

(содрогаясь)

До Матерей! И что мне в слове том?
Зачем оно разит меня, как гром?

Мефистофель

Ужели ты настолько ограничен,
Что новых слов боишься? Лишь одно
Ты хочешь слышать, что слышал давно?
Ты мог бы быть к диковинкам привычен.

Фауст

Нет, я б застыть в покое не хотел:
Дрожь — лучший человеческий удел;
Пусть свет все чувства человека губит —
Великое он чувствует и любит,
Когда святой им трепет овладел.

Мефистофель

Спустись же вниз! Сказать я мог бы: «Взвейся!»
Не всё ль равно? Действительность забудь,
В мир образов направь отважный путь
И тем, чего давно уж нет, упейся!
Как облака, совьются вокруг они, —
Взмахни ключом, и тени отстрани.

Фауст

(с воодушевлением)

С ключом в руке, отважно, с силой новой,
Я ринусь вглубь, на подвиги готовый!

Мефистофель

Пылающий треножник в глубине
Ты наконец найдёшь на самом дне.
Там Матери! Одни из них стоят,
Другие ходят или же сидят.
Вкруг образы витают там и тут —
Бессмертной мысли бесконечный труд,
Весь сонм творений в обликах живых.
Они лишь схемы видят; ты ж для них
Незрим. Сбери же мужество в груди
В тот страшный час! К треножнику иди,
Коснись ключом!

Фауст принимает повелительное положение с ключом в руке.

Вот так! Треножник тот

К ключу прильнёт и за тобой пойдёт,
Как верный раб. Незрим, ты ускользнёшь,
Взлетишь наверх и вновь сюда придёшь.
Тогда, добыв треножник тот, дерзай:
Героя с героиней вызывай
Из мрака ночи. Первый ты свершил
Тот подвиг и награду заслужил, —
И фимиама благовонный дым
Мы магией в героев обратим.

Фауст

Ну что ж теперь?

Мефистофель

В дорогу! Топни раз —
Исчезнешь; топни вновь — и будешь ты у нас.

Фауст топает и проваливается.

С ключом бы только всё пошло на лад!
А любопытно знать, вернётся ль он назад?

ЯРКО ОСВЕЩЁННЫЕ ЗАЛЫ

Император и князя. Двор в оживлённом движении.

Камергер

(Мефистофелю)

Ну, что же духи? Скоро ль представленье?
Уж государь приходит в нетерпенье!

Кастелян

Опять о том он спрашивал сейчас.
Спешите — он рассердится на вас.

Мефистофель

Товарищ мой затем от вас и скрылся
И в кабиненте тихом затворился;
Он знает, как за дело взяться тут.
Здесь надобен совсем особый труд:
Чтоб вызвать чудо красоты, потребно
Искусство высшей магии волшебной.

Кастелян

Искусство, нет ли — это всё равно;
Лишь представленья было бы дано!

Блондинка
(*Мефистофелю*)

На пару слов, monsieur! Лицо в минуту эту
Ведь чисто у меня? Поверите ли, к лету
Сто тысяч пятнышек коричневых толпой
Мгновенно кожу всю испачкают собой.
Лекарство?

Мефистофель

Ай-ай-ай! Красавица такая —
И вся, как леопард, испятнана в дни мая!
Вам жабьих языков с икрою надо взять,
Их в полнолуние сварить и перегнать
И на ущерб Луны тем соком натираться:
Тогда веснушки к Вам с весной не возвратятся.

Брюнетка

Лишь меж влюблёнными такое обхождение
Бывает.

Мефистофель

Наступлю ведь я, а не другой:
В том есть, дитя моё, особое значенье!
Подобным лечится подобное: ногой
Врачуется нога — и так все члены тела.
Итак, позвольте же, — мне можете Вы смело
Не отвечать.

Брюнетка
(*крича*)

Ай-ай! Тяжёлый Вы какой!
Совсем как конское копыто!

Мефистофель

Больно той
Вас исцеляю я. Танцуйте и гуляйте
И ножку под столом к пожатью подставляйте.

Паж

Влюблён я, а меня считают за дитя.

Мефистофель
(в сторону)

Не знаю, уж кого здесь буду слушать я.

(Громко, пажу.)

Вы в слишком молодых влюблялись; им на смену
Возьмите пожилых: те будут знать Вам цену.

К нему теснятся другие.

Мефистофель

Ещё идут, ещё! Задавят в толкотне!
Уж не призвать ли тут на помощь правду мне?
Противно прибегать к подобной мне защите.
О Матери! Скорей вы Фауста пустите!

(Осматривается)

Но вот отхлынули. Тускнеют лампы здесь.
Я вижу: двор идёт сюда, собравшись весь.
Блестящая толпа проходит всем парадом
Вдоль пышных галерей, по длинным анфиладам.
Вот в зале рыцарской собирается она,
Едва вмещааясь в ней. Вот зала уж полна;
Повсюду в зале той ковры и украшения,
Повсюду на стенах висят вооруженья.
Да здесь и заклинать не надо никого:
Ведь духи предков в ней живут и без того.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ

Слабое освещение.

Император и придворные.

Герольд

Мой старый долг исполнить — представленье
Вам возвестить на предстоящий час —
Препятствует мне смутное волненье —
Влиянье духов; тщетно в этот раз
Чудесному, что ожидает вас,
Старался бы найти я объясненье.
Готовы кресла, стулья всем даны;
Сидит сам император у стены,
Роскошными картинами покрытой
Великих битв эпохи знаменитой;
А позади стоят ряды скамей;
Влюблённая воссела, с томным взглядом,
На милое местечко с милым рядом;
Уселись все как следует и ждут.
Готово всё: пусть духи к нам идут!

Звучат трубы.

Астролог

Начнись же, драма, как монарх велит;
Стена, раздвинься: дай на сцену вид!
Препятствий нет: здесь всё послушно чарам!
И вот ковёр, как скрученный пожаром,

Взвивается; раздвинулась стена,
И сцена нам глубокая открылась;
Волшебным светом зала озарилась —
На авансцену я всхожу.

Мефистофель
(показываясь в суфлёрской будке)

Должна
Здесь роль моя удалась, нет сомненья:
В подсказках чёрт — искусник без сравненья.

(Астрологу.)

Ты постигаешь звёзды и Луну, —
Так всё поймёшь, что я тебе шепну.

Астролог

Вот силою чудесной перед нами
Явился древний храм. Он, как Атлант —
Державший небо на плечах гигант, —
Велик, массивен; длинными рядами
Стоят колонны крепкие: на них,
Пожалуй, можно возложить хоть гору.
Большому зданью прочную опору
Могла бы пара дать колонн таких.

Архитектор

Вот в чём античность! Это мне не любо:
По мне, всё это тяжело и грубо.
Что дико, то за благородство чтут,
Великим — неуклюжее зовут!
Столбов и арок узких сочетанья
Мне более по вкусу бы пришлись:
Свод стрельчатый дух устремляет ввысь.
Такие нам всего приятней зданья!

Астролог

Почтите данный звёздами нам час!
Рассудок пусть нам душу не стесняет:
Пусть свой полёт волшебный исполняет
Фантазия, собой пленяя нас!
Пусть видит глаз, что дух желал без меры:
Всё это невозможно, и как раз
Поэтому оно достойно веры!

Фауст поднимается на сцену с другой стороны.

Смотрите: вот явился наконец
Он, муж чудесный, в жреческое платье
Одетый; на челе его венец;
Он смелое исполнит предприятие!
Треножник с ним из бездны восстаёт, —
Я фимиама чувствую куренье...
Благословить великое творенье
Уж он готов, — теперь нас счастье ждёт!

Фауст

(величественно)

Вас, беспредельных, призываю ныне,
Вас, Матери, царящие в пустыне
И всё ж не одинокие! Вкруг вас,
Без жизни, лики жизни бесконечно
Парят и реют; всё, что было раз,
Там движется, там есть и будет вечно!
Послушен вам созданий каждый шаг;
Их делите вы в дивном полномочье
Меж дня шатром и тёмным сводом ночи;
Одни живут средь жизни милых благ,
Других отважный вызывает маг;
Уверенно и щедро мир чудесный
Умеет он призвать пред взор телесный.

Астролог

Ключом блестящим тронул он слегка
Треножник — вмиг покрыли облака
Всю сцену; ходят, носятся, клубятся,
Сливаются, расходятся, двоятся:
То духов рой. Как их игра чудна!
В движенье этом музыка слышна:
Воздушных звуков смесь и переливы
Мелодией звучат, легки и живы,
Звучит триглиф, звучат колонны, свод,
И дивный храм как будто весь поёт.
Туман расплылся. Мерными шагами
Вот юноша в пленительной красе
Выходит... Я умолкну: видят все,
Что здесь Парис прекрасный перед нами!

Является Парис

Первая дама

О, блеск цветущей силы молодой!

Вторая дама

Румян, как персик, свеж, хорош собой!

Третья дама

Изящный ротик, пухленькие губы!

Четвёртая дама

Охотно как прильнула ты к нему бы!

Пятая дама

Да, он красив, но грубоват слегка.

Шестая дама

Притом его походка не ловка.

Рыцарь

Пастух как есть, не принц из высшей сферы!
Чужды ему придворные манеры!

Другой рыцарь

Да, он красив, когда он обнажён;
Я б посмотрел, каков-то в латах он!

Дама

Вот сел он с томной негою, — как мило!

Рыцарь

Как сладко б Вам в его объятьях было!

Другая дама

Изящно как подпёрся он рукой!

Камергер

Он уж лежит! Невежливый какой!

Дама

Бранить — мужчин излюбленное дело!

Камергер

При государе так развлекься — смело!

Дама

Ведь он один, по пьесе!

Камергер

И она

Здесь вежливой, приличной быть должна.

Дама

Он тихо засыпает.

Камергер

Натурально.

Храпеть начнёт: ведь это так реально!

Появляется Елена.

Мефистофель

Так вот она! Спокоен я вполне:
Хоть недурна, но вовсе не по мне.

Астролог

На этот раз — сказать я должен честно —
Мой слаб язык. О, как она прелестна!
Красавицу и пламенная речь
Не описала б! Много воспевали
Красу её, и перед ней едва ли
Способен кто спокойствие сберечь!
Блаженны те, кто ею обладали!

Фауст

Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?

Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?
Мой страшный поиск дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,
Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться! Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял, —
Был только отблеск твой непостоянный,
О красоты роскошный идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!

Мефистофель
(из суфлёрской будки)

Опомнись же, не выходи из роли!

Пожилая дама

Большого роста, дивно сложена,
Лишь голова мала несоразмерно.

Молодая дама

Зато нога: смотрите, как крупна!

Дипломат

Видал принцесс я много: беспримерно
Она прекрасна, с головы до ног!
Её ни с кем сравнить бы я не мог.

Придворный

Вот с хитростью лукавой тихо, мерно
Идёт к красавцу спящему она.

Дама

Как с ним она сравнительно дурна!

Поэт

Он озарён сиянием богини!

Дама

Эндимион с Луной — как на картине!

Поэт

Вот подошла к нему богиня, вот
Склоняется, его дыханье пьёт...
Чу! Поцелуй! Счастливцев! Как завидно!

Дуэнья

Пред всеми! Ах, как это ей не стыдно!

Фауст

Ужасный знак любви!

Мефистофель

Да замолчи!
Дай призраку свободу, не кричи!

Паж

Желал бы я на месте быть его!

Придворный

В такие сети все попасть согласны!

Дама

Чрез много рук она уже прошла,
И позолота уж с неё сошла.

Другая дама

Лет с десяти беспутной уж была!

Рыцарь

Другой себе пусть лучшую добудет:
Довольно мне остатков этих будет!

Придворный

Проснулся он; она отходит... стала...

Дама

Глядит назад: я так и ожидала!

Учёный

Я вижу всё; но точно ли она
Елена, в том есть для меня сомнение:
Ведь видимость нас вводит в заблуждение;
Чтоб убедиться, книга мне нужна.
«Она была мила всем старцам в Трое», —
Сказал Гомер. Явление такое
И здесь могу заметить я вполне:
Я сед, а всё ж она мила и мне.

Астролог

Уж он не мальчик: смелою рукою
Берёт её; противиться герою
Она не в силах; вот он наконец
Её уносит...

Фауст

Дерзостный глупец,
Назад! Не слышишь? Говорю тебе я!

Мефистофель
(из суфлёрской будки)

Твоя ж ведь это глупая затея!

Астролог

И так ход пьесы нам указывает весь,
Что похищение Елены будет здесь.

Фауст

Как похищение? Но разве, силы полный,
Я возле не стою, отважен и могуч?
Я разве не держу в руке волшебный ключ,
Который вёл меня сквозь мрак, туман и волны,
Сквозь ужасы пустынь? И вот вернулся я, —
Здесь вновь действительность и твёрдая земля,
Здесь смело с духами мой дух бороться будет
И в двух мирах себе двойную власть добудет!
Прекрасная была когда-то далека,
Недостижима мне — теперь она близка.
За дело же смелей! Мне дивный ключ поможет;
Спасу её — тогда она моя вдвойне.
Вас, Матери, зову: вы помогите мне!
Кто дивную узнал, жить без неё не может!

Астролог

Что хочешь сделать ты? Опомнись, Фауст! С силой
Хватает он её... Темнеет образ милый...
Вот, вот — он юноши касается ключом...
Беда! Пропали мы, сейчас сразит нас гром!
Громовый взрыв. Фауст падает. Духи исчезают в тумане.

Мефистофель

(унося Фауста на плечах)

Ну, вот вам и спектакль! Эх, право, предосадно!
Связаться с дураком и сатане накладно!

Мрак. Смятение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПРЕЖНИЙ КАБИНЕТ ФАУСТА

Мефистофель выходит из-за занавески. Когда он её приподнимает и оглядывается назад, там виден Фауст, распростёртый на старинной, прадедовской кровати. Фауст пробуждается от длительной летаргии, во время которой всё, что он видел во сне, проходило перед глазами зрителей, возбуждённо выступает вперёд и требует, всё ещё проникнутый созерцанием, обладания Еленой у Мефистофиля. Чтобы успокоить растущее нетерпение Фауста, Мефистофель уговаривает его посетить, по пути к намеченной цели, получившего академическую степень доктора и профессора Вагнера, которого они находят в его лаборатории, радующегося созданию им химического челочка.

Мефистофель

Лежи, несчастный! Вновь опутан ты
Любовной крепкой цепью не на шутку!
Кого Елена силой красоты
Сразила, тот надолго чужд рассудку.

(Осматривается.)

Взгляну ли вверх иль вниз, сюда ль, туда ли —
Осталось всё, как было, здесь и там;
Цветные стёкла лишь мутнее стали
Да паутины больше по углам;
В чернильнице лишь высохли чернила,
Бумага цвет свой в жёлтый изменила,
Но в общем всё имеет прежний вид:

На месте даже и перо лежит,
Которым Фауст, душу продавая,
Дал дьяволу свою расписку в том;
Вот даже крови капелька на нём
Ещё видна, что выманил тогда я!
Перо такое не даётся даром,
Оно приносит радость антикварам.
Вот старый плащ на вешалке старинной,
В котором так напыщенно и чинно
Я городил мальчишке разный вздор,
Который, может быть, долбит он до сих пор.
Опять не прочь я под твоей личиной,
Наряд надев сурово-тёплый, роль сыграть
И, как доцент надутый, смело врать
С серьёзною, непогрешимой миной:
Учёным людям это всем дано,
А чёрт ту роль уж не играл давно.

(Снимает меховой плащ со стены и встряхивает его, при этом оттуда вылетают цикады, жуки и разные букашки.)

Хор насекомых

Здорово, здорово,
Патрон дорогой!
Летим мы, жужжим мы,
Знакомы с тобой!
В тиши понемножку
Плодил ты нас, друг, —
И тысячи ныне
Танцуют вокруг!
Коварство таится
В груди у людей:
В одежде их вошек
Откроешь скорей...

Мефистофель

Тварь новая! Как я ей рад сердечно!
Да, только сей, так и пожнёшь, конечно!
Ещё встряхну хламиду — здесь и там
Вновь вылетают из неё букашки;
Летят туда, сюда, по всем углам
Попрятаться спешат мои милашки!
В коробки, что стоят давно в пыли,
В пергамент побуревший заползли,
В разбитую старинную посуду,
В глазные дыры черепа — повсюду!
Да, где хранится этот жалкий хлам,
Там как не быть сверчкам да червякам!?

(Надевает плащ.)

Ну что ж, покрой ещё разок мне плечи, —
Пусть стану я учителем опять!
Но что мне в званье без почётной встречи?
Кто есть здесь, чтоб почтенье мне воздать?

(Тянет за звонок, который издает резкий, пронзительный звон. От этого звона содрогаются стены и распахиваются двери.)

Фамулус

(идёт колеблющимися шагами по длинному тёмному коридору)

Звуки страшные несутся,
Стены, лестницы трясутся!
В пёстрых стёклах свет трепещет,
Словно молния там блещет!
Пол дрожит и гнутся доски,
Сверху целый дождь извёстки!
Двери с крепкими замками
Отворились чудом сами!
Там — о, ужас! — исполином,
В платье Фауста старинном,
Кто-то встал... глядит, кивает!
Страх колена мне сгибает...
Ждать ли? В бегство ль обратиться?
Боже, что со мной случится?

Мефистофель

(кивая ему)

Войдите! Вас зовут ведь Nicodemus?

Фамулус

Да, господин, я так зовусь! Oremus!

Мефистофель

Ну, это вздор!

Фамулус

Как рад я, что меня
Вы знаете!

Мефистофель

О да, Вас помню я!
Вы всё студент, хотя и поседелый,
Обросший мхом! Так точно век свой целый
Учёный муж корпит, своим трудом
Весь поглощён, — не может он иначе!
Так понемножку карточный свой дом
Он созидаёт; да ещё притом,
Хотя б владел великим он умом,
Он до конца не справится с задачей.
Но ваш учитель — вот кто молодец!
Почтенный доктор Вагнер, всем известный,
В учёном мире первый он мудрец,
Авторитет имеет повсеместный.
Один в себе вместил все знания он
И ежедневно мудрость умножает.
Зато его, сойдясь со всех сторон,
Рой жаждущих познания окружает.
Он с кафедры один свет яркий льёт;
Как Пётр святой, ключами он владеет.
Что в небесах, что на Земле живёт —
Всё знает он, всё объяснить умеет.

Всех мудрецов он славу посрамил,
Сияет он, блестит необычайно,
Он то открыл, что для других есть тайна,
И даже имя Фауста затмил!

Фамулус

Почтенный муж, прошу я извиненья,
Что возразить решусь на ваши мненья.
В нём, право, нет о том и помышленья:
Он скромностью всегда был одарён.
Куда исчез, где находиться может
Великий муж, ума он не приложит:
Всё только ждёт, чтоб воротился он,
И молится об этом возвращенье,
Как о едином светлом утешенье;
И комната осталась взаперти,
С тех пор как Фауст вдруг исчез неожиданно,
И ждёт владельца прежнего; сохранно
В ней всё — я сам едва посмел войти.
Но что за час чудесной перемены
Несут нам звёзды? Даже сами стены
Как будто в страхе: лопнули замки,
Дверные расшатались косяки,
А то и Вы сюда бы не попали.

Мефистофель

Но где же сам учитель ваш? Нельзя ль
Пройти к нему? Быть может, он бы мог
Прийти сюда?

Фамулус

Боюсь я: слишком строг
Его запрет; великим занят делом,
В немой тиши, по месяцам он целым
В своей рабочей комнате сидит.
Из всех учёных был он самым чистым,
А ныне смотрит сущим трубочистом.
Совсем теперь чумазым он глядит:
Глаза его распухли, покраснели
От раздуванья жаркого огня,
А нос, и лоб, и уши почернели;
Щипцами да ретортами звеня,
Он ждёт открытия день ото дня.

Мефистофель

Ужель он мне откажет, станет спорить?
Его удачу я бы мог ускорить.

Фамулус уходит. Мефистофель с важностью усаживается.

Едва успел усесться я — и вот
Уж новый гость, знакомый мне, идёт;
Но этот — молодого поколенья
И будет страшно дерзок, без сомненья.

Бакалавр
(шумно приближаясь по коридору)

Двери настежь! Наконец-то
Есть теперь надежде место,
Что людская грудь живая
Здесь не будет, изнывая,
Чахнуть, гибнуть в этой гнили,
Точно заживо в могиле!

Эти стены и строенья
Накренились, ждут паденья;
Прочь уйти, а то, пожалуй,
Быть здесь страшному обвалу.
Несмотря на всю отвагу,
Дальше я туда ни шагу!

Что-то я теперь узнаю?
Здесь как раз — припоминаю —
Первокурсником невинным
Я внимал урокам длинным,
Бородатым веря слепо,
Вздору радуясь нелепо.

Что из книг старинных брали
И что знали — всё мне ввали,
Ничему не веря сами,
Жизнь лишь портя пустяками
И себе и мне. Однако —
Кто там в дымке полумрака?

Что я вижу? В том же длинном
Меховом плаще старинном
Он сидит, всё тот же самый,
Как расстались с ним тогда мы.
Он тогда хитёр был, ловок,
Я ж не мог понять уловок;
Ну, теперь иное дело:
На него обрушусь смело!

Почтенный! Если волны мутной Леты
Не все ещё понятья и предметы
Из вашей хмурой лысой головы
Умчали, не припомните ли Вы
Ученика? Но ныне мыслью вольной
Он перерос лозу науки школьной;
Вы тот же всё, каким я видел Вас,
Но я совсем другой на этот раз.

Мефистофель

Я Вас ценил и в прежнем вашем виде.
Я рад, что Вас мой звон сюда привлёк.
В простой личинке, в нежной хризалиде
Уж будущий таится мотылёк.
Вы в кружевном воротничке ходили
И в локонах кудрявых: как дитя,
Вы в том себе забаву находили;
Косы ж, насколько в силах вспомнить я,
Вы не носили. Ныне же, без лоска,

У Вас простая шведская причёска;
Резолютивен ваш отважный вид,
Но абсолютность всё же Вам вредит.

Бакалавр

Здесь то же место, ментор мой; но знайте,
Что время ныне стало уж не тем.
Двусмысленных речей не расточайте:
Ведь мы в других условиях совсем.
Легко юнца Вам было озадачить,
Над мальчиком наивным свой язык
Потешить: труд был очень невелик;
Теперь никто не смеет нас дурачить.

Мефистофель

Когда всю правду скажем мы юнцу, —
Не угодим беспёрому птенцу;
Впоследствии ж, когда промчатся годы,
На шкуре собственной узнает он невзгоды
И мнит, что сам он до всего дошёл,
И говорит: учитель был осёл.

Бакалавр

А может быть, и плут! Вы мне скажите
И хоть один пример мне укажите:
Какой учитель только правду нам
В лицо открыто скажет, смел и прям?
Один прибавит, а другой убавит,
Тот с важностью, тот в шутках всё представит,
А дети — верь подобранным словам.

Мефистофель

Что ж, время есть всему: не так давно Вы
Ещё учились, ныне — вижу сам —
Вы и других учить уже готовы.
Прошло немного месяцев и лет —
И опытом извели Вы свет.

Бакалавр

Ах, этот опыт! Дым, туман бесплодный;
Его ведь превосходит дух свободный!
Сознайтесь: то, что знали до сих пор,
Не стоило и знать совсем?

Мефистофель

(помолчав)

Пожалуй,
Я сам давно так думаю. Отсталый
Я был глупец и верил в пошлый вздор.

Бакалавр

Вот этому я рад: в Вас ум я замечаю.
Впервые старика неглупого встречаю!

Мефистофель

Искал я клада не жалея рук,
А вырыл кучу мусора простого.

Бакалавр

И ваша плешь — сознайтесь, милый друг, —
Ничем не лучше черепа пустого?

Мефистофель
(ласково)

Ты, верно, сам, дружок, не признаёшь,
Как груб ты.

Бакалавр

Вежлива германцев только ложь!

Мефистофель

(сидя в кресле на колёсиках, всё время подвигался на авансцену и теперь обращается к партёру)

Здесь, наверху, житья нет никакого:
Ни воздуха, ни света не дают.
Авось меж вами я найду приют?

Бакалавр

Я нахожу весьма претенциозным,
Что люди, пережив известный срок,
Хотят быть чем-то, хоть ничем серьёзным
Уже не могут быть: их век истёк!
Ведь жизнь горит в крови, а в ком кипучей,
Чем в юноше, кровь свежая течёт?
Живая кровь в нём силою могучей
Жизнь новую из жизни создаёт.
Всё движется, всё в деле оживает;
Кто слаб, тот гибнет, сильный — успеваёт.
Пока полмира покорили мы,
А вы как жили, старые умы?
Вы думали, судили, размышляли,
Да грезили, да планы составляли
И сочинили только планов тьмы.
Да, старость — просто злая лихорадка,
Бессилие, болезненный озноб!
Как человеку стукнет три десятка,
Его клади сейчас хоть прямо в гроб.
Вас убивать бы, как пора приспела!

Мефистофель

На это чёрт согласен будет смело.

Бакалавр

Что чёрт? Лишь захочу — и чёрта нет!

Мефистофель
(про себя)

Тебе подставит ножку он, мой свет!

Бакалавр

Да, вот призванье юности святое!
Мир не существовал, пока он мной
Не создан был; я Солнце золотое
Призвал восстать из зыби водяной;
С тех пор как я живу, стал Месяц ясный
Вокруг Земли свершать свой бег прекрасный;
Сиянье дня мой озаряет путь,
Навстречу мне цветёт земная грудь;
На зов мой, с первой ночи Мирозданья,
Явились звёзды в блеске их сиянья!
Не я ли уничтожил мысли гнёт,
Сорвал тиски филистерства, свободный,
Я голос духа слушаю природный,
Иду, куда свет внутренний влечёт,
Иду, восторга полный! Предо мною
Свет впереди, мрак — за моей спиною!

(Уходит.)

Мефистофель

Иди себе, гордись, оригинал,
И торжествуй в своём восторге шумном!
Что, если бы он истину сознал:
Кто и о чём, нелепом или умном,
Помыслить может, что ни у кого
В мозгу не появлялось до него?
Но это всё нас в ужас не приводит:
Пройдут год, два — изменится оно;
Как ни нелепо наше сусло бродит,
В конце концов является вино.

(К молодым зрителям в партере, которые не аплодируют.)

Вы не хотите мне внимать?
Не стану, дети, спорить с вами:
Чёрт стар, и чтоб его понять,
Должны состариться вы сами.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

МЕСТНОСТЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ

Входит Елена в сопровождении хора пленных троянок с Панталис — предводительницей хора — во главе.

Елена

Хвалой одних, хулой других прославлена,
Являюсь я, Елена, прямо с берега,
Где вышли мы на сушу, и теперь ещё
Морской живою зыбью опьянённая,
Которая с равнин далёкой Фригии
Несла нас на хребтах высоких, пенистых
В родные наши бухты — Эвра силою
И милостью великой Посейдоновой.
А там, внизу, царь Менелай с храбрейшими
Из воинов своё прибытие празднует.

Прими ж меня приветливо, высокий дом!
Воздвиг тебя, на родину вернувшись,
Отец мой Гиндарей у склона славного
Холма Паллады; здесь я детство видела.
Привет вам, двери меднокованные!
Когда-то вы навстречу распахнулись
Гостям — и вот, один из многих выбранный,
В вас Менелай явился женихом моим.
Откройте их! Спешу теперь исполнить я
Приказ царя, как долг велит супружеский.
Одна войду я! Сзади пусть останется
Всё то, что вокруг меня кипело бурей
По воле рока. С той поры как вышла я
Отсель во храм Цитеры, беззаботная,
Чтоб долг священный свой свершить, и схвачена
Была фригийским дерзким похитителем,
Да, с той поры, — увы! — свершилось многое,
О чём так любят люди все рассказывать
И что услышать тягостно несчастному,
О ком молва, разросшись, стала сказкою.

Хор

Ужель презришь, царица цариц,
Свой дар почетный, благо из благ?
Славнейшим ты счастьем владеешь одна:
Из всех величайшею славой красы.
Герою предшествует имени гром,
Затем он и горд.
Но даже упрямец склоняет чело
Пред всепокоряющей силой красы.

Елена

Довольно! Царь, супруг мой, вместе плыл со мной
И к городу вперёд теперь послал меня;
Но что в душе замыслил он — не знаю я.
Супруга ль я, царица ли по-прежнему
Иль жертвою паду я гнева царского
И злой судьбы, терзавшей долго эллинов?
Добыча я, но пленница ль — не ведаю.
На корабле смотрел супруг невесело;
Он на меня лишь изредка поглядывал
И слова мне приветного не вымолвил,
Как будто мне недоброе готовил он;
Когда ж, войдя Эвроты в устья тихие,
Земли родной лады его коснулись,
Промолвил он, как будто богом движимый:
«На брег морской отсюда выйдут воины;
Устроить их на время тут останусь я,
А ты ступай по берегу священному,
По берегу Эвроты плодородного.
По низменной равнине направляй коней
В долину ту, горами окружённую,
Где прежде было поле плодоносное,
А ныне Спарта, город мой, красуется.

Прибыв туда, поди в высокий царский дом
И там сberi служанок, мной оставленных
С хозяйкою, разумной старой ключницей.
И пусть тебе покажут все сокровища,
Которые отцом моим накоплены
И мной в войне и мире увеличены.
Конечно, ты увидишь всё в дому моём
В порядке, ибо должен царь, придя назад,
Имущество найти своё нетронутым,
На том же месте, где его оставил он:
Не смеет раб менять того, что сделал царь».

Хор

О, пусть богатства сладостный вид
Твои утешит очи и грудь!
Златые запястья и блеск диадем
Покоятся гордо в надменной красе;
Но стоит, царица, тебе захотеть —
И всё налицо;
И вступит, о диво, в неслыханный спор
С алмазом и золотом твоя красота.

Елена

И дальше так сказал мне повелитель мой:
«Когда же там в порядке всё осмотришь ты,
Треножников возьми ты сколько надобно,
Сосуды все священные, которые
Нужны жрецу, когда обряд свершает он:
Котлы и чаши, также блюдо круглое;
Воды налей ты из ключа священного
В высокие кувшины; приготовь ещё
Ты дров сухих из дерева горячего
И острый нож, старательно отточенный.
О прочем же сама должна подумать ты».
Так он сказал и в путь затем послал меня.
Но что хотел он в жертву принести богам
Из всех земных созданий — не сказал он мне.
Здесь тайна есть; но больше не забочусь я:
Известно всё бессмертным лишь, которые
Свершают то, что в сердце их задумано...

Хор

Что приключится — не ведаешь ты!
Смело, царица, иди
Твёрдой стопой!
Вечно и зло и добро
Смертным приходят неожиданно!
Им предскажи — не поверят они!

Елена

О будь, что будет! Ныне же прилично мне
Немедленно войти отсюда в царский дом,
Желанный, милый, мной почти потерянный
И вновь мне данный, как — сама не знаю я.

Не так легко взойти мне на ступени те,
Где в детстве я, бывало, резво прыгала.

(Входит в дом.)

Хор

Сёстры любезные,
Бедные пленницы,
Бросим свои мы печали!
Вместе с Еленою,
Вместе с царицею
Счастливы будьте, которая
Поздно, но твёрдой стопою зато
Радостно снова является
Ныне в родную обитель.
Вновь из чужбины её
Боги вернули домой;
Наш Илион погубив,
Боги примчали Елену
В древний и вновь разукрашенный
Отческий дом,
После безмерного
Счастья и горя
Детство далёкое
Снова заставили вспомнить.

Панталис

(как предводительница хора)

Покиньте, сёстры, песни путь, столь радостный, —
К дверям высоким взор вы обратите свой!
Что вижу я, о сёстры! Возвращается
Назад царица к нам стопами быстрыми.
Что было там, царица? Что могло тебе
В дому твоём попасться не приветное,
А страшное? Я вижу — что-то было там;
Я вижу недовольство на челе твоём,
И гневное я вижу изумление.

Елена

(возбуждённая, оставив двери открытыми)

Несвойствен страх обычный Зевса дочери;
Пустой испуг не тронет сердца гордого;
Но ужас, мрачный ужас, ночью древнею
Рождённый искони, во многих образах,
Как в бездне горной пламенное облако,
Являясь нам, смущает и героя грудь.
Так и сегодня жители стигийские,
Ужасные, при входе мне явились,
И я с порога милого, желанного
Должна была бежать, как гость непрошенный.
Но нет, на свет я вышла ныне: далее
Прогнать меня нельзя вам, силы мрачные,
Кто б вы ни были! Дом же освящу я свой,
И, чистый вновь, меня с приветом примет он.

Панталис

Что было там с тобой, жена высокая,
Открой рабыням ты своим почтительным.

Елена

Что было там, вы сами видеть можете,
Коль ночь ещё в свои пучины тайные
Не поглотила вновь того чудовища.
Но чтоб вы знали, всё я вам поведаю:
Вступая в глубь родного дома радостно,
Чтоб долг свершить скорее свой супружеский,
Дивилась я безмолвию глубокому.
Ни звук шагов не слышался ушам моим,
Ни вид работы спешной не пленял очей;
Служанки не встречались мне, ни ключница,
Приветливо гостей всегда встречавшие.
Когда ж потом я к очагу приблизилась,
На груди пепла тёплого сидела там
Огромная старуха, вся закутана,
Не спящая, но в думы погружённая.
Зову её к работе повелительно,
Подумавши, что ключницу я встретила,
Которую оставил царь хозяйкою.
Закутавшись, молчит она, недвижима!
Моим угрозам наконец отвечаю,
Она рукою машет, чтоб ушла я прочь.
Я, в гневе отвернувшись, спешу от ней
По горнице, пройти в казнохранилище;
Но чудище, поднявшись стремительно,
Становится, дорогу заграждая мне,
Как госпожа, огромная и тощая,
С кроваво-мутным взором, видом странная,
Ужасная и взору и душе людской.
Но нет, никак нельзя словами бедными
Вам описать ужасное видение.
Вот, вот она на свет выходит дерзостно!
Но здесь мы господа, пока придёт наш царь.
Могучий Феб, бессмертный друг прекрасного,
Сразит создание мрака иль прогонит прочь.

Форкиада показывается в дверях.

Форкиада

Вы, наглые, пришли сюда из чуждых стран,
Надменные и журавлям подобные,
Которые несутся над головой у нас,
Охриплым криком воздух наполняя весь.
Смотрю на вас — и кажется, что рой цикад
Крикливых скачет по полю зелёному.
Добро чужое жрёте вы, снедаете
Добытое трудом благополучие:
Вы — воинов добыча, меновой товар!

Елена

В присутствии хозяйки кто слугу бранит,
Тот дерзостно права её себе берёт.
Одна хозяйка может дать достойному
Награду иль наказывать преступного.
Довольна ими я была всё время то,
Пока святая сила илионская
Боролася — и пала, и легла; потом
Со мной они делили горе странствия,
Когда все только о себе заботятся.
И здесь того же жду от доброй челяди.
Мне нужно знать не кто мой раб — как служит он.
Итак, молчи и больше их не смей бранить!
Коль ты, хозяйки должность исправлявшая,
Исправно всё хранила, то хвала тебе.
Пришла сама хозяйка — уступи же ей,
Чтоб не было взысканья вместо всех похвал.

Форкиада

Слуге грозить есть право несомненное,
Которое супругою властителя
За много лет супружества заслужено;
И если вновь сюда, на место старое
Царицы и хозяйки, ты пришла опять,
Возьми бразды правления свободные,
Владей отныне нами и богатствами;
Но защити меня, старуху, ты от них,
Которые пред лебедем красы твоей
Крикливыми гусями только кажутся.

Панталис

С красою рядом как противно мрачное!

Форкиада

С рассудком рядом глупость отвратительна.

Елена

Не с гневом, но с печалью разнимаю вас,
Неистовый раздор ваш запрещаю вам!
Ничто не вредно столько для властителя,
Как верных слуг раздор и несогласие:
Веления его не превращаются
Тотчас же в дело, тщательно свершённое;
Они вокруг лишь своевольно буйствуют,
А он бранит их тщетно, растерявшись сам.
Но сверх того, враждуя, безрассудные,
Так много страшных призраков вы вызвали,
Теснящихся вокруг, что я сама теперь
Как будто унеслась отсюда к Оркусу.
Мечта ли это иль воспоминание?
Была ли я иль буду я когда-нибудь
Женою страшной, царство погубившею?
Страшатся девы; ты одна, старейшая,
Спокойна здесь. Скажи мне слово умное.

Форкиада

Тому, кто много лет провёл во счастья,
Все милости богов виденьем кажутся;
А ты, без меры счастьем награждённая,
Одну любовь героев знала пылкую,
Готовую на все дела отважные.
Сначала жадно гнался за тобой Тезей,
Как Геркулес, могучий и прекрасный муж.

Елена

Он взял меня, газель десятилетнюю,
И я жила в Афидне граде в Аттике.

Форкиада

Кастор и брат его Поллукс спасли тебя,
И сватался героев пышный рой к тебе.

Елена

Но, помнится, Петрокла в глубине души,
Пелида верный образ, полюбила я.

Форкиада

Но волею отца за Менелаем ты,
Воителем и Родины хранителем.

Елена

Вручил ему он дочь, вручил и царство всё,
И Гермiona — плод того супружества.

Форкиада

Когда же царь наследье Крита смело брал,
Пришёл к тебе, покинутой, прекрасный гость.

Елена

Зачем ты мне напомнила печальное
Полувдовство и горе, мной снесённое?

Форкиада

Тогда пришлось мне, Крита вольной дочери,
Узнать и плен и рабства годы долгие.

Елена

И ключницей ты стала: царь вручил тебе
Сокровища, войной приобретённые...

Форкиада

Которые забыла ты, предавшись
В высокой Трое радостям любви своей.

Елена

Не говори о радостях: терзало мне
И грудь и сердце горе несказанное.

Форкиада

Но слух идёт, что есть на свете твой двойник:
Тебя и в Трое и в Египте видели.

Елена

Безумную молву не повторяй ты мне:
И так уже сама себя не помню я.

Форкиада

И говорят, что сватался Ахилл к тебе
Из царства мёртвых он, при жизни пламенно
Тебя любивший против воли злой судьбы.

Елена

Как призрак, с ним соединилась — призраком!
Всё это сон, — так вижу я из слов твоих.
Сама себе я стала ныне призраком.

(Падает без чувств на руки пленных троянок.)

Хор

Смолкни, смолкни!
Зловещая, зловредная ты!
Пастью твоей однозубою
Страшная речь извергается
Из твоих отравленных уст!
Скрытая злость под личиною лести,
Волк под одеждой овечьёю,
Мрачного Цербера ярости
Мне несравненно страшнее!
Мы стоим изумлённые:
Как, откуда явилось
Столько коварства
В этом ужасном чудовище?
Вместо речей утешенья целебных,
Вместо забвения прошлого
прошлое зло ты напомнила
Более радости прошлой.
Смолкни, смолкни!
Чтобы от нас не умчалась
Нашей царицы душа,
Чтобы осталась прочно
В этом образе чудном,
Лучшем из видевших солнечный свет!

Елена приходит в себя и снова становится посреди хора.

Форкиада

Выйди, Солнце золотое, из бегущих облаков!
В тучах было ты прекрасно — ныне блещешь красотой.
Снова мир тебе открылся, снова светит чудный взор!
Пусть зовусь я безобразной: мне понятна красота.

Елена

Из бесчувственной пустыни я, шатаюсь, выхожу;
Вновь уснула б я охотно — так устала телом я.
Но прилично нам, царицам, всем прилично смертным нам
Укрепляться, ободряться пред грозящею бедой.

Форкиада

Ныне стала перед нами ты в величье красоты;
Нам твой взор повелеваеи: что велишь ты, говори!

Елена

Время дерзостного спора мы должны вознаградить.
Быстро жертвенник поставьте, как супруг мой повелел.

Форкиада

Уж готово всё: треножник, чаши, кубки, острый нож,
И кропленья, и куренья — лишь на жертву укажи.

Елена

Царь о жертве не сказал мне.

Форкиада

Не сказал? О, горе вам!

Елена

Что за горе, мне поведай!

Форкиада

О царица, жертва — ты.

Елена

Я?

Форкиада

(указывая на хор)

И эти.

Хор

Горе, горе!

Форкиада

Ты падёшь под топором.

Елена

Страшно! Знала я... О, ужас!

Форкиада

Неизбежно это вам.

Хор

Ах! А мы? Что будет с нами?

Форкиада

Благородно пасть должна
Ваша славная царица; но под крышею дворца,
Как дроздов крикливых стая, вы повиснете вверху.

Елена и хор, охваченные изумлением и ужасом, составляют выразительные, живописные группы.

Презренные! Как призраки застывшие,
Стоите вы, дрожа за жизнь, которая
Принадлежать теперь уж перестала вам!
Ни человек, ни призраки, как вы теперь, —
Все люди только призраки, подобно вам, —
Не любят расставаться с светом солнечным;
Но никому в конце концов спасенья нет:
Известно это всем — не всем приятно лишь!
Но кончено: все вы погибли! К делу же!

(Хлопает в ладоши.)

В дверях появляются замаскированные карлики, быстро исполняющие все последующие приказания.

Катись сюда, чудовищ круглых тёмный рой!
Немало зла наделать здесь вы можете.
Пусть златорогий жертвенник восстанет здесь
С секирой на краю его серебряном;
Наполните кувшины, чтобы было чем
Омыть алтарь, залитый кровью чёрною.
Ковёр роскошный пышно расстелите вы:
Колена пусть преклонит жертва царственно,
И пусть её, хоть с головой отрубленной,
С почётом завернувши, похороним мы.

Панталис

Царица, размышляя, в стороне стоит,
И вянут девы, как цветник подкошенный.
Старейшая из них, с тобой промолвить я
Должна два слова — с самою старейшею.
Ты опытна, мудра и благосклонна к нам,
Хотя безумно резвый рой бранил тебя.
Скажи же нам: спасенья ты не знаешь ли?

Форкиада

Сказать легко: зависит от царицы лишь
Спасти себя и вас с собою вместе всех;
Но нужно тут решение поспешное.

Елена

О, пусть они страшатся! Страх нет во мне,
Лишь горе! Но когда спасенье знаешь ты, —
Благодарю: возможно часто мудрому,
Что невозможно прочим. Говори скорей!

Форкиада

Имеете ль терпение прослушать вы
Рассказ мой долгий! Много есть в нём важного.

Хор

Рассказывай: мы в это время будем жить!

Форкиада

Кто в доме мирно бережёт сокровища,
Кто стены держит в целости высокие
И крышу чинит, чтоб её не портил дождь,
Тот долго, долго будет жить в дому своём;
Но кто, святой порог ногою лёгкою
Переступив, уходит, дом оставя свой,
Тот, воротясь, найдёт хоть место старое,
Но всё не так, как было, иль разрушено.

Елена

К чему сто раз болтать давно известное!
Нельзя ль вести рассказ, не досаждая мне?

Форкиада

Пришлось к слову: нет тебе упрёка здесь.
Из бухты в бухту Менелай лады водил,
По берегам и островам он хищничал
И приезжал с добычею награбленной.
Под Троею провёл он долгих десять лет,
Назад он шёл — не знаю, сколько времени.
Но что же было в доме Тиндареевом?
Что было с самым царством Менелаевым?

Елена

Ужели брань с тобою так сроднилась,
Что чуть раскроешь рот — уж осуждаешь ты?

Форкиада

Забыты были много лет отроги гор,
Что к северу от Спарты гордо высятся
Вблизи Тайгета, где ручьём сверкающим
Спускается Эврот в долину тихую,
Где лебеди селятся в камышах его.
В ущелья те недавно молодой народ
Откуда-то явился из полнóчных стран —
И крепкий зáмок там они построили
И как хотят строною правят с гор своих.

Елена

Возможно ль это? Как они отважились?

Форкиада

Они имели время: долгих двадцать лет.

Елена

И есть начальник? Много ли разбойников?

Форкиада

Начальник есть, но это не разбойники.
Он мне грозил, но всё ж я не браню его:

Он мог бы всё похитить, но доволен был
Немногими подарками, без подати.

Елена

Каков собой он?

Форкиада

Видный. Мне он нравится.
Отважный он, с осанкой благородною,
Разумный муж, каких в Элладе мало есть.
Народ его хоть варварским зовёте вы,
Но нет меж них таких свирепых извергов,
Как многие герои, что под Троею
Жестокими явились людоедами.
Я чту его — ему себя доверила.
И замок их — когда б его вы видели! —
Совсем не так построен неуклюже он,
Как ваши предки, грубо громоздившие
На камни камни, как циклопы дикие,
Строенья воздвигали: там, напротив, всё
Отвесно, прямо, ровно, строго, правильно.
Снаружи посмотрите — к небу всходит он,
Как стрелка, прямо, гладкий, ровный, будто сталь.
Взлезть на него? И мысль о том скользит долой!
Внутри — дворы широкие, просторные,
А во дворах строения различные:
Колонны и колонки, своды, сводики,
Террасы, галереи, ходы всякие,
Гербы...

Хор

Гербы? Что это значит?

Форкиада

Помните,
Аякс носил дракона на щите своём?
И семь героев фивских на щитах своих
Носили каждый символы различные:
Там Месяц был, и звёзды в небе сумрачном,
Мечи, герои, боги, факелы
И всё, что граду мирному беду несёт.
И эти также сохранили воины
От древних предков чудные гербы свои.
Там есть орлы и львы, и лапы львиные,
Рога и крылья, розы и павлиний хвост,
Златые ленты, чёрные и красные,
И синие; и в залах это всё висит
Широких, длинных, будто и конца им нет.
В них можно танцевать.

Хор

И есть танцоры там?

Форкиада

О да! Там много златовласых юношей
Прелестнейших, точь-в-точь таких, как был Парис,
Когда царицу он пленил.

Елена

Выходишь ты
Совсем из роли. К делу же, решай скорей!

Форкиада

Решай сама и дай своё согласие:
Немедленно я в замок отведу тебя.

Хор

Скажи лишь слово — и спаси себя и нас!

Елена

Не может быть: ужели так безжалостно
Решится царь, супруг мой, погубить меня?

Форкиада

Забыла ты, как страшно изуродовал
С неслыханною злобою Дейфоба он,
Убитого Париса брата, жившего
С тобой насильно? Нос ему и уши он
Отрезал и ещё его безжалостно
Калечил: страшно было на него смотреть!

Елена

Из-за меня с несчастным это сделал он.

Форкиада

Из-за него с тобой он это сделает.
Красу делить нельзя: кто ею всей владел,
Тот рад её убить, чтоб не делить ни с кем.

Трубы вдали. Хор содрогается.

Хор

Трубы слышишь ли, царица? Блеск ты видишь ли мечей?

Форкиада

Здравствуй, царь и повелитель! Я готова дать отчёт.

Хор

Что же мы?

Форкиада

Её кончину вы увидите сейчас,
А за ней кончину вашу. Нет, ничем вам не помочь!

Пауза.

Елена

Я думала, на что теперь решиться мне.
Ты демон злой, наверно это знаю я:
Боюсь, добра во зло не обратила б ты.
Но всё-таки с тобой отправлюсь в замок я;
А что таит царица в глубине души,
Она одна лишь знает — вам неведомо
Останется. Веди, старуха, нас вперёд.

Хор

О, как охотно с ней мы идём
Лёгкой стопою!
Смерть сзади нас,
А перед нами
Твёрдая крепость
Высится грозной стеною.
О, защити же её
Так же, как наш Илион:
Только коварством
Низким он был побеждён наконец.
Тучи и туман окружают их со всех сторон.

Что это, что?

Сёстры, смотрите вокруг:
Ясный и светлый был день;
Но отовсюду собралися
Тучи с Эвроты священного;
Скрылся из виду любезный нам
Брег, весь камышами поросший;
Грозною тучей вокруг
Стало окутано всё.
Потемнели, почернели — уж не блещут эти тучи,
Обступили, точно стены; стены стали перед нами,
Перед нашими очами. Двор ли это иль могила?
Страшно, страшно! Горе, сёстры! Мы в плену теперь остались,
Да, в плену, в плену тяжёлом, так, как прежде никогда.

Хор оказывается во внутреннем дворце замка, окружённом со всех сторон фантастическими постройками в средневековом стиле.

Панталис

О женский род, безумно опрометчивый!
Зависит от мгновенья он; играет им
То счастье, то несчастье. Вы не можете
Нигде быть равнодушными: одна другой
Противореча, спорите бесплодно вы;
В беде и счастье вечно вы рыдаете
Или смеётесь. Но молчите, слушайте,
Что нам царица скажет, что решит она?

Елена

О, где ж ты, пифонисса? Как зовёшься ты,
Не знаю я; но всё же отзовися мне
И выйди из-под сводов замка мрачного!
Коль ты пошла к вождю героев славному

Просить его принять меня, пришедшую, —
Благодарю! Веди ж маня к нему скорей:
Конца я жажду, лишь покоя жажду я!

Панталис

Напрасно лишь, царица, ты глядишь вокруг!
Исчезло это чудище: осталось,
Быть может, там, в тумане, из которого
Примчались дивно мы сюда, не двигаясь,
Иль, может быть, блуждает нерешительно
В обширном лабиринте замка дивного,
Возникшего из многих, вместе слившихся,
И ищет там властителя, готовя нам
Приём его торжественный и царственный.
Но посмотри, царица: перед окнами,
И в портиках, и в ходах появились
Толпами всюду слуги суетливые.
Приём радушный это предвещает нам.

Хор

Я свободней дышу! Посмотрите туда,
Как торжественно вниз, замедля свой шаг,
Нежных юношей хор вереницей идёт,
Направляясь к нам! По веленью чьему
Так поспешно явился, построясь в ряды,
Этих юношей чудных бесчисленный рой?
Удивляюсь! Идут перед нами они,
Вьётся локон у них над челом золотой;
Кожа нежная щёк — точно персика плод:
Мягкий шёлковый пух покрывает её.
Укусила бы я этот персик — но нет:
Я боюсь, что тогда мой наполнился б рот —
Страшно вымолвить! — прахом могильным.

Всех из красавцев прекраснее
Те, что подходят к нам ныне.
К трону ступени приносят они,
Ставят роскошно разубранный трон,
Пышный ковёр перед ним расстилают.
Сёстры, смотрите: над троном богатым
Ставят красавцы цветной балдахин!
Вот балдахин, колыхаяся,
Над головою Елены
Облаком дивным роскошно повис;
Пышно царица воссела на трон;
Станем же мы на ступенях.

Славен, о славен и трижды преславен
Этот тебе, о царица, приём!

Всё, что возвещает хор, постепенно исполняется. После того как юноши и оруженосцы длинной процессией спустились вниз, наверху лестницы показывается Фауст в средневековом рыцарском придворном наряде. Медленно и с достоинством сходит он вниз.

Панталис

(внимательно смотря на него)

Коль боги не нарочно, как случилось,
Столь чудный образ дали мужу этому,
Приятный вид, лицо, любви достойное,
На время только, — каждого, сомненья нет,
Он победит повсюду: и в борьбе мужей
И в мелких войнах с жёнами прекрасными.
Конечно, выше многих без сравненья он,
Которых всё ж глубоко уважала я.
Но вот он шагом медленным почтительно
Подходит к нам. Царица, обратись к нему!

Фауст

(подходит, ведя с собою скованного человека)

Царица! Вместо пышного привета,
Какой тебе хотел я оказать,
Приём тебе почтительный готовя,
Я привожу к тебе раба в цепях.
Забыв свой долг, лишил меня тем самым
Возможности свершить мой долг. Склонись же,
Преступный раб, пред дивною женой
И повинись пред ней! Царица, он,
На редкость сильным зреньем одарённый,
На нашей башне мною был поставлен
Осматривать окрестные поляны,
Земную даль, широкий неба свод
И всё, что там явиться взору может
И что в долину с этих гор идёт
На замок наш — стада ли будут то
Иль воины. Стада мы защищаем,
Врага — встречаем грудью. В этот день —
Какое совершил он упущенье!
Явилась ты — а он не возвестил!
Не удалась торжественная встреча
Высокой гостьи. Он не должен жить —
И, без сомненья, смерти он достоин.
Уж он в крови лежал бы; но суди
Его сама: казни его иль милуй.

Елена

Высокий сан ты ныне мне даёшь
Царицы и судьи, хотя, быть может,
Меня ты лишь желаешь испытать.
Исполню первый долг судьи: спрошу я,
Что скажет обвинённый. Говори!

Дозорный Линцей

Преклоняюсь, созерцая!
Жизнь ли, смерть ли жребий мой —
Очарован навсегда я,
Небом данная, тобой!
Вечно Солнца пред зарёю
Я с востока ожидал,

Вдруг — о чудо! — пред собою
Солнце с юга увидал.
Вместо дали поднебесной,
Вместо всех полей и гор
Я на лик его чудесный
Устремил свой жадный взор.
Зренье чудное имея,
Ока рысьего быстрее,
Всё ж не верил как во сне я
Дальновидности очей.
Предо мною всё кружилось:
Башни, стены, вал крутой;
Туча мчится, туча скрылась —
И богиня предо мной!
К ней и взором и душою
Я стремился, восхищён:
Ослепительной красою
Был я, бедный, ослеплён.
Позабыв, что я на страже,
Я в свой рог не затрубил...
Осуди меня! Мне даже
Самый гнев твой будет мил.

Елена

За вред, который мною нанесён,
Я ль накажу? Зачем ты, рок суровый,
Судил мне так смущать сердца
Что не щадят себя они самих
И ничего высокого! Враждуя,
Сражаясь, водили за собой
Меня герои, демоны и боги,
И с ними я блуждала по Земле,
Смущала мир, потом смущала вдвое,
И ныне — втрое, вчетверо несую
Я бедствий ряд. Пускай идёт бедняк!
Кто ослеплён богами — невиновен.

Линцей уходит.

Фауст

Владычица, я вижу, изумлён,
Что он твоею поражён стрелою;
Я вижу, как, напрягшись, дивный лук
Пускает метко стрелы за стрелами
Мне в грудь. И вот пернатые снуют,
Свистя, под сводом замка моего.
И что я сам? Ты можешь сделать мне
Всех верных слуг — врагами, эти стены —
Неверными: всё царство перейдёт
К победоносной и непобедимой.
И что ж осталось мне, как не предать
Во власть твою себя и всё именьё?
Дозволь тебя у ног твоих признать
Владеющий отныне всеми нами —
Царицею, вступившею на трон!

Линцей

(возвращается с ларцом; слуги несут за ним другие ларцы)

Царица, я пришёл назад!
Богатый жаждет лишь твой взгляд
Увидеть; на тебя дивясь,
И нищ он и богат, как князь.
Чем был я, чем я стал? И впредь
Что делать мне? Чего хотеть?
Пусть мечет молнии мой взор —
Им дивный трон твой даст отпор.
Однако мы с востока шли
И гибель западу несли;
Была несметна наша рать —
Последним первых не видать.
Пал первый — стал второй, и вот
С копьём уж третий восстаёт;
За каждым сотня — как стена;
Утрата тысяч не видна.
Мы шли грозой; за краем край
Нам подчинялся то и знай;
Сегодня я владел страной,
А завтра грабил там иной.
Всяк брал, что быстрый взор встречал:
Один красавиц похищал,
Другой могучих гнал быков,
Коней был каждый взять готов.
Но я повсюду, где я был,
Одни лишь редкости любил,
И, чем не я один владел,
Того и знать я не хотел.
Везде сокровищ я искал
И острым взором проникал
Во все карманы, все мешки,
Насквозь все видел сундуки.
Собрал я злата целый клад,
Каменьев ценных пышный ряд;
Всех краше этот изумруд:
У сердца дай ему приют!
Вот перл-яйцо, дар моря, здесь:
К своим вискам его подвесь.
Рубин совсем сконфужен: он
Твоим румянцем посрамлён.
Так все сокровища свои
Тебе я жертвую: возьми!
Что здесь поверг я пред тобой,
Дал не один кровавый бой.
Ты видишь много здесь ларцов;
Есть и железных сундуков
Запас: дозволь — и возрастёт
Вся груда их под самый свод.

Едва восходишь ты на трон,
Со всех склоняются сторон
Богатство, сила, ум людской
Перед единственной красой.
Держал я крепко всё моё;
Теперь бросаю: всё твоё!
В чём прежде нравилась цена,
Того ничтожность мне ясна.
И вот — богатств моих уж нет:
Увяли, как опавший цвет!
О, брось на них весёлый взгляд
И цену им верни назад!

Фауст

Возьми скорее прочь всё это бремя,
Добытое отвагой боевой, —
Без порицанья, но и без награды!
И без того принадлежит царице
Всё в нашем замке: незачем ещё
Ей предлагать особое. Поди же
И дивные сокровища свои
Расположи в порядке. Пусть предстанет
В невиданном великолепии роскошь!
Пусть наши своды засверкают ярче
Безоблачного неба! Пусть без жизни
Всё райской жизнью засияет вокруг!
Пусть пред её раскинется шагами
Ковёр цветочный за ковром; повсюду
Пусть для прекрасной мягок будет путь!
Пусть взор её повсюду юлеск встречает,
Какой одних богов не ослепит!

Линцей

Твой приказ, владыка, слаб:
Всё шутя исполнит раб;
Всё добро, всю кровь мою
Я прекрасной отдаю;
Все войска усмирены
Все мечи притуплены;
Пред волшебной красотой
Солнце блеск теряет свой.
Лик божественный! Пред ним
Всё на свете прах и дым.

(Уходит)

Елена
(Фаусту)

С тобой хочу я говорить. Садись
Со мною рядом. Место есть тебе,
И этим мне ты место обеспечишь.

Фауст

Сперва позволь, царица, принести
Тебе присягу и поцеловать

Позволь меня подъемлющую руку.
Пусть в твоих владеньях безграничных
Я буду соправителем тебе,
Поклонником, защитником, слугою!

Елена

И вижу я и слышу чудеса!
Изумлена, хотела б я о многом
Спросить тебя. Скажи мне: почему
Так странно и приятно речь раба
Звучала? Звук ко звуку подходил;
За словом слово, ухо мне лаская,
Неслось, одно согласное с другим.

Фауст

Коль самый говор нашего народа
Уж мил тебе, тогда — сомненья нет —
Ты от души полюбишь наши песни.
Мы сами будем в этом упражняться:
Наш говор ты, беседа, поймёшь.

Елена

Как мне столь дивной речи научиться?

Фауст

Легко; должна лишь речь от сердца литься.
Кто счастья полн, желанием томим,
Тот ищет лишь...

Елена

Кто счастлив вместе с ним.

Фауст

Смотреть ни в даль, ни в прошлое не надо;
Лишь в настоящем...

Елена

Счастье и отрада.

Фауст

В нём наше благо, власть, залог святой;
Чем утвердить его?

Елена

Моей рукой.

Хор

Кто вменит в вину царице
Если всю её любовь
Властелин стяжает?
Ибо — сознайтесь — пленницы все мы
С той злополучной поры, как позорно
Пал Илион побеждённый наш
И по морям мы блуждали,

В страхе и горе все дни проводя.
Жён, к мужской любви привыкших,
Сердце опытно, но им
Выбор не свободен:
И молодым пастухам златовласым
Также и чёрным щетинистым фавнам,
Если лишь случай поможет им,
Равное право даётся
Телом упругим и нежным владеть.
Близко, близко на троне сидят
Оба, касаясь друг друга,
Колено к колену, плечо к плечу,
Рука с рукою, на пышных
Трона подушках
Нежатся вместе они.
Так, не стесняясь, величье царей
Тайную радость
Перед глазами народа
Смело готово раскрыть...

Елена

Так далеко — и всё ж так близко я!
Мне так легко: я здесь, я у тебя!

Фауст

Я восхищён: чуть дышит грудь моя.
Иль это сон? Не помню я себя!

Елена

Я отжила — и вновь обновлена;
Я жизнь нашла в любви, тебе верна.

Фауст

Не размышляй о том, что рок судил;
Жизнь — долг наш, знай, — хотя б лишь миг то был.

Форкиада

(быстро входя)

Вы в любовном алфавите,
Нежась, смысл найти хотите,
Праздно нежности твердите —
До того ли вам теперь?
Иль глухой грозы не чуешь,
Труб не слыша — торжествуешь?
Уж близка погибель, верь!
Менелай со всем народом
Против вас идёт походои:
Будь готов на страшный бой!
Если верх возьмёт их злоба
Из-за женщин — Дейфоба
Ты заплатишься судьбой!
А затем топор с царицей
Счёт покончит роковой!

Фауст

Опять помеха, дерзкая, несносная
Вторгается! Но даже и в опасности
Не потерплю я дикого неистовства!
Дурная весть прекрасных портит вестников,
А ты собой дурна и злую весть несёшь;
Но не удастся ныне, все слова твои
На ветер ты потратишь. Нет опасности.
Да если б и была, то не страшна для нас.

Сигналы, выстрелы с башен, звучат трубы и рожки, воинственная музыка, прохождение сильного войска.

Смотри, защитник твой построит
Перед тобой героев рать;
Лишь тот вниманья женщин стóбит,
Кто их умеет защищать.

(К военачальникам, которые отделяются от колонны и подходят к нему)

Сокрыв в груди свой гнев, заране
Неся в душе залог побед,
Идут молодые северяне,
Сыны Востока им вослед —
Одеты в сияль, грозой сверкая,
За царством царство руша в прах,
Проходят, землю потрясая,
И каждый шаг их — гром и страх.
Чрез Пилос грозною толпою
Мы вторглись, — старый Нестор пал.
И все царьков союзы с бою
Наш бурный натиск разметал.
Ваш долг — отсюда Менелая
Прогнать назад к его морям.
Пусть грабит он, по ним блуждая!
Утеху знал он только там.
Вы будьте герцоги отныне,
Владельцы данной нам страны;
Но Спарты царственной княгине
Повиноваться вы должны.
Германец крепостью и валом
Коринфа бухты пусть займёт;
Пусть держит под своим началом
Ахайи все ущелья гот.
Вы, франки, шествуйте в Элиду,
Ты, сакс, Мессеною владей;
Норманн, прославив Арголиду,
Освободи простор морей.
Живите в тихом мире сами,
Лишь внешним страшые врагам,
Но Спарта пусть царит над вами:
Старинный трон царицы там.
Она следить оттуда будет,
Чтоб, богатейший край заняв,
Вы процвели; она вас судит,
У ней защита ваших прав.

Фауст сходит с трона, князя окружают его, чтобы подробнее выслушать приказания и распоряжения.

Хор

Кто обладает красавицей,
Чтобы владеть безопасно,
Прежде всего за оружие берись!
Ласковой речью добыл он её,
Лучшее благо земное;
Но беспокойно владенье его:
Хитрый за нею ползёт стороной,
Сильный стремится похитить её.
Все покушенья умеи отразить!
Ныне тебя, повелительнаш,
Выше других я считаю:
Славно и мудро устроил ты всё!
Сильные смиренно стоят здесь вокруг,
Ждут твоего мановенья;
Все приказанья исполнят они,
Каждый на пользу себе самому,
В дар благодарный царю своему,
Славу готовя себе и ему.
Кто, властелин, у тебя
Нашу царицу отнимет?
Ею отныне владей ты один;
Власть твою рады признать мы вдвойне:
Нас окружил ты стеною высокой,
А за стеною могучая рать!

Фауст (Елене)

Дары им дивные дала ты;
Вознаградит вождей и рать,
Всем по уделу, край богатый.
Мы ж будем царством управлять.
Средь моря, крепко защищённый,
Пусть процветает с этих пор
Твой полуостров, прикреплённый
К Европе узкой цепью гор.
Нет лучше края в поднебесной:
Пусть все цветут там племена!
То — край владычицы прелестной,
Где родилась сама она,
Где в камышах она восстала
Из лебединого яйца
И мать и братьев побеждала
Красою чудного лица.
Перед тобою в пышном цвете
Земля раскинулась твоя;
О, предпочти всему на свете
Свой край родной, краса моя!
Хоть солнца хладный луч почти не греет
Высоких гор скалистую главу,

Но всё ж скала местами зеленеет
И козы щиплют скудную траву.
Вот бьют ключи, ручьи бегут сливаясь;
Зазеленели каждый склон и скат;
Дол тянется, холмами прерываясь,
И кормит сотни тонкорунных стад.
Поодиночке осторожно бродит
Рогатый скот над пропастью крутой,
Но в сотнях гротов он себе находит
Убежище, и отдых, и покой.
Их Пан хранит, ущелья населяют
Там нимфы жизни в свежести кустов,
И к горным сферам ветви устремляют,
Теснясь, деревья сотнями стволов.
То — древние леса! В стволе высоком
Дуб копит силу, крепко ввысь растёт,
А кроткий клён пропитан сладким соком,
Весь груз ветвей он весело несёт.
Там молоко, струясь в тени жилища,
И для детей и для ягнят течёт;
Есть и плоды, долин цветущих пища,
А из стволов дуплистых каплет мёд.
Блаженство здесь наследственное длится,
Уста румяны, ярок цвет ланит,
Бессмертен каждый там, где он селится,
Здоровы все, довольство вокруг царит.
В сиянье дня там жизнь привольно льётся
От детских лет до зрелости мужской;
Дивясь на них, спросить лишь остаётся:
Кто это — боги или род людской?
Красивейшим из пастухов их рода
Уподоблялся даже Аполлон;
Где в чистой сфере царствует природа
Там всех миров союз осуществлён.

(Садится рядом с Еленой.)

Так ты и я — мы счастьем богаты.
Забудем же былое бытие!
Сознай, что высшим богом рождена ты,
И первый мир — отечество твоё!
Но жить не будем в крепости мы тесной.
В соседстве Спарты нас с тобою ждёт
Аркадия; она в красе прелестной
И в вечной силе юности цветёт.
Туда, в блаженный край, мы путь направим,
Там радостно укроемся вдвоём!
Мы для беседки пышный трон оставим,
Аркадским вольным счастьем заживём!

Место действия совершенно меняется. К ряду горных пещер примыкают закрытые беседки. Тенистая роща простирается до окружающих её крутых утёсов. Фауста и Елены не видно. Хор спит, расположившись группами.

Форкиада

Как долго девы спят здесь — неизвестно мне.
Не то ли им пригрезилось, что видела
Я наяву? Но лучше разбужу я их.
Сомнения нет: дивиться будет юный хор...

(Обращаясь к зрителям.)

А с ним и вы, брадатые, что, сидя там,
Разгадки ждёте чуда вероятного.

(К хору.)

Вставайте же и кудри отряхните вы!
Довольно спать: послушайте, что я скажу!

Хор

О, скажи, скажи, поведай, что чудесного случилось?
Слушать нам всего приятней то, чему нельзя поверить,
Ибо скучно эти скалы вечно видеть пред собой.

Форкиада

Дети, чуть глаза протёрли — уж и скука вас берёт?
Но внимайте: в этом гроте и в тенистой той беседке
Счастье тихое досталось, как в идиллии любовной,
Господину с госпожою.

Хор

Как, в пещере той?

Форкиада

От мира

Отделившись, служить им лишь меня они призвали.
Я, польщённая вниманьем, как поверенной прилично,
В стороне от них держалась, занималась посторонним;
Зная все растений свойства, корни, травы, мох искала,
Оставляя их одних.

Хор

Ты рассказ ведёшь, как будто было всё там что угодно:
Горы, лес, поля, озёра! Нам ты сказку говоришь!

Форкиада

Да, неопытные дети, здесь неведомые тайны:
Залы, ходы, галереи я могла б тут отыскать.
Вот в пещере раздаётся смеха резвый отголосок;
Я смотрю — чудесный мальчик от жены к супругу скачет,
А от мужа вновь к супруге. Шаловливые проказы,
Ласки нежные и крики восхищенья и восторга

Поражают взор и слух.

Голый гений, но без крыльев, фавн, но зверю не подобный,
Он резвится над землёю; но едва земли коснётся,
Вмиг на воздух он взлетает; прыгнет раз, другой, а в третий

Уж до сводов достаёт.

Мать вызывает боязливо: «Прыгай, прыгай сколько хочешь,
Но летать остерегайся: запрещён тебе полёт!»
А отец увещевает: «Там, в земле, таится сила,

От которой ты взлетаешь. Лишь ногой земли касайся —
И окрепнешь ты безмерно, точно сын земли, Антей».
Но со скал на скалы скачет резвый мальчик неустанно,
Там и сям, как мяч упругий, ловко прыгает резвясь.
Вдруг в расщелине утёса он мгновенно исчезает —
И пропал из глаз куда-то. В горе мать; отец утешить
Хочет; я — в недоуменье. Но опять какое чудо!
Не сокровища ль там скрыты? Разодетый, весь в гирляндах,
Он является опять,
Рукава его с кистями, на груди же ленты вьются,
А в руках золотая лира. Вот, как будто Феб-младенец,
На краю скалы высокой стал он. Все мы в изумленье,
А родители в восторге вновь друг друга к сердцу жмут.
Что горит над головою у него, сказать мне трудно:
Золотой убор иль пламя, знак высокой силы духа?
Как он гордо выступает! В нём уже заметен гений,
Всё прекрасное вместивший, и мелодий вечных прелесть
По его струится телу. Но услышите его вы
И увидите — и, верно, удивитесь вы ему.

Хор

Это ли, дочь Крита, ты
Чудом считаешь?
Или не слышала ты
Вещего слова поэтов?
Иль ионийских не помнишь ты,
Всюду в Элладе известных,
Вечно прекрасных сказаний,
Песен про древних героев?
Всё, что свершается
Здесь пред очами, —
Отклик печальный один
Чудных веков наших предков.
Да, весь рассказ не сравнится твой
С мифом, что вымысел чудный
Нам о Гермесе поведал,
Правдоподобнее правды!
Он, с красотою и силою
Дивно рождённый младенец,
Хоть и обвит пеленами был,
Хоть и усердно удержан был
Нянек толпою болтливою
От неразумных стремлений,
Всё-таки с силой и прелестью
Он из пелёнок извлечь сумел
Нежно-упругие члены,
Смело покинул пурпурную
Он колыбельку — и быстро
Прямо на свет полетел сейчас
Вверх, мотыльку уподобившись,
Нежные крылья поднявшему
Резво из куколки тесной,
Весело, смело летящему
К небу, в эфир лучезарный.

Так порождённый, поэтому
Всем хитрецам и вора́м он,
Счастья скорого ищущим,
Богом всегда благосклонным был,
Что он на деле доказывал
Смелыми часто делами.
У Посейдона трезубец он
Смело унёс, у Арея же
С ловкостью меч утащил он,
Лук он и стрелы у Феба взял
И молоток у Гефеста;
Взял бы у Зевса и молнии,
Если б огня не боялся он;
Даже Эрота подножкой
Ловко в борьбе победил хитрец,
И у Киприды, ласкавшей его,
Пояс украл он волшебный.

Из пещеры раздаются чарующие, чистые, мелодичные звуки струн. Все прислушиваются к ним и кажутся глубоко тронутыми. Потом звуки струн стихают.

Форкиада

Звукам сладостным внемлите,
Старых сказок бросьте бред;
О богах речей не длите:
Их давно уже больше нет!
Вас никто не понимает;
Дань нам высшая нужна:
Та лишь речь сердца пленяет,
Что от сердца ведена.

(Отходит к скалам)

Хор

Если, страшное творенье,
Ты смягчилось теперь,
Брызнут слёзы умиления
Из очей у нас, поверь!
Солнца лик пускай затмится,
Лишь в душе сиял бы свет!
В сердце нашем всё таится —
Всё, чего и в мире нет.

Появляется Фауст, Елена и Эвфорион.

Эвфорион

Песню ль детскую слагаю —
Вам веселье в этот час;
В такт ли, прыгая, ступаю —
Сердце прыгает у вас.

Елена

Двух сближая нежной страстью,
Радость им любовь даёт,
Но к божественному счастью
Наш тройной союз ведёт.

Фауст

Ныне всё дано судьбою:
Весь я твой и весь ты мой.
Мы в союзе меж собою:
Мог ли быть исход иной?

Хор

Многих лет благословенье
Подарило вам, клянусь,
Это дивное творенье!
Как чудесен ваш союз!

Эвфорион

Пустите прыгать,
Скакать, резвиться!
Туда, на воздух,
Хочу я взвиться,
И весь желаньем
Проникнут я.

Фауст

Но тише, тише,
Без увлечения,
Чтоб не грозило
Тебе паденье.
Нас в гроб сведёшь ты,
Моё дитя!

Эвфорион

Не стану больше
Внизу стоять я,
Оставьте руки,
Оставьте платье,
Оставьте кудри:
Они — мои!

Елена

О, вспомни, чей ты,
Мой сын бесценный!
Нас пожалей ты:
Союз священный,
Едва возникший,
Не разорви!

Хор

Боюсь я, рухнет
Союз любви!

Елена и Фауст

Сдержи, о сдержи, смирив,
Хоть к нам из любви,
Чрезмерно живой порыв
И страсти свои!

Спокойно здесь, в поле,
Красуйся, молю!

Эвфорион

Смирясь, вашей воле
Пока уступлю.

*(Пробегает среди хора,
увлекая его в пляску.)*

Вот подлетел я к вам,
Бодрый народ!
Что же, не спеть ли нам?
Пляска ль у нас пойдёт?

Елена

Славно! Пускай с тобой
Пляшет красавиц рой
Мерно и в лад.

Фауст

Только б конец скорей!
Нет, я игре твоей
Вовсе не рад.

Эвфорион и хор, танцую, с пением, движутся переплетающимися рядами.

Хор

Поводишь ли парой рук
Так плавно, красиво,
Блестящие ль кудри вдруг
Колеблешь так живо,
Иль, чуть по земле скользя,
Несётся нога твоя,
Иль движешь согласные
Все члены прекрасные, —
О, знай же, что всем ты мил,
Ты цели достиг!
Ты всем нам сердца пленил
Навек в этот миг.

Эвфорион

Нашёл себе я
Газелей стаю;
К иной игре я
Вас приглашаю:
Вы будьте звери,
Охотник — я!

Хор

Беги за нами
Не так проворно:
Поверь, мы сами
Хотим, бесспорно,
Малютка милый,
Обнять тебя!

Эвфорион

Чрез рощи и боры,
Чрез камни и горы!
Но лёгкой удачи
Я знать не хочу:
В борьбе, не иначе,
Утехи ищу!

Фауст и Елена

Что за смелость, сколько рвенья!
Тут не жди успокоенья!
Точно в рог трубит вся стая,
Лес и доли оглашая!
Что за крик! Как шум растёт!

Хор

(быстро входя по одиночке)

Насмехаясь, всех, проворный,
Обогнал он без хлопот;
Лишь одною, непокорной,
Овладев, её влечёт!

Эвфорион

(внося на руках молодую девицу)

Вот малютку к наслажденью
Я влеку по принужденью;
По желанью своему
Против воли к сердцу жму;
Непокорную целую,
Волю сильного творю я.

Девица

Прочь! И в нашей плоти нежной
Сила смелая живёт!
Нашей воле — знай, мятежный, —
Как твоей, несносен гнёт!
Мнишь смирить меня по праву?
Слишком силой не гордись!
Что ж, держи и, мне в забаву,
Сам, глупец, воспламенись!
(Вспыхивает и сгорает в воздухе)
Следуй мне в эфир свободный,
В бездну пропасти холодной,
За исчезнувшим гонись!

Эвфорион

(стряхивая остатки пламени)

Чащи лесов густых,
Горы кругом меня.
Что мне до стен крутых:
Молод и пылок я!
Вихри вдали свистят,
Волны вдали шумят.

Грустно смотреть мне вдаль:
Ближе взглянуть нельзя ль?

*(Перепрыгивает со скалы на скалу и
поднимается всё выше и выше.)*

Елена, Фауст и хор

С серной хочешь ты сравниться?
Берегись, чтоб не слететь!

Эвфорион

Выше должен я стремиться,
Дальше должен я смотреть.

Знаю, где ныне я:
Море вокруг меня!
Пелопса здесь страна:
Морем шумит она.

Хор

Милый, спустися! Тут
Будешь ты с нами.
Здесь на скалах растут
Лозы с кистями,
Яблоков плод златой
Свесился ниже.
В милой земле родной,
Милый, живи же!

Эвфорион

Снится вам мирный сон?
Что же, обманчив он!
Лозунг мой в этот миг —
Битва, победный крик!

Хор

Кто презирает
Мир, лишь войной прельщён,
Знай, что теряет
Счастье надежды он.

Эвфорион

Кто здесь рождён на свет,
Взросшие в бурях бед,
Волю куют в бою,
Кровь не щадя свою.
Их не смирить ничем,
Чистых душой!
Счастье да даст им всем
Ревностный бой!

Хор

Ввысь умчался он стрелою,
Но и там не мал на вид!
Точно в латах, точно к бою,
Точно сталь на нём блестит!

Эвфорион

Что нам стены, укрепления!
Защищай себя смелей!
Всех их крепче без сравнения
Грудь железная мужей.
Чтоб ты жил непокорённый, —
Смело в поле, в лёгкий строй!
На конях помчатся жёны;
В каждом отроке — герой.

Хор

К небу лети, неси
Звуки поэзии:
Выше сияй всегда,
Точно небес звезда!
Слышим тебя мы там:
С неба слетают к нам
Звуки сюда!

Эвфорион

Нет, уже не отрок пред вами:
Выходит юноша на бой!
Уже с отважными бойцами
Соединился он душой!
Вперёд, вперёд!
Нас честь ведёт
Туда, где к славе путь прямой!

Елена и Фауст

Дня едва узрев свет милый,
К светлой жизни чуть рождён,
Ты с высот во мрак унылый,
В мир скорбей уж устремлён!
Или впрямь
Чужд ты нам?
Иль союз наш — только сон?

Эвфорион

Чу! Гром вы слышите ли в море,
В долинах отклик боевой?
В пыли, в волнах, все рати в сборе
Идут на скорбь, на грозный бой.
Смерть для нас
В этот час —
Лозунг первый и святой!

Елена, Фауст и хор

Ужас! Страшное решенье!
Смерть — желанный лозунг твой?

Эвфорион

Мне ль смотреть из отдаленья?
Нет, приму нужду и бой!

Елена, Фауст и хор
Храбрость средь бед таких —
Гибель всегда.

Эвфорион
Пусть! На крылах своих
Ринусь туда!
Рвусь в боевой пожар,
Рвусь я к борьбе!

(Бросается со скалы. Одежды на время поддерживают его. Голова его сияет; за нею тянется светящийся след.)

Хор
Горе тебе!
Горе! Икар! Икар!

Юноша падает к ногам родителей. Лицо его напоминает знакомые черты, но вскоре телесное исчезает, ореол в виде кометы возносится к небу, а на земле остаются лира и мантия.

Елена и Фауст
Радость прошла моя,
Горе пришло за ней!

Голос Эвфориона
(из-под земли)

Мать, не покинь меня
В царстве теней!

Пауза.

Хор
(скорбная песня)

Не покинем, без сомненья!
Ты и близок нам и мил:
В час разлуки, в час паденья
Все сердца ты поразил.
Плач не нужен погребальный:
Нам завиден жребий твой!
Жил ты, светлый, но печальный,
С гордой песней и душой.
Ах, рождён для счастья был ты!
Древний род твой славен был;
Рано сам себя сгубил ты,
В полном цвете юных сил.
Ясно мир прозрев очами,
Ты сочувствовать умел,
Лучших жён владел сердцами,
Песни сладостные пел.
Ты помчался несдержимо,
Вдаль невольно увлечён;
Ты презрел неукротимо
И обычай и закон.
Светлый ум к делам чудесным
Душу чистую привёл:
Ты погнался за небесным,

Но его ты не нашёл.
Кто найдёт? Вопрос печальный!
Рок ответа не даёт
В дни, когда, многострадальный,
Весь в крови, молчит народ.
Пойте ж песни вновь сначала:
Что печально нам стоять?
Песни ввек земля рождала
И родит их нам опять.

Продолжительная пауза. Музыка прекращается.

Елена
(Фаусту)

На мне теперь сбылось слово древнее,
Что не живёт с красою счастье долгое.
Любви и жизни узы разрешаются.
Оплакав их печально, я скажу: «Прости!»
И обниму тебя — увы! — в последний раз.
Прими меня, о Персефона, с отроком!

(Обнимает Фауста. Телесное исчезает, а платье и покрывало остаются у него в руках.)

Форкиада
(Фаусту)

Держи: тебе досталось платье лишь!
Не выпускай из рук, держи его!
Его б хотелось демонам отнять
И унести к себе: держи сильней!
Богини нет: её ты потерял;
Но это всё ж божественно. Возьми
Чудесный дар: взлетишь ты к небесам,
Над всем земным тебя возвысит он, —
И там, в эфире, будешь ты парить.
Вдали отсюда встречусь я с тобой.

Одежды Елены, расплывшись в облака, окружают Фауста, поднимают его ввысь и уносятся вместе с ним.

(поднимая сверху лиру и мантию Эвфориона говорит)

Себя с находкой мы поздравить можем,
Хотя святой огонь исчез, положим, —
Но надобно ль о мире горевать?
Успел довольно гений нам оставить,
Чтоб титулы поэтов даровать
И в ремесле их зависть развивать.
Талантов им не в силах я доставить,
Но платье в долг могу им раздавать.

(Садится на обломок колонны.)

Панталис

Спешите, девы! Чары нас покинули:
Закрытие снято ведьмой фессалийскою,
Исчез и шум сплетённых звуков тягостный,
Смушавший нам и слух и ум тем более.
За мной в Аид! Спешите за царицею

Немедленно — и пусть же за спиной её
Служанок верных хор повсюду следует!
У трона Недоступной мы найдем её.

Хор

Да, для цариц есть повсюду приют.
Даже в Аиде, во мраке его,
Сходятся с равными гордо они
И с Персефоною дружбу ведут.
Мы же во тьме безотрадной
Грустных лугов асфоделей,
Средь тополей длинных, тощих,
Между бесплодных тоскующих ив, —
Как мы проводим там время?
Точно летучие мыши,
Шепчем печально мы там.

Панталис

Кто имени ничем не приобрел себе,
Кто даже не стремится к благородному,-
Принадлежит стихиям тот. Исчезните ж!
А я пойду к царице: не заслугой лишь,
А также верностью мы можем славиться.

(Уходит.)

Хор

К свету дневному вернулись мы;
Мы существами не будем, —
Это мы чуем и знаем;
Но не вернёмся в Аид никогда.
Сделает духов из нас
Вечно живая природа:
В ней-то и будем отныне мы жить.

Форкиада выпрямляется, снимает маску и покрывало и является Мефистофелем, чтобы, в случае надобности, объяснить пьесу в эпилоге.

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ВЫСОКИЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ

Скалистая вершина. Туча подплывает к ней и спускается на верхнюю площадку горы. Из тучи выходит Фауст.

Фауст

У ног моих зияет бездна горная;
Всхожу я на вершину с думой светлую
И тучу покидаю, что несла меня
В дни ясные над морем и над сушею.
Не расплываясь, тихо отделяется,
Меня оставив, облако, и медленно,
Клубясь, оно к востоку вдаль уносится,
И взор за ним стремится с восхищением.
Плывёт оно, волнуясь, изменяя вид,
И в дивное виденье превращается;
Да, это так: я различаю явственно

На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины божественной.
Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?
Своим величьем взор она пленяет мой.
Увы! Она вдали уж расплывается,
Покоится бесформенной громадою,
Подобно льдистых гор верхам сияющим,
И отражает смысл великий прошлых дней!
А вокруг меня тумана струйка светлая,
Прохладою лаская, обвивается.
Взвилась она наверх... остановилась там
Прозрачной тучкой. Это ль чудный образ тот,
Великое, святое благо юности?
Души моей сокровища проснулись,
Любовь Авроры вновь восстала в памяти
И первый милый взгляд, не сразу понятый,
Всего потом дороже в мире ставший мне.
Как красота душевная, стремится вверх,
В эфир небес, чудесное видение,
Неся с собой часть лучшую души моей.

На гору ступает семимильный сапог. За ним следует другой. Мефистофель сходит с сапог, а они отправляются далее.

Мефистофель

Вот так поход — рекомендую!
Что за фантазия пришла
Тебе забраться в глушь такую,
Где на скале торчит скала?
Иль непременно место выбрать надо,
Когда-то прежде бывшее дном ада?

Фауст

Любитель глупых сказок ты: опять
Ты начинаешь ими угощать!

Мефистофель

(серьёзно)

Когда Творец, нам отомстить желая —
Я б мог сказать, за что, — низвергнул нас
С высот небес в ту бездну, где, пылая,
Сверкал огонь и ввек бы не угас, —
Ужасный жар нас мучил повсеместно;
Притом же там уж слишком было тесно.
Тогда все черти, напрягая грудь,
Чтоб из темницы выйти, стали дуть.
Наполнилась вся бездна серным газом —
И стены ада лопнули, и разом
Потрескалась земная вся кора:
Здесь очутилась пропасть, там — гора.
Переворотов было тут немало:
Вершина дном, а дно вершиной стало —
И люди так же точно всё потом
В теориях поставили вверх дном.
Так выбрались мы из темницы мрачной

Наверх, на воздух светлый и прозрачный.
Всё это было тайной для людей
И стало им открыто лишь поздней.

Фауст

Гора молчит в покое горделивом.
Каким она на свет явилась дивом,
Как знать? Природа силою святой
Произвела вращеньем Шар земной,
Утёсы, камни, горы и теснины
И создала ущелья и вершины,
И ряд холмов, который перешёл
Через мягкие изгибы в тихий дол;
И чтоб росли, цвели природы чада,
Переворотов глупых ей не надо.

Мефистофель

Ну да, ещё бы; это ясно вам!
Но я, который был при этом сам,
Скажу другое: в глубине, пылая,
Сверкал огонь и страшный грохот был;
Молоха молот, скалы разбивая,
Утёсы на утёсы громоздил.
Поньше тьма камней стопудовых
Валяется. Кем брошены они?
Молчит философ; что ни сочини —
Нет объяснений этому толковых!
Скала лежит — и пусть себе лежит,
А объяснять тут — праздный труд и стыд.
Одни простые люди смотрят зрело
На это всё — их с толку не собьёшь;
Народу здравый смысл докажет всё ж,
Что чудеса все эти — беса дело;
И вот идёт он, в вере твёрд и прост,
Смотреть на чёртов камень, чёртов мост.

Фауст

Что ж, продолжай! Приятно, без сомненья,
Знать на природу чёртовы воззренья.

Мефистофель

Что нам природа! Лестно только нам,
Что действовать пришлось в ней и чертям.
Великих мыслей в нас всегда обилье;
Безумство, неурядица, насилье —
Вот наш девиз! Но бросим этот спор.
Скажи ты мне, на чём теперь твой взор
Остановился? Ты, себе в забаву,
«Земные царства все и всю их славу»
Мог видеть. Все достигнуты мечты.
Иль новое затеял что-то ты?

Фауст

Конечно: есть великая затея.

Мефистофель

Что?

Фауст

Угадай.

Мефистофель

Сейчас скажу тебе я.
Столицу ты построишь. В ней дома
Тесниться будут, узких улиц тьма
Лепиться будет криво, грязно, густо;
В середине — рынок: репа, лук, капуста,
Мясные лавки; в них лишь загляни —
Жужжат там мухи жадными стадами
Над тухлым мясом. Словом, перед нами
Немало вони, много толкотни.
В другой же части города, бесспорно,
Дворцовстроишь, площади просторно
Раздвинешь; вне же городской черты
Предместья вширь и вдаль раскинешь ты.
И наблюдать ты станешь, как теснятся
Повсюду люди, как кареты мчатся,
Как озабоченный народ,
Спеша, по улицам снуёт;
А сам проедешь — вмиг заметит
Тебя толпа, с почётом встретит;
Ты будешь центром их...

Фауст

Ну вот,
Нашёл хорошую отраду!
Плоди людей, питай и грей,
А после, смотришь, бунтарей
Ты воспитал себе в награду!

Мефистофель

Ну, если так, то лично для себя
Построил бы роскошный замок я
В красивом месте; лес, холмы и нивы
В парк превратил бы пышный и красивый;
Деревья там зелёною стеной
Прямые бы аллеи окаймляли
И для прогулок тень бы доставляли;
Луга, как бархат, взор ласкали б мой;
Струились бы меж скал везде каскады,
Хрустальные ручьи и водопады;
Фонтан высокий бил бы мощно там,
И мелких струй ряды по сторонам
Журчали бы; затем, для оживленья,
Я б домиковстроил, поселил
Там жён прекрасных, с ними бы делил
Волшебные часы уединенья...

Фауст

Противно, хоть и модно. Ты заврался,
Сарданапал!

Мефистофель

Я, право, потерялся
В догадках, хоть и был в них очень смел.
Смотри, как близко к небу ты забрался:
Не на Луну ль лететь ты захотел?

Фауст

Довольно места для великих дел
И на Земле: зачем бежать отсюда?
Вперёд же смело! Совершу я чудо:
Вновь дух во мне отвагой закипел.

Мефистофель

А, вот что! Славы ты желаешь ныне!
Недаром был ты близок к героине.

Фауст

Власть, собственность нужна мне с этих пор!
Мне дело — всё, а слава — вздор!

Мефистофель

Ну что ж, тебя поэты не оставят,
В потомстве даже гимнами прославят,
Чтоб дурью дурь в других воспламенять!

Фауст

Не в силах, вижу я, понять
Ты человеческих стремлений.
Тебе ли, жалкий, злобный “гений”,
Людей потребности обнять?

Мефистофель

Пусть так. Скажи мне всё-таки на милость,
Что там за мысль в тебе закопошилась?

Фауст

У моря я стоял. Вода росла,
Прилив готовя, грозно пред очами;
Остановилась — и, встряхнув волнами,
На плоский берег приступом пошла.
Тогда меня досада обуяла:
Свободный дух, ценящий все права,
Противник страстный грубого начала,
Не терпит дикой силы торжества.
Я это счёл за случай; убедиться
Желая, стал смотреть: вода ушла,
Покинув то, что гордо так взяла;
В урочный час явление повторится.

Мефистофель
(к зрителям)

Что ж, ничего тут нового мне нет:
Я видел это много тысяч лет.

Фауст
(страстно продолжая)

Бесплодная, бесплодые порождая,
Встаёт пучина бурная, седая,
Растёт — и вот опять наводнена
Пустынной мели скучная страна;
Валы ревут, кипят — и снова с мели
Они уйдут, без пользы и без цели.
В отчаянье и в страх меня привёл
Слепой стихии дикий произвол.
Но сам себя дух превзойти стремится:
Здесь побороть, здесь торжества добиться!
И можно это: дикая волна
Малейший холмик огибать должна;
Ей не под силу даже возвышеньё
Малейшее: невольное углубленьё
Вливается покорная вода.
И план за планом встал в уме тогда;
Я с наслажденьем чувствую отвагу:
От берега бушующую влагу
Я оттесню, предел ей проведу,
И сам в её владенья я войду!
За шагом шаг всё выяснил себе я
В задаче этой. Вот моя затея.

За спиною зрителей раздаются отдалённые звуки барабанов и воинственной музыки.

Мефистофель
Нетрудно это. Слышишь марш?

Фауст

Опять
Война! Уму плохая в ней отрада.

Мефистофель
Мир или война — вся штука в том, что надо
Уметь отсюду пользу извлекать
При случае. Здесь случай есть: так смело
Лови его, чтоб сразу двинуть дело.

Фауст

Нельзя ль меня избавить от речей
Загадочных? В чём дело, поскорей!

Мефистофель
В пути моём сюда я видел много:
Наш император вновь в беде; тревога
Его гнетёт. Ты помнишь ведь его:
Когда с тобой его мы веселили

И вслед богатством ложным наделили,
Он возмечтал, что в мире ничего
Ему нет недоступного. Он сана
Высокого достиг чрезмерно рано
И к заключенью ложному пришёл,
Что, никаких не опасаясь зол,
Он может жить, как хочется, беспечно,
И управлять и наслаждаться вечно.

Фауст

Большое заблужденье! Находить
Во власти счастье должен повелитель.
Пусть Высшей воли будет он хранитель,
Но пусть никто не сможет проследить
Его высоких мыслей. Повеленье
Он только близким тайно отдаёт;
Через них оно свершается — и вот
Невольно мир приходит в изумленье.
Тогда всех выше чтит его народ;
Так он себе всю славу оставляет!
А наслажденье только опошляет.

Мефистофель

Наш не таков! Он тешился лишь сам —
И вот распалось царство по частям:
Большой и малый спорят меж собою,
На брата брат родной идёт войною,
На город город восстаёт везде;
Ремесленник с дворянством во вражде,
Епископы — с властями и с приходом:
Куда ни глянь — вражда между народом!
В церквах — разбой; грабёж везде, всегда,
Купцу и страннику в пути беда!
Всяк борется и отражает смело
Соперника. Так вечно шло их дело!

Фауст

Шло, падало, хромало, встав опять, —
И вот свалилось так, что уж не встать!

Мефистофель

Сперва их это мало тяготило:
Привольно жить им и свободно было;
Кто слаб был, тот слабейших грабил всё ж,
Но лучшим это стало невтерпёж.
Умнейшие восстали, рассуждая:
Спокойствие должна давать святая
Монарха власть; наш император, знать,
Его не хочет иль не может дать;
Так изберём, не мешкая напрасно,
Другого императора: создаст
Он царство вновь, чтоб жить нам безопасно,
И всем нам мир и справедливость даст.

Фауст

Попами пахнет тут.

Мефистофель

 Попы и были

Зачинщики: они народ подбили
К восстанию, чтоб выдумкой такой
Сберечь брюшка набитого покой.
И стал мятеж расти, с благословенья
“Святых отцов”; народ восстал гурьбой,
И бедный наш любитель наслажденья
Идёт, быть может, на последний бой.

Фауст

Мне жаль его: он добр и прям был.

Мефистофель

 Что же

Пойдём к нему: пока живёшь, негоже
Терять надежду, хоть грозит беда.
Освободим его мы из теснины;
Кто раз спасён — быть может, навсегда
Спасётся. Как предречь игру судьбины?
Раз победив, вассалов вновь тогда
Найдёт он и не будет знать кручины.

Они всходят на середину горы и смотрят на войско, расположенное в долине. Снизу слышен гром барабанов и звуки военной музыки.

Мефистофель

Позиция теперь досталась им
Хорошая. Пойдём и победим!

Фауст

Какую же ты помощь им предложишь?
Ты лишь обман волшебный дать им можешь.

Мефистофель

Полезна ведь и хитрость на войне!
Ты лишь держись своей великой цели:
Ведь только б мы помочь ему сумели
И утвердили трон его в стране, —
Тогда пред ним лишь преклони колена,
И даст тебе он берег в виде лена.

Фауст

Немало ты свершил чудес;
Так победи в сраженье, бес!

Мефистофель

Ты победишь: я под твоим началом;
Ты сам здесь будешь главным генералом!

Фауст

Мне вовсе не к лицу высокий сан
В таких делах, где я совсем профан!

Мефистофель

Ты предоставь лишь штабу все заботы —
И, как фельдмаршал, можешь ничего ты
Не делать. Я давно уже расчёл,
Что будет здесь война, что дело гадко;
И у меня готова уж разгадка,
Как выбраться из этих бед и зол:
Я в недрах гор союзников нашёл —
Народ могучий, древний там таится,
И благо тем, с кем он соединится.

Фауст

Кто это там с оружием идёт?
Быть может, горный то восстал народ?
Входят Трое сильных.

Мефистофель

Взгляни на них: различных лет
Мои волшебные ребята;
Различно каждый разодет;
Их сила помощью богата.

(К зрителям.)

Известно: любят в наши дни
Все дети панцири и латы;
Так вам понравятся мои
Аллегорические хваты.

Догоняй

(молодой, легко вооружённый и пёстро одетый)

Кого ни встречу я, тому
В физиономию заеду,
А труса догоню по следу
И за вихор его возьму.

Забирай

(средних лет, хорошо вооружённый и богато одетый)

Всё это вздорно и ничтожно!
Врага поймавши, забери
Сперва всё то, что взять возможно;
О прочем — после говори.

Держи-крепче

(пожилой, тяжело вооружённый, в простом платье)

Барыш и в этом невеликий!
Все эти блага с силой дикой
Умчит житейская река.
Взять — хорошо; сберечь — важнее;
Чтоб сохранилось всё вернее,
Поставьте стражем старика.

Все спускаются в долину. Трое сильных творят чудеса. Полное поражение противника. Фауст и Мефистофель признаны императором как бывшие подданные. Верные князья вновь посажены в свои вотчины. Но уже претендуют на конфискованные земли. Фауст высказывает свои притязания на бесплодное морское побережье. Все довольны, что так легко можно его удовлетворить. Ему дают то, что он просил, и он уходит, чтобы вступить во владение.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ

Странник

Вот она, в красе тенистой,
Старых, крепких лип семья!
Кончив долгий путь тернистый,
Снова здесь их вижу я!
Вот то место, кров счастливый
Той избушки предо мной,
Где я жил, когда бурливой
Был я выброшен волной.
Дорогих моих хозяев
Обниму ль? Я шёл сюда,
Видеть их почти не чаяв:
Стары были уж тогда.
Да, чета была святая!
Постучать? Заговорить?
Всё ль, Любовь ко всем питая,
Рады вы добро творить?

Бавкида

(очень старая бабушка)

Тише, тише, странник милый!
Тише: муж мой дремлет тут!
Подкрепляет старец хилый
Долгим сном короткий труд.

Странник

Ты ль, родная, видишь снова
Благодарного меня?
С мужем путника младого
Ты ль спасла, мне жизнь храня?
Ты ль, Бавкида, чьим уменьем
Полумёртвый воскрешён?

Муж старушки входит.

Ты ль, добро моё со рвеньем,
Смело спасший, Филемон?
Вот он, ваш очаг отрадный,
Нежный колокола звон;
Да, от гибели нещадной
Я лишь вами был спасён!
Дайте ж к морю удалиться,
На простор его взглянуть,
Преклониться, помолиться:
Чувства мне стеснили грудь.

(Идёт вперёд по дюне.)

Филемон
(Бавкиде)

В сад, жена, иди скорее:
Там ты стол накроешь нам.
Пусть дивится он, не смея
Верить собственным глазам.

(Следует за странником.)

Филемон
(став рядом со странником)

Там, где был ты опрокинут
Необузданной волной,
Сад и вширь и вдаль раздвинут,
Рай раскинулся земной.
Стар я стал, не мог уж, хилый,
Помогать вершить дела,
Но пока терял я силы,
Зыбь морская вдаль ушла.
Умных бар рабы лихие
Рыли рвы, воздвигли мол,
Воцарились над стихией,
Сузив моря произвол.
Горизонт лесами сужен.
Сёла там, луга пестрят...
Но пойдём, вкуси наш ужин:
Близок солнечный закат.
Парусов вдали так много:
К ночи нужен им приют.
Птицам ведома дорога
К гнёздам! Порт их примет тут.
Да, лишь там каймою синей
Моря зыбь теперь видна;
Здесь же, вокруг, по всей равнине —
Многолюдная страна.

САД
Стол для троих.

Бавкида
(страннику)

Что ж молчишь? Что не съедаешь
Ни кусочка за столом?

Филемон

Ты охотно так болтаешь:
Расскажи о чуде том.

Бавкида

Точно, чудо приключилось:
И теперь я вся дрожу.
Право, это всё случилось
Не добром, как погляжу.

Филемон

Император наш свободно
Отдал берег: где ж тут грех?
Ведь трубою всенародно
Известил герольд нас всех.
И под дюной, на равнине,
Дело вмиг пошло на лад:
Лагерь, хижины — а ныне
Там дворец и пышный сад.

Бавкида

Тщетно слуги днём трудились,
Грохотал топор и лом;
По ночам огни кружились, —
Смотришь, вал явился днём.
Люди сильные старались
Так, что ночью стон стоял,
Реки огненные мчались, —
Утром был готов канал.
Он безбожник: взять он ладит
Нашу рощицу, наш дом;
Там, где он соседом сядет,
Преклоняйся все кругом!

Филемон

Он нас только звал, не споря,
Перебраться в новый край.

Бавкида

Ну, не слишком верь дну моря:
Знай на горке поживай.

Филемон

Мы в часовне, в тихой сени,
Встретим солнечный заход,
Зазвоним, склонив колени,
Старый Бог наш — нам оплот!

ДВОРЕЦ

Роскошный сад, прорезанный большим, ровно выведенным каналом. Фауст, глубокий старик, задумчиво прогуливается по саду.

Линцей

(стоя на башне, говорит в рупор)

Садится Солнце; подплывая,
Бегут последние суда;
Вот барка в порт вошла большая
И к нам в канал идёт сюда.
На ней игриво вьются флаги
И мачты крепкие стоят.
И, полный счастья и отваги,
Тебя восславить боцман рад.

На дюне звонят в колокол.

Фауст
(вздрагивая)

Проклятый звон! Как выстрел, вечно
Он в сердце бьёт! Передо мной
Моё владенье бесконечно,
А там — досада за спиной!
Твердит мне звон дразнящий, мерный,
Что господин я не вполне,
Что кучка лип, домишко скверный,
Часовня — не подвластны мне!
Пойду ль туда — мне страшны, гадки
Чужие тени на пути, —
Бельмо в глазу, заноза в пятке!
О, если б прочь отсель уйти!

Линцей

С вечерним ветром мчится барка
На парусах, нагружена
Пестро, блистательно и ярко,
Мешков и ящиков полна!

Подходит великолепная барка, богато нагруженная изделиями чужих краёв.
Мефистофель и Трое сильных.

Хор

Вот мы вернулись,
Путь свершён;
Привет, владыка,
Наш патрон!

Трое сильных выходят и выгружают богатство на берег.

Мефистофель

Мы отличились как могли, —
Ты только труд наш похвали!
Тут было мало кораблей;
Теперь же в гавани твоей
Их двадцать. Много было нам
Хлопот: их плод ты видишь сам.
В свободном море дух всегда
Свободен; медлить, разбирать —
Не станешь: надо смело брать!
То ловишь рыбу, то суда;
Уж скоро три я их имел,
Потом четыре; там, забрав
Ещё корабль, пятью владел;
Имеешь силу, так и прав!
Лишь был бы наш карман набит.
Кто спросит, как наш груз добыт?
Разбой, торговля и война —
Не всё ль равно? Их цель одна!

Трое сильных

Привета нет
И нет наград;

Как будто дрянь
У нас — не клад!
С досадой он
На нас глядит,
И царский дар
Ему претит.

Мефистофель

Наград не ждите.
Всё равно:
Всяк часть свою
Уж взял давно.

Трое сильных

Ну, это всё
Нам прах и дым:
По равной части
Все хотим!

Мефистофель

Сперва расставьте
В залах там
Весь груз сокровищ
По рядам.
Авось тогда
Со всех сторон
Подробней всё
Осмотрит он.
Он не скупец,
Дарить горазд
И пир за пиром
Флоту даст.
Я пёстрых птиц на завтра жду
И им воздать сумею мзду.

Трое сильных уносят выгруженное.

(Фаусту.)

С суровым взором и с тоской
Ты принял жребий чудный свой!
Здесь мудрый труд ты сотворил
И берег с морем примирил;
Твоих судов отсюда рать
Готово море принимать;
Здесь твой дворец стоит, отсель
Ты обнимаешь круг земель;
Отсюда шёл весь подвиг наш,
Здесь первый выстроен шалаш,
И первый ров был вырыт тут,
Где ныне вёсла воду бьют.
Твой гордый ум, труд верных слуг
И сушу здесь и море вокруг
Стяжали; здесь...

Фауст

О, это «здесь»
Проклятое! В нём зло и есть!
Скажу тебе — на все ведь руки
Ты ловок, — страшно я бешусь!
Невыносимы эти муки,
А говорить о них стыжусь.
Мне стариков бы первым делом
Убрать: мне нужно место их;
Мне портит власть над миром целым
Одна та кучка лип чужих!
Из их ветвей для кругозора
Себе я вышку бы воздвиг,
Чтоб весь свой труд легко и скоро
Мог обозреть я, чтобы вмиг
Мог всё обнять, что так прекрасно
Дух человека сотворил,
И править всем умно и властно,
Чем я народы одарил.
О, как мучительно, как гадко
В богатстве чувство недостатка!
Мне запах лип давно не мил!
Звон этот колокола ровный
Напоминает мрак церковный,
Пугает ужасом могил!
Иль здесь, у дюны, все решенья
Всесильной воли ждёт крушенье?
Когда ж я с этим развяжусь?
Раздастся звон — и я бешусь.

Мефистофель

Ещё бы: эта мерзость, право,
Способна жизни быть отравой!
Противен звон — скажу и сам —
Благовоспитанным ушам:
Висит проклятый звук «бим-бом»,
Как туча в небе голубом,
Во всё мешаясь без причины,
И от купели до кончины
Как будто важен только звон,
А жизнь сама — ненужный сон.

Фауст

Упорством глупым и строптивым
Испорчен плод моих побед;
Измучен я, терпенья нет;
Я устаю быть справедливым!

Мефистофель

Чего ж стесняться? Ты давно
Решил создать там поселенья.

Фауст

Идите ж, чтоб без промедленья
Убрать отсюда их в именье,
Что мною им отведено.

Мефистофель

И не успеют оглянуться —
На новоселье уж очнутся;
Насилья след пройдёт, и впрок
Пойдёт им чудный уголок.

Даёт резкий свисток. Трое сильных возвращаются.

Исполним, что велит он нам, —
И завтра праздник морякам.

Трое сильных

Нас старый барин принял грубо,
Но нам повеселиться любо.

Мефистофель

(к зрителям)

Рассказ не нов: отдай скорей
Свой виноградник, Навуфей!

(см. в Ветхом завете третью книгу Царств, главу 21)

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ

Линцей

(башенный сторож, стоя на страже, поёт)

Страж зоркий, всегдашний,
На вышке стою;
Сроднившись с башней,
Весь мир я люблю.
Вся даль предо мною
Открыта всегда —
И звёзды с Луною,
И лес, и стада.
Весь мир с неизменной
Я вижу красой,
Доволен Вселенной,
Доволен собой.
Что видел с отрадой
Я в жизни своей,
Всё было усладой
Счастливых очей.

Пауза.

Нет, не только наслажденье
Вижу здесь я в вышине:
Что за страшное виденье
Там грозит из мрака мне?
Между лип там засверкали
Искры в сумраке двойном;
Вот пожар ползет всё дале,
Раздуваем ветерком;

То горит избушка, тлея
В тёмной сырости своей;
Помощь ей нужна скорее,
Но уж нет спасенья ей!
Ах, как добрым людям старым
Страшен был огонь всегда!
А теперь объят пожаром
Дом их. Страшная беда!
Вот уж красными огнями
Стены мшистые горят...
Старички бы только сами
Не погибли! Что за ад!
Языки огней, взбегая,
Листья жгут, шипя, дымя;
Ветки гнутся засыхая,
Сучья падают шумя...
Вот что вижу я, вздыхая:
О, зачем так зорок я!
Вот часовня обвалилась
С тяжким бременем ветвей,
И в вершинах заструилось
Пламя тысячами змей,
И торчат, светясь уныло
Красным пурпуром, стволы.

Пауза. Снова пение.

Что веками взор манило,
Скрыла всё завеса мглы...

Фауст

(на балконе против дюн)

Что там за плач вверху певучий?
Жалеть уж поздно!.. В вышине
Он стонет — и досадой жгучей
Вновь сердце растерзало мне.
Я поспешил... Но пусть золою
И пеплом станут липы те, —
Я скоро башню там построю,
Чтоб вдаль смотреть на высоте;
А стариков найду тогда я
На новоселье — и простят
Они обиду мне, встречая
В довольстве дней своих закат.

Мефистофель и Трое сильных (внизу).

Мефистофель

Бегом вернулись мы сюда:
Прости, произошла беда!
Стучались мы, ломились там,
Но всё не отворяли нам;
Мы навалились, налегли
И прочь гнилую дверь снесли;
Просили мы, внушали страх —
Никто не слушал просьбы той,

И, как всегда в таких делах,
Все речи были — звук пустой.
Тогда, чтоб праздный спор не длить,
Мы их решились удалить.
Не много было тут возни:
От страха умерли они,
А гость, который был там скрыт
И вздумал драться, был убит.
Борьба окончилась сейчас,
Но невзначай один из нас
Рассыпал уголья — и вдруг
Солома вспыхнула вокруг.
И запылало всё костром,
На горе жертвам нашим трём.

Фауст

К моим словам вы глухи были?
Не мена это, а разбой!
Проклятье вашей дикой силе!
Его делите меж собой.

Хор

Он песню старую поёт:
Сноси охотно силы гнёт!
Кто смел, кто твёрд — будь сам в борьбе
Защитой дому и себе.

(Уходят.)

Фауст

(на балконе)

За тучей звёздный рой сокрыт;
Огонь уж гаснет... чуть горит;
Пахнуло воздухом ночным:
Ко мне несётся лёгкий дым.
Да, слишком скор был мой приказ
И слишком скоро всё сейчас
Свершилось... Я тому виной!..
Что там за тени предо мной?

ПОЛНОЧЬ

Появляются четыре седые женщины.

Первая

Зовусь я Пороком.

Вторая

Зовусь я Грехом.

Третья

Зовусь я Заботой.

Четвёртая

Зовусь я Нуждой.

Порок, Грех и Нужда

Здесь заперты двери, нельзя нам войти:
К богатому, сёстры, нам нету пути.

Порок

Там тенью я стану.

Грех

Исчезну там я.

Нужда

Богач избалован — отвергнет меня.

Забота

Из вас, мои сёстры, никто не пройдёт,
Забота ж в замочную щель проскользнёт.

(Исчезает)

Порок

Вы, сёстры седые, идите за мной.

Грех

Везде я с тобою пойду стороной.

Нужда

Везде за тобою Нужда по пятам.

Порок, Грех и Нужда

Пронесятся тучи по тверди широкой —
Смотрите, смотрите! Далёко-далёко
Не брат ли — не Смерть ли виднеется там?

Уходят.

Фауст

(во дворце)

Пришли четыре, только три ушли!
О чём беседу здесь они вели?
«Нужда» — вдали печально раздалось,
И слово «смерть», как эхо, донеслось.
Глуха их речь, волшебна их семья...
Не вырвался ещё на волю я!
О, если бы мне магию прогнать,
Забывать все заклинанья, чар не знать,
Лицом к лицу с природой стать! Тогда
Быть Человеком стоило б труда!
И я им был, пока, во тьме бродя,
Себя и мир не проклял дерзко я!
Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,
Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, —
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.

Так суеверье царствует везде:
То — к горю, это — к счастью, то — к беде;
И вот стоишь один, страшась всего...
Дверь скрипнула... Но нет здесь никого...

(Взволнованно.)

Здесь кто-то есть?

Забота

Ответ естествен: есть.

Фауст

Но кто же ты?

Забота

Я пред тобою, здесь.

Фауст

Прочь! Удались!

Забота

Я кстати здесь — зачем?

Фауст

(сперва гневно, потом, успокоившись, про себя)

Не заклинай! Сдержись! Останься нем!

Забота

Пусть меня не слышит ухо —
Громозвон мой в недрах духа;
В разных образах встаёт
Мой суровый, властный гнёт;
На морях, на суше — всюду
Страшным спутником я буду;
Хоть не ищут никогда,
Но найдут меня всегда;
И клянут меня — и вместе
Ублажают словом лести...
Ты никогда не знал заботы?

Фауст

Я

Чрез мир промчался быстро, несдержимо,
Все наслажденья на лету ловя.
Чем недоволен был, пускал я мимо,
Что ускользало, то я не держал.
Желал достичь — и вечно достигал,
И вновь желал. И так я пробежал
Всю жизнь — сперва неукротимо, шумно;
Теперь живу обдуманно, разумно.
Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твёрдо здесь — и вокруг следи за всем:

Для дельного и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец весь век свой проведёт.
Грозитесь, духи! Он себе пойдёт,
Пойдёт вперёд, средь счастья и мученья,
Не проводя в довольстве ни мгновенья!

Забота

Раз кого я посетила,
В мире всё тому не мило;
Тьмой душа его объята:
Ни восхода, ни заката!
Пусть его все чувства мощны —
В сердце мрак царит полнощный;
Пусть богатство он имеет —
Им на деле не владеет;
В счастье, в горе он страдает,
В изобилье — голодает;
Ждёт ли радость, скорбь ли точит —
Всё охотно он отсрочит;
Всё в грядущем полагая,
Он лишь ждёт, не достигая.

Фауст

Довольно! Не поймаешь ты меня!
Напрасно вздор свой ты твердишь мне злобно.
Прочь! Причитаний этих болтовня
Умнейшего с ума свести способна.

Забота

В путь идти ль? Стремиться ль смело?
Нет решимости для дела!
Он пошёл, но по дороге
Замедляет шаг в тревоге;
Тщетно бьётся он, как в сети,
Видит всё в превратном свете,
Сам себя отягощая
И другим лишь жить мешая.
Так, ни жив, ни мёртв, тревожно,
Задыхаясь безнадёжно,
Он терзается без меры,
Без отчаянья и веры.
Беспрестанным раздраженьем,
Этой вялостью унылой,
Этим тягостным круженьем
И потребностью постылой,
Полусном, душе усталой
Отводящим отдых малый, —
Вечно к месту он прикован
И для ада уготован.

Фауст

Злосчастные виденья! Для людей
Изобрели вы тысячи терзаний,
И даже ряд простых, обычных дней
Вы превратили в лабиринт страданий.
От демонов труднее нам всего
Отделаться: крепка их цепь, конечно;
Но, грозно-низкая Забота, твоего
Могущества я не признаю вечно!

Забота

Так испытай его теперь, в тот миг,
Когда тебя с проклятьем я покину!
Всю жизнь вы, люди, слепы: ты, старик,
Ослепнув, встреть свою кончину!

(Дует на него.)

Фауст

(ослеплённый)

Вокруг меня весь мир покрылся тьмою,
Но там, внутри, тем ярче свет горит;
Спешу свершить задуманное мною:
Одно владыки слово всё творит!
Вставайте, слуги! Все трудолюбиво
Мой смелый план исполнить пусть спешат!
Машин побольше, заступов, лопат!
Что я наметил, пусть свершится живо!
Порядок строгий, неустанный труд
Себе награду славную найдут;
Великое свершится — лишь бы смело
Рук тысячью одна душа владела!

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Факелы.

Мефистофель

(в качестве зрителя, впереди)

Сюда, сюда! Смелей, дружной,
Дрожащие Лемуры,
Из жил и связок и костей
Сплетённые фигуры!

Лемуры

(хором)

Везде, всегда мы за тобой!
Велишь ты, без сомненья,
Расширить новою страной
Господские владенья?
С собой мы колья принесли,
И цепь для меры с нами.
Что делать нам? Зачем мы шли,
О том забыли сами.

Мефистофель

Несложен будет труд на этот раз!
Себя самих за меру вы примите:
Пусть ляжет тот, кто всех длинней из вас,
А остальные — дёрн вокруг снимите
И, как отцам все делают своим,
В земле квадратик выroyте под ним.
В дом тесный из дворца! Такою
Всегда кончают люди чепухою.

Лемуры

(роя, поют с ужимками)

Когда я юн и пылок был,
Мне всё казалось мило;
Где пир был, дым столбом ходил,
Туда меня манило.
Но старость злобная меня
Клюкой своейхватила —
И вдруг о гроб споткнулся я:
Откуда ты, могила?

Фауст

(выходя из дворца ощупью, у дверного косяка)

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет:
Она кладёт предел морской волне,
С самой собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создаёт.

Мефистофель

(в сторону)

Лишь нам на пользу всё пойдёт!
Напрасны здесь и мол и дюна:
Ты сам готовишь для Нептуна,
Морского чёрта, славный пир!
Как ни трудись, плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии;
Уничтоженья ждёт весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель

Здесь.

Фауст

Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай;
Приманкой действуй, платой и наградой
И поощрай и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем,
Насколько ров подвинут исполненьем.

Мефистофель
(вполголоса)

А мне доносят, что не ров,
А гроб скорей тебе готов.

Фауст

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь, в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветёт среди моих полян,
А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят миготом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведёт,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

Тогда сказал бы я: мгновенье!

Прекрасно ты, продлись, постой!

И не смело б веков теченье

Следа, оставленного мной!

В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Фауст падает. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

Мефистофель

Нигде, ни в чём он счастьем не владел,
Влюблялся лишь в своё воображенье;
Последнее он удержать хотел,
Бедняк, пустое, жалкое мгновенье!
Но время — царь; пришёл последний миг.
Боровшийся так долго, пал старик.
Часы стоят!

Хор

Стоят! Остановились!

Упала стрелка их. Как мрак ночной,
Они молчат.

Мефистофель

Всё кончено. Свершилось!

Хор

Прошло!

Мефистофель

Прошло? Вот глупый звук, пустой!
Зачем прошло? Что, собственно, случилось?
Прошло и не было — равны между собой!
Что предстоит всему творенью?
Всё, всё идёт к уничтоженью!
Прошло... что это значит? Всё равно,
Как если б вовсе не было оно —
Вертелось лишь в глазах, как будто было!
Нет, вечное Ничто одно мне мило!

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Один из лемуров

Кто строил тесный дом такой
Могильною лопатой?

Лемуры
(хором)

Доволен будь, жилец немой,
Квартирой небогатой!

Один из лемуров

И пуст и мрачен зал стоит.
Где мебель вся пропала?

Лемуры
(хором)

Он брал при жизни всё в кредит:
Кредиторов немало!

Мефистофель

Простёрто тело, дух бежать готов;
Я покажу кровавую расписку...
Но много средств есть ныне и ходов
У чёрта, душу чтоб отнять без риску!
Путь старый труден; много там тревог;
На новом — знать нас не хотят... Досада!
Что прежде я один исполнить мог,
На то теперь помощников мне надо.
Да, плохо нам! Во всём мы стеснены:
Обычай древний, право старины —
Всё рушилось, утрачена опора!
С последним вздохом прежде вылетал
На волю дух; я — цап-царап, хватал
Его, как мышь, и не было тут спора.
Теперь он ждёт, не покидает он
Противное жилище, труп постылый,
Пока стихий враждующие силы
Его с позором не погонят вон.
И день и ночь гнетёт меня тревога:

Где, как, когда? Вопросов гадких много;
И точно ли? Сомнение есть и в том!
Смерть старая уж не разит, как гром.
Глядишь на труп, но вид обманчив: снова
Недвижное задвигаться готово.

(Делает фантастические заклинательные жесты, означающие команды.)

Удвойте шаг! Спешите, господа!
Рогов прямых, рогов кривых немало
У нас! Вы, черти старого закала,
Пасть адову несите мне сюда!
У ада пастей, правда, много-много,
И жрут они по рангам, по чинам;
Но в будущем всё это слишком строго
Распределять не нужно будет нам.

Слева раскрывается страшная адская пасть.

Клыки торчат; со свода истекает,
Яресь бурливо, пламени поток;
А сзади город огненный сверкает
В пожаре вечном, страшен и высок.
Огонь со дна бьёт до зубов; у края,
Подплыв, стремятся грешники уйти,
Но вновь их зев глотает, посылая
На страх и муки жаркого пути.
В углах так много страшного таится;
Каких страстей и ужасов там нет!
Пугайте грешных: всё-таки им мнится,
Что эти страхи — только ложь и бред.

(К толстым бесам с короткими прямыми рогами.)

Вы, плуты, краснощёкие пузаны,
Взращённые на сере и огне,
С недвижной шеей толстые чурбаны,
Смотрите вниз: как фосфор, в глубине
Не светится ль душа? Добудьте мне
Её одну, крылатую Психею!
Всё остальное — только червь дрянной!
Своей печатью я её запечатлею
И в вихре огненном помчу её с собой!
Вам, толстяки, теперь одна забота:
От низших сфер не отводите глаз,
Как знать, быть может, ей придёт охота
Себе приюта там искать как раз!
В пупке ей любо жить: так наблюдайте
И чрез него ей выскользнуть не дайте.

(К худощавым бесам с длинными кривыми рогами.)

А вы, гиганты, рослые шуты,
Тамбурмажоры, в воздух, вверх смотрите!
Расправьте руки, когти наострите,
Не дайте ей вспорхнуть до высоты.
Ей в старом доме жутко; нет сомнений,
Что к небесам взлететь желает гений.

Сверху сияние.

Небесное воинство

Вестники рая,
Неба сыны,
Тихо слетая
С горной страны,
Прах оживляя,
Грех искупляя,
Радость дарим
Всем мы твореньям
Светлым пареньем,
Следом своим.

Мефистофель

Противных звуков сверху бормотанье
И ненавистный свет нисходит к нам;
Мальчишек и девчонок причитанье
По вкусу лишь святошам и ханжам!
Вы знаете, как гибель замыслили
Людскому роду мы в проклятый час:
Всё злейшее, что мы осуществляли,
Ханжи, нашло сочувствие у вас!
Предательски подкрались, простофили!
Так обирали нас они не раз:
Оружьем нашим нас же проводили
Такие ж черти под покровом ряс!
Здесь проиграть — навеки стыд: у гроба
Держитесь крепко и смотрите в оба.

Хор ангелов (*рассытая розы*)

Розы блестящие,
Амбру струящие,
В небе парящие,
Животворящие,
Ветки крылатые
Почки разжатые —
Всё расцветай!
Вкруг изумрудной
Зеленью чудной,
Пурпуром красным,
Вешним днём ясным
В блеске достойном
Встань над покойным,
Радостный рай!

Мефистофель (*к бесам*)

Что жмётся? Разве так в аду у нас
Ведут себя? Пусть сыплют розы кучей:
На место все, и слушать мой приказ!
Цветочками, как будто снежной тучей,
Хотят они засыпать ад кипучий;
Дохните лишь — засохнет всё сейчас.
Ну, дуйте ж, поддувалы! Будет, будет!

Один ваш чад поблѣкнуть всё принудит.
Не так свирепо! Полно, будет с вас!
Довольно! Эх, как пасти растянули!
Вы чересчур усердно уждохнули.
Ни в чём нет меры у моих ребят!
Цветы не только сохнут — уж горят,
Летят и жгут нас силой ядовитой!
Сплотитесь, станьте крепкою защитой!
Слабеют черти! Весь их гнев остыл!
Проник в их сердце чуждый, нежный пыл!

Ангелы
(хор)

Цветы вы небесные,
Огни благовестные,
Любовь всюду шлёте вы,
Блаженство даёте вы,
Как сердце велит!
Слова правды чистой
В лазури лучистой
Из уст вечной рати
И свет благодати
Повсюду разлит!

Мефистофель

Проклятье! Стыд! Болваны и каналы!
Мои все бесы вверх ногами стали,
Летят мои уроды кувырком
И в ад кромешный шлёпаются задом.
Купайтесь же в огне вы поделом, —
Я здесь стою, расставшись с этим стадом.

(Отбиваясь от летающих роз)

Прочь, отвяжись, блудящий огонёк!
Схвачу тебя, ты грязи лишь комок!
Что въёшься вокруг? Ух, шею мне без меры
Жжёт что-то, будто жар огня и серы!

Ангелы
(хор)

Чужого, несродного
Чуждайтесь неложно:
Для вас неугодного
Вам снесть невозможно;
Стремленья же властного
Мы — верный оплот;
К Любви лишь причастного
Любовь вознесёт!

Мефистофель

Пылает сердце, печень и башка!
Вот свержчертовский элемент! Досада!
Язвит гораздо злей, чем пламень ада!
Недаром ваша скорбь так велика,

Несчастливые влюблённые! Вы шею
Себе готовы из-за пустяка
Свернуть, следя за милою своею!
Не то же ли со мной? Зачем туда
Невольно я смотрю? Ведь между нами
Заклятая, старинная вражда!
Всегда на них враждебными глазами
Смотрел я... Или я попал во власть
Чужому чувству! Милые ребята,
Я рад вас видеть, негой грудь объята!
Зачем же вас не в силах я проклясть?
Коль я себя до глупости унижу,
Кого же звать безумцем с этих пор?
Ведь я мальчишек этих ненавижу!
Зачем же вид их мне ласкает взор?
Скажите, дети милые: вы родом
От Люцифера ль? Как вы хороши!
Мне кажется, что вашим я приходом
Доволен; вы мне близки, будто вас
С любовью я встречал тысячекратно.
Как похотливой кошке, мне приятно
Вас видеть всё красивей каждый раз.
О, бросьте взгляд мне, подойдите ближе.

Ангелы

Вот мы пришли! Постой, не отходи же
И, если можешь, не беги от нас!

Ангелы, облетая круг, занимают всё пространство

Мефистофель

Вы нас как падших ангелов браните,
А между тем сознаться б вы должны,
Что сами вы прямые колдуны:
Вы и мужчин и женщин соблазните!
Что за проклятый случай! Вот ещё
История! Уж не любовь ли это?
Огнём каким-то тело всё согрето,
Я чувствую едва, как горячо
В затылке жжёт... Прелестные творенья!
Спуститесь же. Что реете вдали?
Не худо бы, чтоб в милые движенья
Вы хоть немножко светского внесли.
Хотя серьёзность вам к лицу, конечно,
Улыбку вашу я бы видеть рад:
Я стал бы ею восхищаться вечно!
Взгляните, как влюблённые глядят:
Рта уголок подёрнется немного —
И дело в шляпе. Ты мне всех милей,
Высокий мальчик. Будь повеселей!
К лицу ль тебе глядеть поповски строго?
Нельзя ли похотливее взглянуть?
И оголиться надо б вам чуть-чуть —
Конечно, в меру, — чем в чрезмерно чинной

Вам щеголять в рубашке этой длинной!
Вот отвернулись... Сзади каковы?
Каналы, слишком аппетитны вы!

Ангелы
(хор)

Пламя Любви святой,
К свету направь свой путь!
Истины луч златой,
Падшим целебен будь,
Чтобы от духа зла
Власть твоя их спасла, —
В светлый блаженства рай
Всех соедини!

Мефистофель
(приходя в себя)

Но что со мной? Как Иов, изъязвлённый,
Весь в волдырях, я страшен сам себе
И всё же торжествую, тем польщённый,
Что вижу я внутри себя: в борьбе
Я на себя и на мой род достойный
Надеяться могу с душой спокойной!
Нетронуты, всецело спасены
Все чёрта благороднейшие части:
На кожу вышел призрак нежной страсти!
Проклятые огни истощены,
И я вам шлю проклятье сатаны!

Ангелы
(хор)

Пламень священный!
Кто им объят —
Жизни блаженной
С добрыми рад.
К славе Господней,
К небу скорей:
Воздух свободней,
Духу вольней!

Поднимаются к небу, унося бессмертную часть Фауста.

Мефистофель
(оглядываясь)

Что? Как? Куда умчались? Неужели
Меня вы, дети, обманули? Ввысь,
На небеса, с добычей улетели!
Затем-то вы у ямы здесь толклись!
Расстался я с сокровищем великим,
Единственным, — его я отдал вмиг им!
Высокий дух, бесценный мой залог,
Как хитрецам вдруг уступить я мог?
Кто склонит слух свой к жалобе законной,
Отдаст мне право, купленное мной?
Как ты, старик, ты, опытом прожжённый,

Ты проведён! Ты сам тому виной!
Увы, погиб напрасно труд великий!
Я вёл себя позорно! Верх чудес:
Дрянная похоть, пыл любовный, дикий
Тебя смутили, прокопчённый бес!
Всем жертвовать из-за пустого дела
Ты, опытный, разумный, был готов!
Да, глупость не мала: в конце концов
Она тобою даже овладела!

FINIS

P. S.

Блажен ты будешь, наш читатель,
Кода сказать ты сможешь так:
В моей душе зло пребывало
И «дров» я «наломал» немало...
Но я в себе дурные страсти
Все постепенно победил;
Они в моей отныне власти —
Вот чем я Богу угодил.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА

ПРИМЕЧАНИЯ

Бог (с большой буквы) — Творец Мира (по-другому — Творец Вселенной) — надмирная реальность. Бог един и один. Бог по Своему промыслу (замыслу) осуществляет иерархически наивысшее всеобъемлющее управление тварным Миром.

Любовь (с большой буквы) — отношение Бога к тварному Миру (планета Земля и человек — составные части тварного Мира).

бог (с маленькой буквы) — тварная сущность: одушевлённое или нет творение Бога (человек, животное, растение, планета, звезда и т.д.), или рукотворное произведение (идол), которое человек в своём воображении наделяет определёнными свойствами и поклоняется ему, вместо того, чтобы верить Богу по совести. И ещё. Термины «Вера в Бога» и «вера Богу (по совести)» — не синонимы...

совесть — непосредственная обоюдосторонняя духовная (по-другому — информационная) связь (со-весть) души человека с Богом. Через совесть Бог даёт человеку способность различать добро и зло (по принципу: то — не то, хорошо — плохо, истина — ложь, можно — нельзя). Иметь совесть или не иметь (в Попущении, до срока) — личный выбор каждого, предоставленный ему Богом...

мир (с маленькой буквы) — человеческое общество или, в другом контексте, — отсутствие войны.

любовь (с маленькой буквы) — чувство, основанное на половом влечении.

чёрт, бес, дьявол, лукавый, сатана (шайтан) — синонимы — символы зла.

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ:

«Кто цену придаёт незначимым листам...» — речь идёт о листьях лавра, из которых в древности сплетали венок для украшения головы прославленного человека.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА 1:

По учению средневековых мистиков, Макрокосм является воплощением Вселенной, а Микрокосм — это человек. Знак Макрокосма в книгах по магии обозначал Вселенную, живые силы природы.

СЦЕНА 2:

По германскому народному поверью, в андреевскую ночь (под 30 ноября) девушка, помолвившись святому Андрею, может увидеть своего суженого.

Чёрная кухня — рабочий кабинет алхимика.

Гёте пользуется терминологией алхимиков для изображения фантастического опыта добывания панацеи — всеисцеляющего средства.

Под красным львом алхимики разумели золото или серу.

Лилия — в алхимии название серебра или ртути.

Царица юная — в алхимии панацея.

СЦЕНА 3:

«Ключ Соломона» — в средние века библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — древнееврейская книга заклинаний.

Духи — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.

Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклятии олицетворяет стихию огня, так как, по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Сильфида олицетворяет духов воздуха, Ундина — духов воды и Домовой — духов земли.

Incubus (лат.) — название домового, домашнего духа, хранящего клады.

«Победный знак» — знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

«Стрикраты святого огня» — разумеется троица христианской мифологии: Бог-отец, Бог-сын (Иисус) и Бог-дух.

Пентаграмма — магический знак в виде пятиконечной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов.

По народному поверью, черти являются повелителями животной нечисти: паразитов, грызунов, лягушек и т.п.

СЦЕНА 4:

Под «воском» подразумевается восковая печать, которой скрепляли написанное на коже (пергаменте).

Ars long a, vita brevis est (лат.) — искусство вечно, жизнь коротка.

Encheiresin naturae (лат.) — способ действия природы (термин древней химии).

Редукция (лат.) — термин логики, означающий сведение понятий к основным видам.

Классификация (лат.) — термин логики, означающий распределение понятий по классам и категориям.

«Метафизикой» в то время называли часть философии, которая рассматривала вопросы, не поддающиеся изучению посредством опыта (о Боге, душе и пр.).

«*Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum*» (лат.) — «И будете, как Бог, различать (знать) добро и зло». По библейской легенде, этими словами змий-искуситель соблазнял в раю Еву, предлагая ей отведать плодов с «древа познания».

Под «малым светом» Мефистофель подразумевает узкий мир средневекового городка, в котором происходит действие первой части «Фауста». «Большой свет» — государственная и общественная деятельность Фауста, показанная во второй части.

СЦЕНА 5:

Блоксберг — гора Брокен в Германии, в Харце, где, по народному поверью, происходил шабаш ведьм.

«Но отчего прихрамывает он?» — по библейской легенде, чёрт хромает, с тех пор как был свергнут Богом с небес в преисподнюю. Он иногда изображается с одной лошадиной ногой (с копытом), как бы свидетельствующей о его скотской природе.

СЦЕНА 6:

В народных легендах чёрту приписывается сооружение мостов в горах.

По германскому народному поверью, подвешенное на гвозде решето начинает само вращаться, если к нему подведут вора.

Древние германцы чтили бога мудрости, войны и Победы — Вотана (Перуна), которого изображали с двумя вёронами. Впоследствии, в христианской мифологии вёроны стали спутниками чёрта.

СЦЕНА 7:

Чёрта по народному поверью, считали владельцем кладов, зарытых в землю.

СЦЕНА 8:

Фула — страна на Крайнем Севере, упоминаемая в римских легендах. Баллада о фульском короле принадлежит Гёте.

СЦЕНА 9:

Падуя — старинный город в Северной Италии. Там находится собор им. святого Антония.

СЦЕНА 11:

«Sancta simplicitas» (лат.) — «Святая простота». Эти слова произнёс чешский реформатор Ян Гус (1369 – 1415) во время сожжения его на костре, когда увидел, как одна старушка подбросила в костёр вязанку хвороста, думая, что совершает этим богоугодное дело.

СЦЕНА 13:

Адъё (франц. adieu) — прощайте.

СЦЕНА 14:

«Завидую Христову телу я...» — речь идёт о католическом обряде причащения, когда верующие, по учению католической церкви, якобы вкушают частицу тела Христова.

СЦЕНА 16:

Катехизис (греч.) — краткое изложение основ христианского вероучения в вопросах и ответах.

СЦЕНА 17:

«В рубашке покаянной пусть расскажет!» — по средневековым законам, рождение детей вне брака каралось церковным покаянием и гражданским судом. Поэтому часто наблюдались случаи детоубийства.

Существовал обычай срывать во время венчания венки с головы невесты, потерявшей девственность до замужества, а также посыпать сечкой или соломой пороги её дома.

СЦЕНА 18:

«Mater dolorosa» (лат.) — «скорбящая мать» — изображение богородицы у подножия креста. Маргарита после падения каётся перед статуей Mater dolorosa.

СЦЕНА 19:

Талер — старинная германская серебряная монета.

Денница — утренняя заря.

«Крысолов проклятый» — намёк на легендарного крысолова из Гаммельна (Германия), который, играя на дудочке, сманивал вместо крыс детей.

В XV веке в Германии женщинам нескромного поведения запрещали пышно одеваться, носить золотые и серебряные вещи и посещать церковное богослужение.

СЦЕНА 20:

В этой сцене Маргарита, терзаемая угрызениями совести, оплакивает две смерти: матери, отравленной Мефистофелем, и брата Валентина, убитого Фаустом в уличной стычке.

Церковный хор исполняет католический гимн о Страшном суде, который ждёт всех грешников. Этот гимн входит в заупокойную службу (реквием):

День гнева,
Этот день испепелит мир,
Когда воссядет Высший судия,
Всё сокровенное откроется,
И ничто не останется без возмездия.
Что скажу я тогда, несчастный?
К какому покровителю припаду,
Когда даже праведник вострепещет?

СЦЕНА 21:

По народному поверью, блуждающие огоньки на болоте завлекали путников в трясины и помогали нечистой силе.

Капы — болезненные наросты на деревьях.

«Царь Маммон заблестит со всех сторон» — намёк на клад и золотую руду в горе. Уриан — одно из германских названий чёрта.

Баубо (греч. миф.) — кормилица богини земли Деметры, веселившая её непристойными шуткам... Гёте изображает Баубо как предводительницу бесстыжих ведьм.

Ильзенштайн (камень Ильзы) — утёс в Харце, названный по имени принцессы Ильзы, возлюбленной германского императора Генриха II. Вблизи утёса протекает речка Ильза.

«Мазь ведьме бодрость придаёт» — волшебная мазь, которой якобы натирались ведьмы для полёта в воздухе на мётлах, вилах и т.п.

Орден подвязки — высший английский орден.

Генерал, а затем министр, *parvenu* (по-французски «выскочка») и автор — сторонники отживших порядков, враждебно относящиеся ко всем новшествам.

Образ ведьмы-ветошницы — сатира на историков и археологов, перерывающих разный хлам, не имеющий научного значения.

Лилит — по еврейской легенде, первая жена Адама, дьяволица и соблазнительница. Имя её часто упоминается в средневековых легендах.

Проктофантаст — под этим именем Гёте высмеял германского издателя и литератора Ф. Николаи, которого считал тупицей и бездарностью. Николаи заявил однажды в учёном заседании Берлинской Академии наук, что избавился от мучившего его привидения при помощи пиявок, которые он поставил себе на зад. На это намекает первая часть прозвища — *proktos*, что по-гречески означает «зад».

Рацея (лат.) — поучение, наставление.

Тегель — имение известного германского естествоиспытателя Гумбольдта, где якобы являлись привидения, что и дало повод для отмеченного выше выступления Николаи.

Медуза (греч. миф.) — одна из трёх дев Горгон со змеями на голове вместо волос. От взгляда Медузы люди обращались в камень.

Персей (греч. миф.) — легендарный герой, отрубивший голову Медузе.

Пратер — обширный парк в г. Вене (Австрия), место народных увеселений.

«*Servibilis*» (лат.) — «услужливый» — тип поверхностного знатока в литературе и искусстве.

«Последнее, седьмое, представленьё» — Гёте осмеивает мистическое толкование цифры «семь».

СЦЕНА 25:

«Песня внутри» представляет собой вариант германской народной песни.

Перед казнью в знак смертного приговора судья ломал свой жезл и звонили в церковный колокол.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЖИВОПИСНАЯ МЕСТНОСТЬ

«четыре срока» — здесь имеется в виду счёт времени у древних римлян. Половину суток, от шести часов вечера до шести часов утра, они делили на четыре части,

называемые вигилиями. В дальнейшем эти четыре срока названы Гёте условно: Serenade (вечер), Notturmo (ночь), Mattutino (рассвет), Reveil (утро).

Лета (греч.миф.) — река забвения в подземном мире; от её воды души умерших забывали о земных страданиях.

Оры (греч.миф.) — богини времени.

Феб (греч.миф.) — бог Солнца.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Гибеллины (итал.) — политическая партия сторонников императорской власти в средневековой Италии, враждебная папской партии гвельфов, отстаивавшей светскую власть папы.

Кастелян — в ведении кастеляна в средние века находились охрана замка и хозяйство.

Авгур — жрец в древнем Риме.

Тёмный смысл предсказания астролога станет понятен, если учесть, что каждая из семи известных в древности планет соответствовала определённому металлу: Солнце — золоту, Меркурий — ртути, Венера — меди, Луна — серебру, Марс — железу, Юпитер — олову, Сатурн — свинцу.

Альравны — уродливые фигурки, которые вырезывались из корня мандрагоры. Этим фигуркам приписывались волшебные свойства. По народному поверью, корень мандрагоры мог выкопать только чёрный пёс; человек, добывший корень мандрагоры из земли, тотчас же падал мёртвым. Альравнами в германской мифологии назывались также злые духи.

По народному поверью, у человека, проходящего по земле, где зарыт клад, щеко-чет в подошве.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ

Атлант (греч.миф.) — титан, осуждённый Зевсом поддерживать небесный свод.

Триглиф (греч.) — орнамент в виде разных желобков, располагаемых группами по три под основой крыши в дорических храмах.

Парис — герой античного мифа о Троянской войне. Похищение Парисом прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая, и послужило, по преданию, причиной этой войны.

Эндимион (греч.миф.) — прекрасный юноша, охотник, возлюбленный Дианы (богини Луны и охоты).

Дуэнья (исп.) — пожилая дама, сопровождающая девушку и наблюдающая за её поведением.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПРЕЖНИЙ КАБИНЕТ ФАУСТА

Фамулус (лат.) — учёный служитель при профессоре или лаборатории.

Nicodemus (лат.) — Никодим.

Oremus (лат.) — помолимся. Испуганный неожиданным появлением Мефистофеля и тем, что он знает его имя, Фамулус хочет помолиться.

«Как Пётр святой, ключами он владеет» — апостол Пётр, по христианской легенде, владеет ключом от рая.

Бакалавр — это тот самый ученик, которому Мефистофель в первой части «Фауста» давал коварные наставления. В грубом и самонадеянном молодом человеке нельзя узнать прежнего скромного и наивного юношу...

Хризалида — куколка бабочки.

«Резолютивен ваш отважный вид, но абсолютность всё же Вам вредит» — эти слова Мефистофеля — пародия на учение философа-идеалиста Фихте, который утверждал, что Мир не является объективной реальностью, а только плодом субъективного сознания. На это намекает и игра слов у Гёте: «Резолютивен (то есть чрезмерно решителен) ваш отважный вид, но абсолютность (то есть абсолютный субъективизм) всё же Вам вредит».

Филистерство (герм.) — обывательщина, мещанство, пошлость.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

МЕСТНОСТЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ

Елена, героиня древнегреческого мифа о Троянской войне, предстаёт здесь как воплощение античного идеала красоты.

Фригия — страна в Малой Азии. Елена, забыв об Аиде, из которого она вызвана, воображает, что она только что вернулась из Трои.

Эвр (греч.) — восточный ветер.

Тиндарей — легендарный спартанский царь, отец Елены; изгнанный на некоторое время своим братом из Спарты, он затем вернулся и построил дворец на склоне холма, на котором стоял храм Паллады (Афины).

По одному из вариантов мифа о Елене Троянской, царевич Парис похитил её из храма на острове Цитеры (у берегов Лаконии).

Жители стигийские — страшные образы подземного мира Аида, где течёт река Стикс. За один из таких образов Елена принимает Форкиаду.

Форкис (греч.миф.) — морской старец, брат Нерея; дочерьми его были Форкиады, или Граи.

Тайгет — горный хребет в Греции.

Пифонисса — имя прорицательницы в Дельфах (Греция) стало нарицательным для обозначения предсказательниц.

Линцей — имя одного из аргонатов, кормчего корабля, Арго, он отличался необыкновенной зоркостью.

Пан (греч.миф.) — бог лесов, покровитель стад.

Аркадия — местность в древней Греции, населённая пастухами и охотниками. В поэзии Аркадия — счастливая страна.

Фавн (римск.миф.) — бог лесов, полей и пасущихся стад.

Антей (греч.миф.) — великан, сын Геи (богини земли), черпавший силы от прикосновения к земле.

Образ Эвфориона создавался Гёте под впечатлением деятельности английского революционного романтика Байрона, который умер в расцвете сил, приняв участие в освободительной борьбе греков против турецкого ига.

Пелопс — древнегреческий царь, по имени которого назван полуостров Пелопонес.

Икар (греч.миф.) — сын сказочного художника, архитектора и изобретателя Дедала. Отец сделал ему крылья из перьев, скреплённых воском, на которых Икар поднялся так высоко, что приблизился к Солнцу. Воск растаял, Икар упал в море и утонул.

Персефона (греч.миф.) — владычица подземного царства.

«Ведьмой фессалийскою» — так Панталис называет Форкиаду.

Асфодель — мифическое адское растение вроде лилии.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ВЫСОКИЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ

Семимильные сапоги упоминаются в германских народных сказках.

Молох — у древних финикийян бог Солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы.

«Земные царства все и всю их славу» — слова из евангельского рассказа о том, как дьявол повёл Христа на высокую гору и показал ему оттуда все царства Земли.

Сарданапал — ассирийский царь, прославившийся своей роскошью и изнеженностью.

«Трое сильных» — так называются в Библии герои из войска царя Давида.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ДВОРЕЦ

«Я пёстрых птиц назавтра жду...» — Мефистофель говорит о пёстрых флагах иноземных кораблей.

Намёк на библейский рассказ о самарийском царе Ахаве, который при помощи подлой хитрости отнял виноградник у своего соседа Навуфея.

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Лемуры (римск.миф.) — беспокойные духи или тени умерших злых людей.

В эпоху средневековья античных богов считали дьяволами, поэтому Нептун, бог моря, называется здесь морским чёртом.

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Психея (греч.миф.) — красивая девушка, возлюбленная Амура, бога любви. Психея олицетворяла собой человеческую душу и изображалась в виде девушки с крыльями бабочки или просто в виде бабочки.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОСВЯЩЕНИЕ	стр. 1
ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ	стр. 1
ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ	стр. 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
СЦЕНА 1. НОЧЬ	стр. 9
СЦЕНА 2. У ГОРОДСКИХ ВОРОТ	стр. 19
СЦЕНА 3. КАБИНЕТ ФАУСТА	стр. 29
СЦЕНА 4. КАБИНЕТ ФАУСТА	стр. 37
СЦЕНА 5. ПОГРЕБ (КАБАК) АУЭРБАХА В ЛЯЙПЦИГЕ	стр. 51
СЦЕНА 6. КУХНЯ ВЕДЬМЫ	стр. 61
СЦЕНА 7. УЛИЦА	стр. 70
СЦЕНА 8. ВЕЧЕР	стр. 72
СЦЕНА 9. ГУЛЯНЬЕ	стр. 76
СЦЕНА 10. ДОМ СОСЕДКИ	стр. 78
СЦЕНА 11. УЛИЦА	стр. 83
СЦЕНА 12. САД	стр. 85
СЦЕНА 13. БЕСЕДКА	стр. 90
СЦЕНА 14. ЛЕС И ПЕЩЕРА	стр. 92
СЦЕНА 15. КОМНАТА МАРГАРИТЫ	стр. 96
СЦЕНА 16. САД МАРТЫ	стр. 97
СЦЕНА 17. У КОЛОДЦА	стр. 101
СЦЕНА 18. У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ	стр. 103
СЦЕНА 19. НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ МАРГАРИТЫ	стр. 103
СЦЕНА 20. СОБОР	стр. 108
СЦЕНА 21. ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ	стр. 110
СЦЕНА 22. СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ	стр. 121
СЦЕНА 23. ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ	стр. 126
СЦЕНА 24. НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ	стр. 128
СЦЕНА 25. ТЮРЬМА	стр. 128
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	
ЖИВОПИСНАЯ МЕСТНОСТЬ	стр. 135
ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ	стр. 137
МАСКАРАД	стр. 145
ДВОРЦОВЫЙ САД	стр. 166
МРАЧНАЯ ГАЛЕРЕЯ	стр. 169
ЯРКО ОСВЕЩЁННЫ ЗАЛЫ	стр. 173
РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ	стр. 175
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	
ПРЕЖНИЙ КАБИНЕТ ФАУСТА	стр. 181

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	
МЕСТНОСТЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ	стр. 188
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ	
ВЫСОКИЙ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ	стр. 222
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ	
ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ	стр. 231
САД	стр. 232
ДВОРЕЦ	стр. 233
ГЛУБОКАЯ НОЧЬ	стр. 237
ПОЛНОЧЬ	стр. 239
БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ	стр. 243
ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ	стр. 246
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	стр. 253
